

Monsieur Stéphane,

Je vous envoie la première partie - définitions. Cela fait 15 pages. Si vous avez des dictionnaires français-russes d'avant-guerre, regardez, s.v.p., le mot «appétition», j'ai traduit comme «возжелание». Je vais vous rendre la traduction de la «formation de la psyché préconsciente» quand vous serez à Moscou.

Dans l'attente de vous voir prochainement je vous adresse mes meilleurs sentiments.

Natalie Ilina

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ТЕОРИЯ

1. Определения

Необъяснимая причина любого физического движения называется силой. Необъяснимая причина любого психического движения называется: жизненной силой.

Психическое движение отличается от физического тем, что тело, приводимое в движение психически имеет прямое ощущение того, что с ним происходит. Оно приведено в движение. Оно обладает внутренним движением: возбудимостью. ВОЗБУДИМОСТЬ - это всего лишь другое определение для жизненной силы. Она также необъяснима. Возбудимость - так по-другому можно назвать саму жизнь и ее существование, одновременно очевидное и загадочное. Введение границы между объяснимым и необъяснимым, в отличие от любого умозрения, называется метафизикой. Догматическая метафизика отрицает именно эту очевидную грань: она прилагала все усилия для того, чтобы объяснить необъяснимое по ту сторону этой грани: тайну. Научно приемлимому усилию следует определить как можно точнее границу всякого исследования о жизни, а значит любого изучения психических проявлений, для того, чтобы научный подход не затерялся в областях, недоступных исследованию; но также и для того, чтобы исследование не боялось приблизиться к этой границе.

Возбудимость, фундаментальный принцип жизни, являясь границей, которая достигается объяснением, но которую нельзя пересечь, имеет, однако, кроме необъяснимой стороны, также феноменальную констатируемую сторону, определимый аспект. То, что необъяснимо - это ее существование; то, что объяснимо - это ее способы существования. (Философия назвала бы возбудимость жизненной материей. Опасность здесь была бы в том, если дать

этой материи имя, например «Бог» и забыть, что эта «материя» и есть необъяснимая Тайна; опасная ошибка была бы в придании этой Тайне существования, реально сравнимого с существованием предметов внешнего мира, или, даже с существованием предметов внутреннего мира: назвать ее, например «Рассудок, Любовь» и т.д. и забыть, что все эти названия являются только мифическими символами, антропоморфизмами, выражающими однако глубокую правду: возбудимость и способы ее существования, видимая жизнь, являются проявлениями, выражением Тайны, самой по себе необъяснимой.) Психология должна прежде всего избежать ошибки пытаться объяснить необъяснимое (возбудимость); ее задача лишь в том, чтобы объяснить способы ее существования, реальную жизнь.

Возбудимость, в своей модальной форме, определяется как потенциальное возбуждение. Она является принципом возможности любого второстепенного и явного возбуждения, а значит и принципом возможности любого раздражителя. Возбудимость - это принцип существования внутреннего мира, внешнего мира и их взаимопроникновения: жизни. Внутренний и внешний мир остаются необъяснимыми без введения этой константности самой по себе необъяснимой: возбудимости. Жизненная сила, в отличие от «силы» в физике, которая представляет собой абстрактный характер, имеет более конкретный характер, являясь непосредственно прожитой, прочувствованной. Возбудимость, самое фундаментальное явление психической жизни, проявляющееся в форме раздражителя и возбуждения, заставляет развивать систему определений, которые будут формировать необходимую базу для объединения процессов, поддающихся наблюдению посредством интроспекции.

Любое дополнительное возбуждение требует успокоения. Средство успокоения - это реакция. Любому возбуждению соответствует реакция.

Возбуждению в принципе (возбудимости) соответствует реакция в принципе (реактивность). Принцип жизни, возбудимость, не может найти, по определению, полного спокойствия, так, чтобы жизнь не исчезла. Жизнь - это неустанная игра и контригра возбудимости и реактивности. Из-за этой неустанной игры и контригры, возбудимость является энергетическим источником жизни. Эта энергия обеспечивает основную работу жизни: эволюционную работу. Не имея возможности полностью ослабить

возбудимость, эволюционная реактивность стремится к формам всегда более способным смягчить возбудимость, по меньшей мере количественно. Она стремится к тому, чтобы стать реактивностью с более прогрессивно ясным качеством, лучше направленным, более разумным. Эволюционная тенденция, игра и контригра возбудимости и реактивности непременно приводит к все более контролируемой реактивности. Жизнь делается все более осознанной, а реактивность становится добровольной деятельностью. (Жизненное успокоение может быть найдено посредством смерти, которая является фатальной и индивидуальной необходимостью, а также эволюцией - идеальной и общей необходимости.) Игра между возбудимостью и реактивностью, характерная для любой жизни, энергетическая и эволюционная работа, которая хочет привести к спокойствию не в виде смерти, а в виде расцвета, никогда полностью не осуществимого, эта игра, активизируемая жизненным порывом, может быть названа **ОСНОВНЫМ ЖЕЛАНИЕМ**, которое оживляет всю жизнь. Оно оживляет также каждую жизнь; так как игра между возбудимостью и реактивностью, эволюционная работа - это интрапсихическое явление; оно может проявляться только через реальную жизнь и ее индивидуализированные формы. (Миф персонифицировал основное желание и назвал его душой. Он персонифицировал тайну и назвал ее: Бог. В соответствие с мифической персонификацией, общей для всех народов, жизнь - это происхождение, творение Господа; и душа, чтобы не потерять ориентировку в жизни, должна стремиться к тому, чтобы найти успокоение в Господе. Эта мифическая персонификация полна глубокого смысла. Но она тут же теряет любой смысл и становится суеверием, если мифический образ перепутан с реальностью, если Господь и душа приняты за персонажей. В соответствии с этим суеверием, Бог намеренно создал мир, и он намеренно вознаградит и накажет душу. Философия, религиозная или светская, всегда была склонна принимать мифические образы за реальность. Все умозрительные ошибки происходят из-за этой фундаментальной ошибки, которая принимает описательный символ Тайны, не поддающийся описанию, за логическое описание, могущее быть логически истолковано и оспорено. Умозрение есть не что иное, как это толкование и это исследование, которые, создавая ложно поставленные, а значит неразрешимые проблемы, тянулись через века.)

Возбудимость, грань между необъяснимым и объяснимым, понятая как самое фундаментальное явление жизни, на котором должно быть основано любое объяснение жизни, не позволяет, впрочем, привести к своему настоящему смыслу метафизическую проблему (Господь создатель) и моральную проблему (Господь, распределитель наказания и вознаграждения), зато она позволяет придать истинный смысл третьей проблеме древнего умозрения: проблеме СВОБОДЫ.

Человеческая психика, свободна она или нет? С помощью проблемы свободы, комплекс предварительных проблем (Бог, душа, свобода) обращается к психологии за решением. Психология останется только умозрением, пока она предварительно не будет искать решение проблемы свободной или определенной воли. Однако, изучение добровольных решений зависит от мотивов и их финальности.

Все эти проблемы концентрируются в проблеме финальности. Биологическая финальность всех жизненных проявлений, разумное и эволюционное направление жизни, доступное наблюдению в общих чертах и часто в самых удивительных подробностях, по-видимому доказывает созидательную волю, похожую на человеческую волю. Эта ложная концепция финальности прячется за всеми так называемыми доказательствами существования антропоморфизированного Бога. Когда его существование доказано, легко допустить, что этот персональный Бог наблюдает лично за человеческими поступками, и чтобы его наказание и вознаграждение были справедливыми, нужно, чтобы решения человека были свободными. Все мифы выражают таким образом отношения между Богом и душой. Ошибка также заключается в принятии символической персонификации души и ее качеств - свободы, бессмертия, нравственности и безнравственности, и т.п. - за первичные данные, освобожденные от любого анализа.

Биологическая финальность - это не что иное, как эволюционное стремление к возбудимости. Она является обязательным продолжением контригры между возбудимостью и реактивностью. Сознательная жизнь, умышленная финальность, человеческая воля направляемая мыслью, - это специальный случай биологической финальности, продвинутый этап эволюции. Поскольку вся жизнь является проявлением Тайны самой по себе необъяснимой, миф выражает глубокую правду, символизируя Тайну с помощью образа Бога,

который обладает в идеализированной форме сознательной волей человека, самым эволюционным проявлением жизни. Это конкретный образ, самый достойный из тех, что можно найти в реальной жизни.

Принять этот воплощенный образ за описание, означает неправильно понять отношение между биологической финальностью и преднамеренной финальностью человека, сделать из биологической финальности специальный случай преднамеренной финальности. Наука сражается с этой умозрительной ошибкой; но сражаясь с ней, она всего лишь является ее жертвой, и рискует увязнуть в противоположной спекуляции. Возражая против идеи, что мир - это творение преднамеренной воли, она склонна отрицать не только очеловеченного Бога, но также и мифическую правду, которую скрывает этот образ: Тайну. Она хотела бы, чтобы мир и вся жизнь, были бы объяснимыми с помощью каузальности. Из-за неприязни к умышленной финальности, как к причине мира или эволюционной жизни, она отрицает любую финальность. Теоретическая попытка (Дарвин) привести биологическую финальность к более или менее рискованному эпифеномену каузальности, объясняя эволюцию как следствие борьбы за выживание, доказывает в конечном итоге, самым красноречивым образом, противоположное тому, что он хотел доказать. Теории не удается заменить финальность каузальностью, но удается доказать, что финальность, преобладая над всеми проявлениями жизни, пользуется каузальностью, чтобы достичь своих эволюционных целей. Выживание самого сильного, это, вероятно, средство эволюционной финальности, но оно, конечно, не является единственным, так как количество инстинктивно целенаправленных реакций животных, бесконечно слишком комплексно, чтобы теория могла их объяснить.

Возбудимость, определяющая реактивность - является в своей кажущейся форме возжеланием, направленным к внешнему миру, источником всех желаний, но так как оно еще недифференцировано, она является также основным желанием, которое оживляет любую жизнь и подталкивает ее к поиску покоя с помощью реакций все более эволюционных, более дифференцированных и адаптированных, более разумных. Но реакции не могут различаться так, чтобы возбуждения также не различались, требуя все более адаптированную реактивность, которая снова становится причиной более селективной возбудимости. Основное желание стремится к неосуществимой, но

направляющей цели: окончательный покой жизни в необъяснимой и недоступной тайне, в которой любая жизнь и ее эволюция являются только проявлением. Основное желание - это в принципе финальность: оно есть принцип любой целевой причины. Возбудимость-возжелание проявляется через разнообразные возбуждения; энергия основного желания разделяется на многочисленные желания. Эти многочисленные желания не имеют больше целью успокоение при помощи возвращения к Тайне (религиозность в отличие от религий), а успокоение реактивное, направленное к многочисленным раздражителям, совокупность которых составляет внешний мир, который обязательно дополняет мир внутренний.

Многочисленные возбуждающие средства детерминируют многочисленные возбуждения, и эта детерминированность является чисто каузальным. Но множественные возбуждения, созданные желания, требуют реакции, цель которой обладать (или избежать) возбуждающим предметом. Возбуждения детерминируют реакцию через мотивы и эта детерминированность имеет конечную цель. Ее целью является разумное удовлетворение.

Существует два финализма: финализм основного и эволюционного желания, стремящийся к окончательному покою, идеальная и неосуществимая цель любой жизни, и дополнительный финализм множественных желаний, который стремится к многочисленным раздражителям, к обладанию внешним миром.

Борьба между этими двумя финализмами характеризует любую реальную жизнь. Способ ведения этой борьбы и найденное решение для этой борьбы характеризуют в целом любое проявление жизни, любую индивидуальную жизнь; они характеризуют основное значение индивидуального бытия. (У животных множественные желания являются выражением жизненной необходимости; финализм, который их удовлетворяет - инстинктивный и общий для всех представителей вида. Если жизненная необходимость не может быть удовлетворена, вид умирает или эволюционирует; он эволюционирует, если жизненный порыв, основное желание, оживляющее вид, которое сформировало, «создало» этот вид и его инстинктивный финализм (телесная организация которого является только внешним выражением) достаточно сильно, чтобы создать более адаптированный инстинктивный финализм (а значит и морфологическую организацию). Поскольку эта эволюционная трансформация начинается сначала у некоторых особей вида, формирующих аберрации (и

которые могут быть довольно многочисленными, чтобы можно было говорить о внезапной мутации), эти особи могут рассматриваться как жизненно более полезные, чем те, которые погибают. У человека эволюционная трансформация больше не затрагивает инстинктивный финализм вида, а побудительный и индивидуальный финализм, она больше не вызвана телесно-жизненными опасностями, а психически жизненными, она менее включает морфологическую эволюцию, чем эволюцию психических способностей.)

Животное возбуждено только в соответствии с необходимостью его природы. Внешние раздражители не имеют над ним никакого воздействия, если они не соответствуют необходимости, которая его оживляет, основному желанию его природы. Возбуждения, которые переносит животное, детерминированы раздражителями, и, поскольку, возбуждения детерминируют реакции, поведение животного полностью предопределено раздражающей средой. Основное желание (возжелание) и множественные желания еще не дифференцированы, отсюда следует, что характер каждого животного является неизменяемой константой, общей для вида. Поскольку жизненные потребности еще недифференцированы, можно сказать, что инстинктивная безопасность животного - это одно из проявлений свободы, инстинктивной и бессознательной свободы (говоря на языке мифов: животное невинно отдыхает в рассудке). Если окружающие раздражители препятствуют основному желанию удовлетворительного выживания, основная финальность показывает все его мощь: вид побеждает принуждение, он эволюционирует. Эволюция остается второстепенной и каузально детерминированной принуждением; но эта внешнее детерминированность была бы недейственной, если бы она не вызывала основную причину, основное желание выжить, которое резюмирует эволюционный финализм вида. Без этой внутренней детерминированности, основной, целенаправленной, свободной, потому что она является совершенным выражением самой природы вида, каузальная детерминированность, принуждение, не могла бы произвести эволюцию вида, а только лишь его разрушение, смерть вида. Если не бояться формулировки немного мифической, можно сказать: «Пока принуждения способны быть побежденными актуальной организацией вида, энергия основного желания проявляется в форме увеличенных и жизненных потребностей, способных найти их удовлетворение. Когда принуждения непреодолимы, энергия, распределенная в желаниях

жизненных потребностей, снова концентрируется в основном желании и эта концентрация позволяет основному желанию найти самое жизненно мощное удовлетворение: эволюцию.» Эта правдоподобная версия была бы полностью мифической, если бы основное желание было бы персонифицировано, если бы ему одалживали человеческую волю (если бы ее называли например созидательный рассудок, который сформировал вид, который умышленно создал явный финализм телесной организации.) Здесь, как и в каждой мифической формулировке, речь идет о том, чтобы не забыть, что выражения такие как «основное желание, финальность, возбудимость» имеют только одно значение: «Тайна». Они предлагают не определение Тайны, а только описательное изучение ее проявления (жизни), описание менее загадочное, чем древние мифы, которое с помощью биологических и психологических терминов, наметит основные рамки, в которых все наблюдения включатся, и с помощью которых они сгруппируются и расположатся в порядке. Таким образом, рамки, из экономии, будут в конечном итоге оправданы, как истинный смысл реальной жизни: они позволят сформулировать законы, которые управляют в основном реактивностью, и в частности, человеческой деятельностью во всех ее проявлениях.

Все, что было сказано о каузальности и о побудительной финальности животной реактивности, остается в силе для сознательной реактивности, для человеческой деятельности. Только у человека отношение между каузальностью и финальностью усложняется, так как сознательное включает в себя ВЫБОР. Именно эта возможность выбора побуждает понимать свободу в ошибочной форме необъяснимой спонтанности (невозможно привести к другим биологическим явлениям) называемой свободная воля. Нужно прежде всего настаивать на том факте, что свободная воля - по меньшей мере понятая как необъяснимая спонтанность - не существует. Выбор сам по себе детерминирован, мотивирован, и именно эта детерминированность, а не спонтанность становится в конечном итоге причиной свободы. *Спонтанность без детерминированности сделала бы из человека противоположное свободному и ответственному существу, игрушку случая и капризов.* Появление спонтанной свободы создается тем, что человек может колебаться между различными реакциями. Это колебание имеет причиной то, что человек в

состоянии увеличить количество своих желаний над своими жизненными потребностями, что производит колеблющуюся дезориентацию, способную стать болезненной. Этот факт уже сам по себе доказывает то, что свобода не может базироваться на колебании, сложном явлении, с трудом поддающемся анализу. Можно сказать некоторым образом, что вся мотивационная психология в конечном итоге не будет ничем иным, как анализом колебания (сверхсознательного, сознательного и подсознательного подавления). Уже можно указать, что проблема колебания связана с другой фундаментальной проблемой психологии мотивов, проблемой экзальтации. Экзальтированные желания, слишком многочисленные, дезориентированные, то есть плохо контролируемые сознанием, находятся в подчинении у подсознательного определения, и не будучи без детерминированности, они наоборот являются сверхдетерминированными и становятся навязчивыми. Феномен колебания скорее является доказательством нехватки свободы, доказательством навязчивой сверхдетерминированности, блокированной тревожным подавлением, которое само по себе подсознательно сверхдетерминировано. Однако, помимо этого болезненного колебания, связанного с чрезмерным увеличением желаний, существует здоровое колебание (торможение разума, духовное сверхсознательное подавление), также не являющееся свободной волей, но позволяющее понять истинную природу свободы.

У человека возбуждения, желания, детерминированные возбуждающими средствами, детерминируют в свою очередь финализм реакций. Однако, в сознательной психике человека, возбуждения могут претерпевать изменения, до того как стать определяющими для реактивного финализма. Более или менее сознательные возбуждения человека не только аффективно прочувствованы, а также могут быть продуманы. Возбуждения становятся мыслями.

ВОЗБУЖДЕНИЯ МЫСЛИ (способность человека думать и сортировать свои желания) остаются каузально детерминированы раздражителем, каким и является любое возбуждение. *Но реактивный финализм, приведенный в действие правдивой мыслью, оставаясь полностью предопределенным, является однако полностью желанным человеком, добровольным: свободой.*

Инстинктивная реактивность животного становится осознанной и намеренной деятельностью у человека. Но для того, чтобы эта деятельность была свободной, нужно, чтобы и мысль была настоящей и справедливой. **ЧЕЛОВЕК**

НЕ СВОБОДЕН, НО ОН МОЖЕТ СТАТЬ СВОБОДНЫМ, ОСТАВАЯСЬ ДЕТЕРМИНИРОВАННЫМ. Эта детерминированная свобода, эта свободная детерминированность, это самоопределение человека является - как будет видно - результатом спиритуализации и сублимации желаний. С помощью интрапсихической работы сознательного контроля и добровольного управления возбуждениями, человек может освободиться от финализма многочисленных желаний и осуществить финализм основного желания. Энергия, рассредоточенная в множественных желаниях, снова концентрируется в основном желании, и человек достигает таким образом удовлетворения основного желания, которое заключается в уменьшении возбудимости с помощью деятельности, ставшей спокойной, уверенной в себе, потому что соответствующей эволюционному смыслу жизни. Освобождаясь от опасности сознательной жизни, которая является экзальтацией желаний, человек находит покой в смысле жизни, которым животное владеет вследствие своей инстинктивной безопасностью (потерянный Рай). Освобожденный человек находит покой, возвышенный отдых, основное удовлетворение, интенсивную радость жизни в плане более возвышенной эволюции: инстинктивная и бессознательная безопасность стала сверхсознательной и духовной безопасностью, уверенностью в правде. Но человек может приблизить эволюционную цель только в той степени, в которой сверхсознательный проводник, основное желание, жизненный порыв, силен в нем, в той степени, в которой он умеет доминировать опасностью любой сознательной жизни: увеличение желаний. (Мудрость языка учитывает эти импликации: предметы внешнего мира оказывают влияние на животного только при условии соответствия его инстинктивному финализму. У человека воздействие должно контролироваться. Оно должно быть понято. Схватыванию должно предшествовать понимание.) ЭТА КОДЕТЕРМИНАЦИЯ АКТИВНОГО СХВАТЫВАНИЯ КАСАЕТСЯ ФИНАЛИЗМА МОТИВОВ.

Возбуждение имеет две причины: второстепенную причину, раздражитель, и основную причину: возбудимость, настоящую финальность. Несмотря на то, что любое возбуждение каузально предопределено раздражителем, начатая реакция участвует в финальности основного желания. Но реакция не всегда проявляется в настоящий момент, она часто остается незаконченной. Эта

незаконченная реакция, определяющая будущую деятельность, является мотивацией. Вместо внешней и немедленной реакции, проявляется внутренняя, терпеливая и медленная реакция, полностью вызванная финальностью основного и эволюционного желания. Целью этой задержки является разумная трансформация приливающих возбуждений как нетерпеливых, аффективных и несогласованных. Внешние предметы являются раздражителем только в той мере, в какой они соответствуют желаниям или боязням, побудительному созвездию интрапсихического. Именно к этому внутренне прожитому созвездию удовлетворения и неудовлетворения должно прикрепляться самопознающее внимание с тем, чтобы контролировать прилив несогласованных возбуждений. Оно в действительности к нему прикрепляется в форме непрерывного ВНУТРЕННЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ, элементами которого являются сдержанные желания, превращенные в мотивы будущих поступков. Основная цель размышления - это освобождение в месте несоответствия приливающих возбуждений. Эта основная цель - иными словами: основное желание - стремится к согласованному освобождению, потому что интрапсихическое несогласие, дисгармония с самим собой, ощущается в форме виновности. Тревога, вызванная чувством вины, проявляется тогда, когда основному желанию не удастся достигнуть гармонизации внутренних возбуждений, ставших мотивами. Несмотря на трансформацию в продуманное и побудительное возбуждение, детерминированность, вызванная окружающим раздражителем, продолжается; но финальность основного желания, может и должна достичь господства над каузальным детерминизмом, внешним и второстепенным. Внешнему раздражителю не удалось начать аффективно немедленную реакцию, и основное желание имеет время, чтобы внести ясность (спиритуализировать) и гармонизировать (сублимировать) обещание удовлетворения, чтобы ее побудительная сила не распалась на виновные самообвинения, признак психической дисфункции. Гармония желаний, напротив, делает из этого совокупность с увеличенной побудительной силой, способной победить рассеивание и несогласие многочисленных желаний. Также как в намагниченном железе, рождается, из-за равнозначной ориентации молекул, магнитная сила, в унифицированном интрапсихическом, намагниченном основном желанием, рождаются также силы, ранее неожиданные. Основное намагничивание несет жизненную энергию в самой

высокой степени концентрации. Она не является внешне навязанной задачей, чуждой природе, она представляет собой ИММАНЕНТНУЮ ЭТИКУ, соответствующую природе человека, так как она приближает человека и его мотивированную деятельность к подлинному, правдивому и свободному раскрытию возбуждающего порыва. Так как вся жизнь - это проявление тайны, так как основное желание стремится к соединению с смыслом жизни, загадочно скрытому, отсюда следует, что самое ясное проявление тайны - это проявление, соответствующее основному и эволюционному желанию. Когда интрапсихическая работа управляется основным финализмом, она приводит к более четкому проявлению тайны, то есть к реализации смысла жизни. Скрытый смысл всегда более четко проявляется в ходе эволюции. Основное и эволюционное желание, с начала, гармонизатор и предсознательный организатор живых видов, становится сознательным рассудком, этическим идеалом самогармонизации.

Человек свободен, чтобы сделать ложный выбор. Его внутреннее размышление - это постоянный выбор, принимаемый за «свободную волю». Но эта псевдосвобода остается predetermined собственной разумом каждого человека, его ложной оценкой, его ложной мотивацией. Она приводит к патологической деформации жизни. Удовлетворение основного желания - это идеал, приемлимый для любого человека. Особенность идеала - никогда не быть совершенно выполнимым. Чтобы приблизить самую сложную реализацию, человек, стоящий перед выбором, должен сознательно преодолеть колебание между второстепенным финализмом множественных желаний и финализмом основного желания. Ложная мотивация, ложное самоопределение - болезнь рассудка - заключается в экзальтации многочисленных желаний в ущерб основному желанию. Единственное средство - это интроспективный самоконтроль. По своему собственному оценивающему расудку, человек может самоопределиться. Самоопределение, здраво освобождаясь, является единственной свободой, доступной человеку. Оно является свободой разума, свободой по отношению к предрассудкам. Где человек, который мог бы отрицать то, что в глубине себя он обдумывает до того, как начать действовать?

ПСИХИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ВНУТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ В ЗДОРОВЫХ И БОЛЕЗНЕННЫХ ФОРМАХ.

Направляющий идеал очевиден и бесспорен. Его самое простое определение - это управление возбуждениями, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ВСЕГО ЛИШЬ ДРУГИМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ДЛЯ СВОБОДЫ.

Stéphane,

Je vous envoie la traduction de «la formation de la psyché préconsciente».

Merci de m'avoir expliqué les nuances de signification de quelques mots.

Regardez, s.v.p., la page 57 du livre, le premier alinéa en bas «...sa propre détermination interne...», j'ai traduit comme « решимость » ce qui correspond aux mots «intention, résolution», c'est comme «volonté d'atteindre un but». C'est correct?

Je travaille sur le chapitre suivant, et je vous le rendrai quand vous serez à Moscou.

Accusez, s.v.p., réception de mon message.

Dans l'attente de vous voir prochainement je vous adresse mes meilleurs salutations.

Natalie Ilina.

2. Образование предсознательного психического

Как бы загадочна ни была жизненная сила, она может найти определение с помощью своего самого четкого и самого прозорливого проявления, посредством человеческого разума. Но это определение сразу же стало бы ошибочным (и это ошибка любой спекулятивной философии), если забыть, что оно отличается от любого другого определения, потому что ее загадочный предмет отличается от всякого другого констатируемого предмета. Это определение не является окончательным; оно временно и эволюционно. Оно не описывает и не объясняет Тайну; оно только указывает на степень ее морального «раскрытия», достигнутого эволюционным этапом, которым является человеческий разум. Оно указывает на отражение Тайны в своем самом эволюционном проявлении, то есть - образ, воспринимаемый человеческим разумом, видение, сверхсознательный сон человека о его происхождении и его судьбе. Оно является идеей (всегда одной и той же, несмотря на то, что она представлена в виде различных прогрессирующих формулировок), что человек делается из тайны своей жизни.

Тайна как таковая должна отличаться от *представления о Тайне*. Забвение этого различия делает идею подозрительной. Старание отличить Тайну и ее человеческое определение не может, следовательно, быть спутано со спекуляцией о Тайне, которая, заключается в том, что ее путают с определением, что хотят ее описать и объяснить; и которая может только

исключить ее, разрушить очевидное абсурдностью. Так как очевидно, что ничто не является столь абсурдным, как необъяснимая Тайна, описанная и разъясненная. Представление человека о Тайне, напротив, поддается определению. Оно не только возможно, оно необходимо. Оно создается с потребностью в человеческом рассудке, когда он раздумывает о своем собственном происхождении (которое является происхождением жизни) и о своем собственном функционировании, когда он задается целью исследовать глубины внутреннего мира, психики. Иначе говоря, представление о Тайне необходимо, потому что проявления психической жизни, доступные наблюдению, остаются необъяснимыми в их совокупности без этого предварительного определения. Но так же, как и физика должна оправдывать необходимость своего предварительного определения Силы, как причины всех движений, тем, что эта причина реально помогает объяснить и законно упорядочить все наблюдаемые проявления внешнего мира, так и психология должна оправдывать необходимость своего предварительного определения жизненной силы, признанную как причину всех эмоциональных трансформаций тем, что эта причина реально помогает объяснить и законно упорядочить все наблюдаемые проявления внутреннего мира, жизни. Другими словами, следует доказать, каким образом может быть возможно, исходя из установленных определений, постепенно спуститься до реакций предсознательной психики, чтобы прийти к анализу мотиваций, которые подготавливают здоровые и нездоровые реакции сознательной психики.

Самое примитивное проявление предсознательной жизни, доступное наблюдению, это произвольная реакция. Она также является возбуждением, как и реакцией. Возбуждение и реакция еще не разделены. Реакция немедленно следует за возбуждением.

Произвольная реакция находится на самом высоком инструктивном уровне. Начать объяснение реакций человеческой психики с этого самого примитивного проявления любой жизни, вовсе не означает сделать обходной маневр. Это, напротив, самая короткая дорога для понимания в подробностях качеств любой жизни, а значит и человеческой жизни.

Если произвольную реакцию можно назвать самым первым проявлением жизни, то следует осознать то, что она всего лишь является ее схемой; все

содержание еще отсутствует. Жизненная сила еще не разделана на два диалектических полюса: возбудимость и реактивность. Их игра и контригра, детерминируя динамическое содержимое жизни, еще не реализована. Возбудимость и реактивность составляют единое целое, и эта возбудимость-реактивность еще не разделилась на многочисленные возбуждения, на длительные желания; внутренняя жизнь, внутренне движение, эмоциональность еще не существуют.

Основное желание не находит никакой почвы для своей интрапсихической и эволюционной работы; его энергия полностью поглощена жизненными потребностями примитивного существа, потребностями, которые заключаются в том, чтобы себя прокормить и размножиться. Пока произвольная реакция не потревожена препятствием, которое мешает немедленному удовлетворению, никакого энергетического напряжения не может быть создано, и, следовательно, никакой эволюционной необходимости. Основное и эволюционное желание, которое, - по предварительному определению - оживляет любую жизнь (а значит и самую примитивную жизнь) еще не очевидно. Однако оно должно существовать, по меньшей мере, в латентной форме, так как - все еще в соответствии с определением - оно ни что иное, как возбудимость-реактивность. И действительно, оно становится явным, как только вмешивается препятствие, как только реакция не может сразу же следовать за возбуждением, как только эта примитивная форма жизни оказывается недостаточной, чтобы господствовать над всеми возбуждениями.

Препятствие является фундаментальным явлением реальной жизни. Оно возникает вследствие того, что жизнь не может проявляться без разделения внешнего мира и внутреннего мира, так чтобы внешний мир не стал независимым от внутреннего мира и от его жизненных потребностей, которые из-за этой независимости находятся под угрозой не найти удовлетворения, которого они ожидают от внешнего мира. Это недостаточность, присущая реальной жизни, первый признак страдания, проводник эволюции. Основное и эволюционное желание не может проявляться без препятствия и его страдания, так как оно всего лишь является желанием преодолеть самую фундаментальную причину страдания, желанием найти на все более возвышенных эволюционных планах, соединение между внутренним и внешним мирами, расколотыми препятствием.

Абсолютно примитивное существо, которое с помощью произвольной реакции могло бы немедленно удовлетворять все жизненные потребности, которое жило бы в совершенном согласии между внутренним и внешним миром, согласии, которое по меньшей мере было бы немедленно восстановлено, и существование которого было бы лишь рамками, схемой жизни, лишенной всякого реального содержания, это существо является лишь первоначальной фикцией.

Препятствие, мешающее немедленному удовлетворению, разрывает произвольную реакцию, настоящую возбудимость-реактивность. Оно разделяет возбудимость, отделенную от реактивности, на все более многочисленные и изменчивые желания, и разделяет реактивность на все более многочисленные и изменчивые реакции. Метафизически и мифически выраженное увеличение количества возбуждений, которые больше не удовлетворяются немедленно, создавая неудовлетворение, недостаточность, страдание, является принципом Зла; эволюционная возможность - это принцип Добра. Поскольку увеличение, вызванное препятствием, является проводником эволюционной изменчивости, Зло - это способ реализации Добра; оно само по себе является одной из проявлений Добра. Только - как это будет видно позднее - в человеческом плане эволюции увеличение количества возбуждений может противостоять эволюционной изменчивости, увеличение может экзальтироваться и противостоять природным потребностям, и таким образом превращаться в жизненную деформацию, в болезнь жизни, в Зло как таковое.

Препятствие, разрывая произвольную реакцию, создает недостаток, жизненное волнение, и пускает в ход таким образом необходимость его эволюционного преодоления. Препятствие наполняет рамки чистой возбудимости-реактивности реальной и конкретной жизнью. Вместо немедленно удовлетворенного произвольной реакцией возбуждения, проявляется раскол на два движения ожидания, зародыш психической жизни: *возбуждение сдерживается, реакция приостанавливается*. Раздражитель вводится психически. Возбуждение, вследствие СДЕРЖИВАНИЯ, оставляет длительный след, отличный с одной стороны, от внешнего раздражителя, трансформированного, с другой стороны, в психическое «движение», в эмоцию, которая начинает интрапсихическую работу, целью которой является вытеснение препятствия, разработка будущей удовлетворительной реакции.

Внешний мир, пространственный, и внутренний мир, временной, начинают различаться и взаимопроникать, взаимно и творчески оплодотворять друг друга. Возбуждение, ставшее длительным следом - нетерпеливое ожидание - обуславливает первую, еще неопределенную, апперцепцию времени, которое проходит; и она также обуславливает одновременность возбудимого и внешнего раздражителя, первое, еще смутное, восприятие пространства. Сдержанное возбуждение, ставшее памятным следом, обуславливает энергетическое стремление к будущему удовлетворению, к реакции, способной, устранить препятствие и уловить (или уклониться от) раздражитель. Сдержанная энергия - это первый признак желания и его имманентного финализма, финализма, который будет пытаться, с самого начала действовать (но еще смутно) через пространство-время, неопределенно воспринимаемое. Именно эта неопределенность остается причиной недостаточных реакций, и именно эти недостаточные реакции требуют эволюционного разъяснения, лучшего способа адаптации. Бессознательные реакции будут пытаться стать все более сознательными. Внешний и внутренний миры будут разделяться все более отчетливо с тем, чтобы достичь все более четкого соединения. Внешний мир, мир раздражителей, становится все более объективным для того, чтобы стать пространством, наполненным предметами, распознаваемые зрением, но объединенные мыслью и ее поиском каузальности. Внутренний мир, мир возбуждаемый, психическое, будет пытаться создать через эпохи эволюции, разъясненное напряжение, добровольное ожидание, ясное внимание, направленное к предметам внешнего мира. Невольное сдерживание возбуждения - первый эволюционный шаг - будет эволюционировать к терпеливо желаемому сдерживанию. Оно станет побудительным намерением, способным ожидать благоприятного момента для выбора, направленного к четко воспринимаемому предмету. Рефлекс должен стать размышлением. (Такие формулировки вовсе не являются игрой слов. Они подчеркивают мудрость языка, словесный образ жизни, образованный самой жизнью, и который - подобно мифам - содержит все секреты жизни и ее эволюционного творения.)

Чем больше возбудимость-реактивность разделяется на многочисленные возбуждения и реакции, тем больше улучшаются эмоциональность и ее

видоизменяемость. Интрапсихическая работа усложняется и убыстряется. Чем больше увеличиваются конкретные возбуждения, тем больше становится препятствий, вызывающих новые сдерживания, новые энергетические напряжения. Потенциальная энергия, возбудимость, все больше становится конкретной энергией, требующей ее превращения в будущую реакцию, чтобы удовлетворить сдержанные возбуждения. Только по отношению к возникновению окончательного препятствия, угрожающего жизни вида, против которого обычные реакции оказываются недостаточными, накопленная энергия полностью сосредотачивается на интрапсихической работе. Именно таким образом внутренняя работа приобретает силу, способную удовлетворить основное и эволюционное желание, способную создать новые формы реакций, которые в свою очередь создают себе свое средство: более развитую телесную организацию. *Телесная организация представляет собой только внешний признак эволюции; основным условием является сдержанная реакция, которая ищет все более эффективные реакции, все менее туманные. Основным условием является внутреннее движение, эмоциональность и ее эволюционная трансформация посредством интрапсихической работы.* Когда препятствие нельзя обойти пространственным путем, когда его «проблема» не может найти решение во внешнем мире с помощью внешнего движения, тогда оно требует внутреннего движения, эволюционного обхода через психику: осторожность перед препятствием, которым является примитивное сдерживание возбуждения, приостановление реакции. Эта бессознательная осторожность становится мало-помалу инстинктивной реакцией животных видов, финализмом с удивительной безопасностью, полностью адаптированным к привычным препятствиям вида. Однако ее возрастающая сложность еще слишком ригидна для того, чтобы удовлетворить все возможные усложнения окружающей среды. Ее инстинктивная проницательность эволюционирует к индивидуальному и гибкому, к сознательному и интеллектуальному предвидению препятствия и средства, чтобы его преодолеть. Продолжая эволюционное направление, бессознательная осторожность, ставшая интеллектуальным предвидением, в конечном итоге стремится к духовной прозорливости, разъясняющей природу и законность любого возможного препятствия, не только второстепенных препятствий (препятствий многочисленным желаниям), которые находятся во внешнем мире, но и основных препятствий (препятствий основному желанию),

которые находятся во внутреннем мире, в самой психике. Вызванное самым примитивным сдерживанием возбуждения, интрапсихическое движение и его эволюционная работа создают в конечном итоге самую возвышенную реакцию, способную преодолеть жизненные препятствия: поиск законности внешнего и внутреннего мира. Эта основная, интрапсихическая и духовная эволюция сопровождается шаг за шагом внешней, биологической и телесной эволюцией, финализмом телесной организации, который заключается в развитии нервной системы и посредством постепенного развития мозга.

Поскольку эти внешние признаки - только показные, очень велико искушение принять их за основные характерные черты эволюции. Эволюция, представляемая таким образом, не начиналась бы с сдержанных возбуждений, а с морфологических вариациях, которые остаются полностью необъяснимыми, которые являлись бы лишь игрой случая. Начинать объяснение не с необъяснимой сущности, с Тайны, а с необъяснимого случайного, случая, - это противоположность любому научному объяснению, насколько бы точным ни был материал, собранный наблюдением, насколько бы искусным и правдивым ни был бы теоретический способ, чтобы его сгруппировать: борьба за выживание. Все биологические объяснения эволюции грешат тем, что их исходная точка является фикцией, принятой за реальность. Эта фикция заключается в том, чтобы допустить, что внешний мир, раздражитель, существовал до внутреннего мира, возбудимости. Однако вполне понятно, что примитивное существо воспринимает только внешний мир, соответствующий своей примитивной возбудимости. Внешний мир, воспринимаемый человеком (в том числе и форма примитивных существ, живущих в мире, воспринимаемом человеком) является запоздалым результатом эволюции, результатом дифференциации возбуждений. «До того как» жизнь и ее контриобразение не появились, ничего «не существует», кроме загадочной законности, в соответствии с которой жизнь будет разворачиваться, сама создавая, через этапы ее эволюционного развития, пространство и время и все их содержимое. Эта законность является именно Тайной, которая появляется действительно как созидательный принцип. Но сказать, что законность якобы существовала до появления жизни - это образный способ говорить о Тайне при помощи пространственно-временных категорий. (Значит можно определить насколько неправильно поставлены проблемы философии: а именно, имеет ли жизнь

начало или временной конец или имеет ли мир временные границы). О Тайне можно говорить только мифическим образом, и все, чего можно достигнуть, это то, что образы становятся менее загадочными и более четкими. Образы древних мифов, однако, очень глубоки, и, несмотря на то, что они должны быть переведены на более четкий язык, ничего нельзя добавить к их глубине. Миф говорит о созидательном принципе, о Тайне, олицетворенной в образе Бога, который создает мир и жизнь через эволюционные эпохи. В соответствии с древним символизмом чисел, сотворение делалось за семь дней; так как семь - это священное число, которое символически содержит Небо и Землю: Тайна, число которой - 3 и явление, число которого - 4. Господь сказал: да будет мир, и стал мир: это Слово Божье, духовное проявление Тайны, созидательный разум, эволюционный финализм, который развивает жизнь, воплощаясь более четко в постоянном творении. Глубина мифов неисчерпаема. Но необходимо ее изучить. Когда поверхность, образное выражение, легенда принимается за реальность, кажется, что миф говорит абсурдность, и неудивительно, что скорее биологическое объяснение - каким бы механическим оно ни было - кажется является откровением.

Эволюционный финализм характеризуется тем, что реакции становятся все более прозорливыми и пронизательными, все более сознательными. Условием сознательного является память, которая связывает возбуждения и реакции.

В произвольной реакции не существует восприятия времени. Реакция немедленно связывается с возбуждением. Сдерживание реакции создает ощущение временной длительности, но еще только в эмоциональном и субъективном виде. Связь между возбуждением и реакцией разорвана. Чем больше существует сдержанных реакций, тем больше опасность, что реакции останутся эмоциональными и неконтролируемыми. Единственное средство предотвратить эту опасность заключается в том, чтобы сделать эмоциональную и субъективную длительность более осознанной и объективной; иначе говоря: связать реакции и возбуждения ПАМЯТЬЮ, которая позволяет их записать и воспроизвести, сравнить их друг с другом, извлечь из них в конечном итоге опыт, который позволит их расценивать и оценивать.

Первый эволюционный шаг, сдержанная реакция, уже содержит в зародыше память. Психическое впечатление, которое ищет свое выражение, она обладает

преобразующей силой, осуществляемой с течением времени даже на материи, на теле. Поскольку самые примитивные существа, одноклеточные, размножаются раздвоением, каждая новая живая клетка наследует памятные впечатления материнской клетки. Способы размножения эволюционируют: память в форме наследственности сосредотачивается в половых клетках, каждая из которых передает потомству соответствующую телесную организацию, превосхищенную в зародышевой плазме.

Эволюция психической организации, в которой эволюция телесной организации является только выражением, резюмируется психической восприимчивостью и ее фиксацией в памяти.

Чтобы понять этапы психической эволюции, следует различать разные формы памяти. Фундаментальной формой является - *психическая память вначале только эмоциональная и слепая*: энергетическое напряжение сдержанных возбуждений, которые ищут реакцию. Это постоянно формирующееся и деформирующееся интрапсихическое движение не что иное, как интрапсихическая работа: сама жизнь. Когда ИНТРАПСИХИЧЕСКАЯ РАБОТА оказывается несостоятельной, чтобы уменьшить возбуждения с помощью привычных реакций, появляются новые реакции, которые сохраняют воспоминание о прежних реакциях; они являются их развитой формой. *Психическая память имеет, следовательно, сохраняющую форму и эволюционную форму*: она покидает обычные реакции только в случае крайней жизненной необходимости. Психическая жизнь проявляется внешне при помощи организации сомы, при помощи дифференциации телесных органов. *Психическая память приобретает аспект органической памяти*. Эти два аспекта, психический и органический, детерминируют *третий аспект памяти: наследственность*. Органическая дифференциация создает специфические клетки (зародышевую клетку и сперму), в которых сосредотачиваются психическая и органическая память, таким образом, что эти клетки являются, через поколения, зародышем воссоздания психической и соматической организации, которую достиг вид. Память вида через поколения, наследственность, является, таким образом, сохраняющей функцией. Но из-за преобладающего господства психики над телом, зародышевые клетки, в которых сосредотачивается и заключается психическая и органическая память, вовсе не сохраняют только воспоминание о привычных реакциях прошлых

поколений, они также сохраняют воспоминание об эволюционном усилии каждого нового поколения. *К сохраняющей функции наследственной памяти прибавляется эволюционная функция.* Именно наследственность является причиной того, что эволюционные усилия каждого поколения накапливаются и, что жизнь проявляет себя в разнообразных видах, все более высоко организованных.

Сдержанное возбуждение является длительным ощущением раздражителя в психике, эмоциональным воспоминанием, и чем больше психика дифференцируется, тем больше это длительное ощущение становится разъясненным образом дифференцированного раздражителя: образом предмета. *Эмоциональная память становится сознательной памятью.* (Самая характерная черта эволюции: спиритуализация эмоциональной памяти, должна также иметь основное значение, поскольку с точки зрения сущности, эволюция - это всегда более четкое проявление Тайны. Выраженная мифически, эмоциональная память - это воспоминание о всей жизни по отношению к своему загадочному происхождению, развитие этого воспоминания через время, основное желание любой жизни найти, выразить посредством эволюции свое происхождение: Тайну. Именно так миф говорит о Тайне с ее оживляющей стороны: души. Душа должна отличаться от психики. Психика определяется возбуждениями и реакциями; она является реальностью. Душа - это мифический символ, выражающий тайну оживления, то, что неделимая тайна полностью содержится в любой жизни.)

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА характеризуется тем, что к эмоциональной и органической памяти прибавляется сознательная и индивидуальная память. Но сознательная память человека находится только в стадии формирования; она еще хрупкая и остается по большей части эмоциональной. Возможные ошибки сознательного запоминания - ложные связи между сдержанными возбуждениями и приостановленными реакциями, ставшими мотивами действия, связи часто только создаваемые воображением, многочисленные в самой высшей степени и усложненные - могут экзальтировать эмоциональность до такой степени, что она оказывает опасное влияние на примитивную и органическую память. Слабость психической памяти, сознательного я, может нарушить инстинктивную безопасность органической памяти и ее телесно

организирующую работу. Психическое расстройство будет симптоматически сопровождаться телесными расстройствами, соматическими симптомами.

Возможное нарушение эмоциональной жизни, продолжение формирующейся сознательной памяти является характерной чертой человеческой жизни.

Патологический симптом, продолжение болезненного расстройства связи между сомой и психикой, по-видимому, нуждается, прежде всего, в физиологическом объяснении, и усилие для поиска такого объяснения имеет, конечно, свое значение. Но патологический симптом не просто является физическим расстройством, он является основным расстройством, пустившим корни в загадочные глубины жизни, и он неправильно понят, если не преследовать его образование и его значение до жизненных глубин.

Психогенетическое изучение необходимо потому, что *фундаментальное явление* сознательной психики, многочисленные желания (будучи - мифически сформулированными - продолжением рассеивания основного желания) являются только развитой формой сдержанного возбуждения. *Проявления памяти сознательной психики являются таким образом развитой формой произвольной реакции.* Это утверждение остается приемлимым как для желаний и их реакций, так и для их эволюционной трансформации: мысли и ее намеренного действия. Желания и мысль, импульсивные реакции и мотивированное действие, остаются законно и каузально связанными, и ЭТА

ЗАКОННАЯ СВЯЗЬ, ЭТА ВНУТРЕННЯЯ КАУЗАЛЬНОСТЬ, И ЯВЛЯЕТСЯ МОТИВАЦИЕЙ. Она является результатом сдерживания возбуждений в

сознательной психике: результатом *намеренного сдерживания* желаний и внутреннего накапливания их реактивной энергии. Побудительная интенциональность следует из внутренней реакции: из интрапсихической работы, вызванной временным прерыванием внешней реакции.

Интрапсихическая работа старается найти эффективную возможность активного разряжения сдержанных желаний; она может это сделать только с помощью пересмотра желаний (обещаний их удовлетворения). Эта интроспективная и сознательная проверка заключается в оценивающей сортировке, которая преобразует многочисленные и разнообразные желания в постоянные мотивы, объединяющие деятельность. Чтобы понять внутреннюю реакцию, интрапсихическую работу сознательной психики, *нужно, следовательно, выявить мотивацию с помощью интроспекции.* Это

обнаружение сложно, так как вследствие хрупкости сознательной памяти, внутренняя каузальность часто уклоняется от сознательного; оценка остается эмоциональной и бессознательной. Даже еще больше: эмоциональная оценка часто является ложной, и человек испытывает отвращение в осознании своей ложной оценки, откуда следует *ложная мотивация*. Он умышленно скрывает ее от сознательного, он ее отталкивает. Образуется намеренно деформированное бессознательное, конвульсивно отделенное от сознательного, беззненное бессознательное: *подсознательное*. Человек может сдерживаться от познания своей собственной внутренней решимости, но он не может препятствовать факту решимости. Она продолжает проявляться, производя подсознательную реакцию: психопатический симптом. Симптом - это мифическое проявление, символическое выражение, выходящее из загадочных глубин психики. Так же как и эволюционное образование сознательной психики, человеческой психики, полностью детерминированное, имеет, как любое эволюционное проявление, мифический аспект, отношение с Тайной жизни (являясь разъясненным появлением Тайны жизни и ее эволюционного смысла), так и психическая деформация обладает мифическим аспектом, она остается укорененной в Тайну. Психопатический симптом, возникающий вследствие подавления, свидетельствует о нарушении сознательной жизни и ее памятной функции: он является разрывом психической жизни до ее загадочных глубин, и ничто не позволяет лучше исследовать глубины, как исследование биологически инволютивных этапов возникновения символического онейризма симптома и усилия расшифрования его психологического значения. Это исследование возможно потому, что подавление, разрывая памятную связь, не стирает ее. Возникновение симптома свидетельствует о подсознательной и онейроидной памяти, которая заменила сознательную память. Расшифровка побудительного значения симптома восстанавливает сознательной памяти ее связь. В соответствии с этим восстановлением человек освобождается от подсознательной навязчивой идеи. Решимость продолжается; но человек интроспективно, то есть, сознательно проверил свои сдержанные возбуждения, он их оценил в соответствии с их справедливой оценкой, в соответствии с их оценкой из соображения того, что он в основном желает. Его действия - соразмерно с этим внутренним и основным достижением - больше не являются выражением того, что он смутно *желает*, а того, что он четко *хочет*; они

являются свободным проявлением его воли. Что бы человек ни делал, и каким бы образом он бы ни принимал решение, сверхсознательно или подсознательно, свободно или навязчиво, человек не может ничего делать, ничего желать, ничего думать, ничего прятать от себя, без того чтобы все, что он ни делает, ни желает, ни думает, не было бы выражением степени реализации его основного я, выражением его ответственности.

Основная ответственность добавляет к метафизическому аспекту развивающейся жизни, моральный аспект. Для сознательной жизни эволюционное усилие становится задачей, которая должна быть решена, идеалом, который нужно реализовать. ЭТОТ ИДЕАЛ, ЭТА ЗАДАЧА НЕ НАВЯЗАНЫ ЧЕЛОВЕКУ ВНЕШНЕ, ТАК КАК ОНИ ЗАСТАВЛЯЮТ ЧЕЛОВЕКА ТОЛЬКО ГЛУБОКО ЛЮБИТЬ САМОГО СЕБЯ, ЧТОБЫ ОСУЩЕСТВИТЬ СВОЕ ИСТИННОЕ БЛАГО, ЧТОБЫ РЕАЛИЗОВАТЬ СВОЕ ОСНОВНОЕ ЖЕЛАНИЕ.

Также как и метафизика не является задачей, которую надлежит решать рационально или умозрительно, а является видением мифических глубин, так и мораль не является задачей, которую надлежит решать рационально или умозрительно, а является мифически глубоким видением. Эта точка зрения не была бы правдоподобной, если бы она не проверялась во всех жизненных деталях: если бы углубленное понимание, не только логическое, но и психологическое, не могло бы доказать, что за каждое действие, даже за каждую мысль, соответствующую основному желанию, человек получает награду от жизни, *радость*, и что за каждое действие, за каждую мысль, противоречащую основному желанию, усиливающую многочисленные желания, он подвергается наказанию от жизни, *экзальтированному и патологическому страданию*. Но сказать, что человек получает «вознаграждение и наказание», это будет еще очень символичным и морализирующим выражением: человек их себе подготавливает. Так же как и Тайна в ее мифическом аспекте создателя не является *Богом из машины*, который вмешивался бы, чтобы регулировать постоянное творение, какой является эволюция, так и Тайна в ее мифическом аспекте морального законодателя не является Богом из машины, которому необходимо было бы вмешиваться. Секрет морали в ее имманентном аспекте включен в различные побудительные аспекты впечатления-выражения, относящегося к памяти. Но

чтобы подробно понять каким образом нравственная тайна совершается в модальном плане, нужно спуститься до мифических глубин подсознания, где происходит экзальтация страдания, нужно вновь подняться на вершину сверхсознательного (детерминированной свободы), где сознательная жизнь становится способной сублимироваться в радость.

3. Образование сознательного психического

С мифической точки зрения, многочисленные желания рождаются вследствие рассеивания основного желания, жизненной силы.

С точки зрения психической эволюции, многочисленные желания являются сдержанными возбуждениями сознательной психики. Желания не сразу же становятся полностью сознательными психическими проявлениями; в большинстве своем они еще сохраняют туманное переживание о первоначально сдержанных возбуждениях. Но желания приобрели сознательное качество вследствие того, что они затрагивают четкие предметы. Объект, даже если он реально не присутствует, изображен психически. Ощущение, которое раздражитель оставляет в примитивной психике, являющееся чистым переживанием, создает в сознательной психике образ объекта, к которому она эмоционально стремится. Впечатление разделяется на изображаемый образ и на аффект. Аффективное напряжение, желание, является самой примитивной формой энергии сознательной психики.

Желание - это психическая функция, обозначающая границу между бессознательной и сознательной жизнью. Сознательная жизнь начинается с образованием желания. Объективное изображение, образное воспроизведение, которое объект раздражитель оставляет в психике, это первый признак сознательной памяти.

Желание имеет две составных части: изображение и аффект. Желание - это сила, и подобно силе в физике, она обладает направлением и интенсивностью. Оно больше не является, подобно примитивно сдерживаемому возбуждению, слепой силой; оно представляет собой контролируемую силу. Ее удовлетворение больше не носит инстинктивный характер; оно - результат индивидуально мотивированного решения. Поиск удовлетворения становится намеренным и добровольным. С первым проявлением сознательной памяти появляется желание, воля. *Она включает в себя возможность выбора.* Сознательное и добровольное *напряжение* психической энергии, *намерение*, может выбирать между многочисленными желаниями, чтобы реализовать скорее одно, чем другое, а также размышлять над способами реализации. Намеренный и рефлексивный выбор - это очень значимый эволюционный шаг: он позволяет индивидуальную адаптацию к различным обстоятельствам, и эта

адаптация требуется многообразием дифференцированного раздражителя, а именно внешним миром, который соответствует сознательной психике. Но многообразие раздражителя, мира, и сдержанного возбуждения, и выбор, который позволяет адаптацию к этому многообразию, содержат большую опасность: *возможность ошибки*.

Положение сознательного существа, человека, детерминировано эволюционной степенью сдержанного возбуждения, ставшего сознательным желанием. Чтобы возможная ошибка не стала жизненной опасностью, необходимо, чтобы выбор был яснее мотивирован. Эволюция к все более сознательной жизни продолжается. Индивидуум может погрязнуть в ошибке. Он не погибнет телесно, так как он живет в среде, сформированной правильными и ложными решениями прошлых поколений, среде в основном достаточно органичной, чтобы обеспечить индивидууму продолжение жизни, несмотря на его витальные ошибки. Но он погибнет психически: его психика будет деформирована. Род через эволюционные эпохи продолжит сражаться с ошибкой, опасностью еще недостаточно сознательной жизни.

Желание - это приостановленное действие, энергетическая направленность к действию. Пока изображенное действие аффективно приостановлено, пока выбор не достаточно уверен в эффективном действии, пока оно колеблющееся, пока аффективная направленность к объекту продолжается и по мере того, как она продолжается, аффективная составная часть желания будет иметь качество неудовольствия. Желание является состоянием витальной неудовлетворенности.

Правильный выбор управляется четким изображением. Чтобы предотвратить неудовольствие длительного сдерживания, аффективная составная часть желания может усилить разряжение, действие, до того как изображение не разъяснено. Но такое разряжение будет только возбуждением, недостаточным действием. Неудовлетворение неокончательно преодолено; оно может только усилиться из-за враждебности внешнего мира, в котором недостаточное действие разряжается. Единственным средством по-настоящему преодолеть неудовлетворение желания является интроспективное разъяснение изображения, способное обеспечить правильный выбор. Но изображение не может быть разъяснено, пока избыточность аффекта не уменьшена в такой

степени, чтобы быть способной избежать преждевременной и недостаточной разрядки.

Эволюционная работа сознательной психики - иначе говоря: психики, ставшей способной на интроспекцию - заключается, следовательно, в разьяснении изображения (спиритуализации) и в очищении аффекта (сублимации).

По мере того, как изображение разьясняется, оно в конечном итоге будет содержать не только аффективное изображение желаемого объекта (моментально недостижимого из-за временного или пространственного препятствия), но и четкое представление обо всей ситуации: разьясненное представление о препятствии и представление о намеренном действии, с помощью которого можно преодолеть препятствие. Но, к тому же, изображение объекта может быть заменено представлением обо всех объектах такой же природы, которые обещают такого же удовольствия. Предметы, в конечном итоге, связываются и классифицируются в соответствии с их общими чертами и их разнообразием. Общее понятие предметов создается, так же как и различие их своеобразия. Это образование понятий, а следовательно и языка. *Появляется новая психическая функция: мышление, в ее практических и теоретических формах.* Но интрапсихическая и эволюционная работа не смогла бы привести к образованию мышления, если бы элементарные желания, стремящиеся к объекту не оставались бы достаточно долго предоставленными интрапсихической работе, если бы выбор действия не был бы приостановлен на достаточно длительное время. Слепой и глобальный аффект, который довольствуется любой реакцией (и который для предсознательно сдержанных возбуждений, ограничивается инстинктивной реакцией), должен в свою очередь быть индивидуализированным и дифференцированным. Чрезмерность аффекта должна быть сломана. Аффект принимает различные формы и усиливается в одно и то же время. Вместо чрезмерного количества, появляется интенсивное качество. Индивидуально нюансированное действие занимает место инстинктивной и спонтанной реакции. Форма действия, способ действия побеждает спонтанную реактивность, и некоторые формы предпочитаются другими. Аффект расчленяется на различные чувства: *появляется чувственная жизнь.* Посредством этого уменьшения чрезмерности слепого аффекта, сдерживание, форсированное внешним препятствием, становится

сдерживанием, желаемым самой психикой. Эволюция, начатая вынужденным сдерживанием возбуждения, посредством *желаемого сдерживания* сознательного желания приобретает форму акселерации. Препятствие больше не является для сознательной психики внешним происшествием, оно может стать психическим принципом, прямым выражением основного и эволюционного желания: духовной ингибцией, торможением разума, добровольным господством над самим собой. Сознательная воля - вначале всего лишь возможность выбора, включающего возможность ошибки, - становится таким образом, посредством эволюционного пути, все больше сверхсознательной и освобождающей волей, волей победить опасность сознательной жизни: ошибочный выбор. Она все больше и больше становится духовной волей, волей разума, самым ясным проявлением основного желания, очевидным появлением Тайны.

Мышление, воля и жизнь чувств, фундаментальные способности сознательной психики, являются эволюционными продуктами интрапсихической трансформации желания, самого примитивного проявления сознательной жизни. Эти основные способности появляются с необходимостью во время эволюционного течения сознательной жизни. Так как сознательная жизнь может найти свое основное удовлетворение только с помощью интрапсихической работы - с помощью интроспективного усилия - рассматривая спиритуализацию и сублимацию желания. Идеал человеческой жизни может быть, следовательно, сформулирован с помощью этих фундаментальных способностей. Он заключается в их эволюции. Развитие этих фундаментальных способностей - это задача, которую сама жизнь навязывает человеку. Этот самый естественный идеал имеет три аспекта: *идеал мышления - это четкость, идеал воли - это свобода, идеал чувств - это их интенсивность*. Эти три аспекта должны быть распознаны теорией; в самой жизни они неотделимы и образуют один идеал: эволюционное усилие, удовлетворение основного желания. Так как не существует четкого мышления, ни свободного решения, которые не сопровождались бы чувством сосредоточения жизненной энергии, жизненного порыва, ставшего энтузиазмом, самым интенсивным чувством, которое может существовать: радостью.

Психическая сила, желание, не является абстрактной силой, а побудительной энергией, конкретно прожитой. Пока желание не потеряло своего разумного и эволюционног направления, оно остается проявлением основного желания, выражением жизненной силы. Оно одновременно является и силой и жизнью. Психическая сила - это живая сила и свойственная ей жизнь проявляются посредством побудительной энергии. Желание - это созидательный зародыш, который развивается в соответствии с присущим ему законом. *Сила, присущая желанию, может привести к сложной организации психической жизни или к ее дезорганизации.*

Желание - это вынужденное ожидание. Оно, следовательно, несет в себе ожидание, и противоположность ожиданию: нетерпение. Именно эти два противоположные импульса, противореча друг другу и возбуждая друг друга, образуют побудительную энергию, созидательную жизнь желаний. Они, впрочем, не являются ничем другим, как двумя составными частями желания: изображением и аффектом.

Насколько нетерпение, аффект желания, увеличивается, настолько изображение затемняется; желания дезориентируются, сознательная жизнь распадается, психика дезорганизуется, деформируется.

Насколько нетерпение аффекта уменьшается, настолько изображение проясняется. Сила желания может употребляться двумя разумными способами, чтобы уменьшить нетерпение.

1. Реальным удовлетворением желания. Часть энергетического напряжения психики, возникающая вследствие этого желания, разряжается. Состояние частичного пониженного напряжения проявляется и делает так, что психика снова требует возбуждений. Чем больше психика разряжается посредством прямой реализации, тем больше она стремится к новым возбуждениям.
2. Но психическая сила также может употребляться для увеличения терпения; она может стать *согласием*. Согласие - это более развитая реакция, чем разрядка посредством разумной реализации. Она является добровольным сдерживанием на своем самом высоком уровне; она является самым развитым проявлением сознательной психики. Она - действие, которое требует самой большой силы сосредоточения, и чтобы не расходовать психическую энергию, согласие должно употребляться только в том случае, когда разумная реализация невозможна. Посредством согласия, психика

наполняется напряжением неосуществимых желаний. Чем больше число терпеливо сдержанных желаний, тем сильнее становится здоровое побудительное напряжение. Последнее всегда больше усиливается по мере согласия, поскольку согласие - это намеренное, сознательное, добровольное поддержание энергетического напряжения; энергия накапливается, и эта накопленная энергия остается в распоряжении сознательного намерения, воли.

В этих двух случаях разумного действия, слепая энергия аффекта употребляется для усиления ясности изображения, его прозорливости.

Чтобы ускорить разумную реализацию, нужно, чтобы препятствие было четко изображено, понято. Желание преобразуется таким образом в свою интеллектуальную форму: *изображение цели*. Но интеллектуализация предусматривает только способы реализации, средства для преодоления препятствия. Она не решает, адекватно ли смыслу жизни преодоление препятствия, реализация цели. Объект расценивается только субъективно; его значимость не четко изображена, а только воображаема. Интеллектуализация остается еще частично аффективной.

Чтобы увеличить проницательность до такой степени, чтобы оно стало торможением, осуществляемым только разумом, способным более окончательно преодолеть искушение слепого возбуждения, «чувство» предметом, нужно, чтобы объект был как можно четче изображен, чтобы его обещание удовольствия могло бы быть расценено в соответствии с настоящим значением. Отсюда вытекает этический мотив: добровольное решение временно принять ожидания или даже окончательно отказаться от реализации, если она оказывается в действительности невозможным или жизненно бессмысленным. Результатом этой интрапсихической работы, возникающей вследствие живой силы, свойственной желаниям, является прогрессивный распад слепого и нетерпеливого аффекта: спиритуализация и сублимация желаний, где интеллектуализация является первой ступенью.

Концептуальное и идеальное разложение слепого аффекта, его трансформация в разъясненное изображение и в сублимированный аффект, спиритуализация-сублимация желания, является одновременно условием и результатом. Так как результат интрапсихической работы никогда не является окончательным. Каждый результат вновь становится условием, отправной базой нового усилия в

разумном направлении жизни, в идеальном направлении: а это всего лишь выражение эволюционной силы, присущей желанию.

Интрапсихическая работа сознательной психики заключается в сравнении желаний в соответствии с их значением по отношению к удовлетворению. Качествами удовлетворения являются интенсивность и настойчивость. Поскольку удовлетворение зависит от *осуществляемости*, сравнение должно охватывать с одной стороны окружающую причину желаний, раздражители и препятствия, а следовательно, внешние объекты, и с другой стороны распространяться на последствия реакции, которая хочет устранить препятствие и схватить раздражитель (или уклониться), которое хочет изменить внешний мир, среду, мир объектов, объектный мир. Для достижения своих целей интрапсихическая работа должна эволюционировать от воображаемой субъективности, навязанной аффективностью психики, к объективности, навязанной реальностью объектов. (Иначе говоря чрезмерность аффекта должна быть преобразована в четкость изображения).

ВООБРАЖЕНИЕ - это самая примитивная, самая субъективная форма этой внутренней работы сравнения. Поскольку из этого усилия оценивающего сравнения получится все более объективное мышление, воображение содержит зародыш мышления. Оно является в нем самой примитивной формой, которая остается еще на пол-пути между восприятием и познанием. Образы из реальных объектов еще не концептуализированы, ни спиритуализированы. Они являются только чувственными впечатлениями. Сознательная способность еще очень слаба. Но в воображении намечается уже более возвышенная психическая функция. Воображение - несмотря на то, что оно является еще смутной мечтательностью - не только связывает желания; оно начинает их контролировать. Оно уничтожает желания, удовлетворение которых не кажется ему заслуживающим внимания. Оно разрывает связь между изображением и аффектом, и вновь комбинируя изолированные таким образом изображения и аффекты, снова формирует желания, цель которых кажется ему более приемлимым. Это первый признак интеллектуальной функции и ее более четкого изображения цели: первый признак проблемы *осуществляемости*. Воображение решает эту задачу еще слишком аффективным способом.

Причины и следствия сдержанных возбуждений, проецированных в будущее-реализатор связываются и сравниваются воображением чисто ассоциативным способом. Сравнение базируется на воображаемых сходствах, которые в недостаточной мере основаны на объективной реальности.

ИНТЕЛЛЕКТ, напротив, является результатом эволюционного усилия, жизненно необходимого для того, чтобы привести к прогрессивной объективации. Первый признак зарождения интеллекта заключается в создании четко изображенной цели, позволяющей образование проекта, то есть: проецирование желания в будущее-реализатор. *Практический интеллект* умеет формировать проекты и сосредотачиваться на работе реализации. Это значит, что он умеет устранять неосуществимые желания, а следовательно уменьшать их количество. С уменьшением материи мечтаний, уменьшаются сами мечтания; они заменяются усилием реализации. Но чтобы это усилие было эффективным, нужна не только объективация интроспективного сравнения желаний, но и сравнение желаемых объектов. Сравнение объектов должно быть основано не на воображаемых, а реальных сходствах. Воображаемые объекты должны быть четко изображены; образы становятся понятиями, позволяющими объективное сравнение, беспристрастное сравнение объектов. Средствами образования понятий являются наблюдение и абстракция. Беспристрастное сравнение понятий - это логика. Таким образом к практическому интеллекту прибавляется *теоретический интеллект*. Но теоретический интеллект формирует свои понятия только в соответствии со внешне наблюдаемой схожестью, и к тому же он старается реализовать проекты практического интеллекта таким образом, чтобы они были не окончательно оценены. Они могут быть разумными, поскольку соответствуют проходящей ситуации внешней реальности. Но они могут остаться бессмысленными в соответствии с более глубоким значением, не соответствуя постоянной ситуации, которая господствует над внутренней реальностью: смыслом жизни.

РАЗУМ ищет адаптацию смыслу жизни. *Практический* рассудок, разум, старается тормозить, контролировать своими *оценочными суждениями*, изображение цели, проекты интеллекта, и уничтожать проекты, препятствующие окончательному удовлетворению из-за их конфликта с окончательной реальностью: смыслом жизни. Тормозящий рассудок старается преобразовать относительно благоразумные проекты в окончательно разумные

проекты, направленные к идеалу. Он их сублимирует. Функции сублимации отнюдь не окончательно установлены в человеческой психике, они находятся еще в стадии эволюционного образования.

Практическому рассудку соответствует теоретический разум, рассудочная деятельность. То, что имплицитно в практике рассудка, становится эксплицитно посредством рассуждения. Также как и рассудок, оно стремится к видению основной и законной реальности. Теоретический рассудок не рассматривает непосредственно практические цели; он не намеревается удовлетворять многочисленные желания, он является формой удовлетворения основного желания: он ищет радость познания, видение правды, то есть законную связь, законы, управляющие внешними предметами и их отношениями. Но, обозначая законы, теоретический рассудок становится самым надежным проводником практического интеллекта и его техники реализации; теоретический разум, когда он откроет законы, которые управляют внутренним миром, станет самым надежным проводником формирующегося разума. Рассудок, в отличие от утилитарного интеллекта не является логическим; он аналогичен и интуитивен. Он не сравнивает видимое сходство предметов, а их основное соответствие. Он не образует абстрактных понятий, а живые идеи. Но поскольку жизнь идей, их аналогическое соединение может быть имитировано ложным рассудком с помощью мертвой и искусственной систематизации, рассудок, несмотря на то, что он превосходит интеллект, должен подчинять свои результаты проверке посредством наблюдения и интеллектуального экспериментирования. Ему не следует их бояться. Так как достоверные результаты духовной интуиции не могут противоречить достоверным результатам интеллектуального наблюдения. Рассудок не имел бы материалов для образования своих интуитивных представлений, если бы интеллект не предоставлял бы ему свои понятия, уточненные логической и экспериментальной работой; но также и интеллект не имел бы материалов для своих опытов, если бы рассудок не предоставлял ему свои аналогические связи, свои интуитивные представления, свои научно экономичные гипотезы. Экономичное, духовное интуитивное видение аналогического соединения между всеми истинами несет в себе критерий своей истинности: радость, родившуюся от совершенного и гармоничного соединения, которое раскрывается рассудку, когда без какого либо другого аффекта, кроме возвышенного «чувства», «чувство» посредством основного

желания, он сосредоточен в созерцании законного смысла жизни и всех его проявлений, как внешнего мира, так и внутреннего мира. Но этот персональный и иррациональный критерий, вера, может быть скопирован извращенным и субъективным убеждением, еще более опасным потому, что оно рискует быть фанатичным и конвульсивным. Духовный критерий должен поддерживать контроль интеллектуальным критерием правды, которая заключается в соответствии между мышлением и реальностью. Эти два критерия, представление и опыт, образуют самый фундаментальный факт жизни, тот факт, что основная правда, интуитивно воспринимаемая духовным видением, не что иное, как правда двух видимых реальностей: внешней реальности, воспринимаемой посредством чувств, и внутренней реальности, прожитой посредством аффектов. Духовная и интеллектуальная правда по необходимости дополняют друг друга. Так как мир, воспринимаемый с помощью чувств и его духовное видение являются двумя эволюционно дополнительными стадиями законного проявления, которым является жизнь. Но то обстоятельство, что жизнь - это законное проявление, то есть, все ее модальные проявления могут эволюционно объясняться без необходимости прибегнуть к тайне, именно этот факт является самой непостижимой тайной жизни.

Однако, существует обратное и извращенное искушение преодолеть жизненную недостаточность. Возбуждение, сдержанное в сознательной психике, желание, может быть **ЭКЗАЛЬТИРОВАНО С ПОМОЩЬЮ ВООБРАЖЕНИЯ**; энергия сознательной психики может стать разрушительной.

Концептуально эволюционная возможность заключается - как только что было отмечено - в введении, если можно так выразиться, препятствия, в его внутреннем принятии, по крайней мере на время, требуемое для работы по разъяснению ситуации, созданной препятствием. Также как и изображение можно назвать «введением» объекта, аффект может быть назван «введением реакции» (пространственного движения к объекту, когда он остается приостановленным, становится психическим движением, аффектом, стремящимся к объекту.) Введенное и принятое препятствие становится духовным подавлением, добровольно эволюционным сдерживанием. Введение препятствия является, так сказать, обходом через психику, чтобы в конечном итоге, посредством разъяснения ситуации, его обогнуть психически и реально

преодолеть. Средство его преодоления заключается в сублимации введенного действия, внутреннего движения, аффекта, или, что сводится к одному и тому же, в разъяснении введенного объекта, изображения, чтобы в конечном итоге иметь возможность постичь реальный объект. Извращенная попытка побороть жизненную недостаточность, неудовольствие желания, заключается в том, чтобы не принять добровольно введенное препятствие, а устранить его с помощью воображения.

Ситуация, созданная препятствием, не всегда требует усилия. Часто заранее известно, что препятствие само по себе исчезнет в определенный момент. Также часто внутреннее усилие вызовет надежду, обещание, уверенность в том, что препятствие будет преодолено в определенный момент. Уверенность в будущем удовлетворении может стать источником воображаемого удовольствия, которое частично заменяет реальное неудовольствие неудовлетворенным желанием. Воображение предвещает удовольствие, будущее удовлетворение. Воображение, в этой предусмотрительной форме является - как было доказано - естественной функцией и последствием желания. Оно, если можно так выразиться, - борозда возбуждения через психику; оно является последовательным развитием желаний, возбуждений. Эта игра, увеличивая возбуждение - и следовательно, необходимость в успокоении возбуждения - является приготовлением к интрапсихической работе.

Но воображение, являясь границей между сознательной и бессознательной жизнью, само по себе содержит неизбежную опасность: опасность, что ее игра, вместо трансформации в работу, экзальтируется. **ЭКЗАЛЬТИРОВАННОЕ ВООБРАЖЕНИЕ** вместо того, чтобы заставлять эволюционировать желания к сознательному контролю, возвращает их назад к бессознательной жизни. Однако, когда инстинктивная безопасность бессознательной реализации потеряна и безопасность духовной реализации не найдена, желания теряют любую возможность реализации, они бесконечно размножаются и образуют *болезненное бессознательное, подсознательное*. Нездоровое воображение не предвещает будущую реализацию, основываясь - как и воображение в своей естественной форме - на реальной уверенности или создавая реальную надежду; оно разрушает надежду чрезмерно ее экзальтируя - и однако продолжает, но напрасно предвещать будущее удовлетворение, основываясь на иллюзорной уверенности, которая сама является преждевременной в воображении, а в

действительности все больше и больше несуществующей. Нездоровое воображение не только играет с желаниями, задерживая их, но также с надеждой, с обещанием, с уверенностью реализации. Чем невозможней становится реализация, тем сильнее нездоровое воображение экзальтируется и упорствует в ее антиципации в качестве достоверной. Эта ошибка, созданная воображением, тем более опасна, что реальное свойство желаний, неудовольствие, не замедлит вновь появиться, усиленное до такой степени, что становится невыносимым из-за контраста с напрасными обещаниями воображаемого удовольствия. Искушение прибегнуть к игре экзальтированного воображения - насколько бы опасным ни была эта игра - велико, именно из-за неудовольствия, присущего желанию и из-за возможности исправить это неудовольствие в любое время с помощью воображения. Это искушение исправлять с помощью воображения жизненную неудовлетворенность, неудовольствие желания, не менее естественно присуще желанию, чем само неудовольствие. Работа спиритуализации и напрасная игра экзальтированного воображения, диаметрально противоположны друг другу, однако обе они содержатся как возможность в желании в стадии сознательного образования. Они являются последствиями возбуждения человеческой психики. Одна является условием образования, другая - условием деформации психики, ставшей сознательной и прозорливой.

В человеческой психики находятся желания разного происхождения. Следует найти рамки для их естественной классификации.

Реальный мир, интерпретация внешнего мира и внутреннего мира, образуют действительность, в которой мы живем. Внешний мир проникает во внутренний мир, мы воспринимаем внешний мир с помощью чувств. Предметы внешнего мира не только пробуждают объективные ощущения, они «вливают на нас». Но среди предметов внешнего мира, воспринимаемых таким образом, находятся существа, одушевленные как мы сами. Отношения между одушевленными существами не образованы исключительно посредством ощущений и примитивных и совершаемых под влиянием побуждения эмоций, а с помощью более дифференцируемых аффектов, более возвышенного порядка, с помощью эмоций, гамм чувств, и даже озлобленности. Но одушевленные и

неодушевленные тела могут к тому же быть постигнуты пониманием, мышлением.

Существует три вида реальности, в которой мы живем: материальная реальность; реальность, образованная жизнью чувств; и реальность, постигаемая пониманием, которую можно назвать концептуальной. (Термин «душа» обычно употребляется в разных значениях, которые более или менее перепутаны. Он может означать или основную душу (тайна оживления), или психику (совокупность мыслей, чувств, проявлений воли), или жизнь чувств. Поскольку не существует другой аббревиатуры для «жизни чувств», можно позволить употреблять термин «душа», по определению, не боясь путаницы.)

Именно к трем этим формам реальности направлены наши желания.

Желания благоразумны тогда, когда они соответствуют потребности в одной из трех форм реальности: естественной потребности тела, души или рассудка.

Удовлетворение разумного желания обеспечивает естественное удовольствие. Можно назвать возвышенным удовольствием естественное удовольствие, которое не только удовлетворяет телесные потребности, но также потребности души и рассудка.

Естественное удовольствие - это признак здорового функционирования сил нашего тела, души и рассудка. Удовольствие - это наслаждение, которое отвечает отрегулированной функции: *здоровое удовольствие - это чувство отрегулированного функционирования наших сил*. Насколько это чувство собственной регулирующей и направляющей силы становится постоянным, насколько удовольствие не вызывается только второстепенным удовлетворением часто неразумных желаний, настолько удовольствие становится постоянным и проявляет себя в радости жизни. Естественное и возвышенное удовольствие, сосредоточенное удовольствие, радость имеет условием сосредоточение сил, присущих желаниям, уменьшение числа второстепенных желаний и устранение желаний, созданных воображением, нереальных, неразумных, паразитических; оно имеет условием образование господствующих желаний, оцененных, ставших постоянными мотивами действия, ставших разумными мотивами. Эта концентрация приводит к тренировке сил и постоянному развитию способностей.

Психические способности являются практическим выражением интенсивности желаний, управляемых разумным образом. Иначе говоря: если интенсивность

желаний управляется разумным образом, то желания развиваются в способности. То, что управляет разумным применением способностей (и их интенсивностью, основанной на аффективной составной части желаний), это другая составляющая, разъясненное изображение. Способности это не что иное, как сила оцененных желаний, то есть стабилизированные мотивы в их энергетическом аспекте, способные выполнять работу. Любая справедливая оценка желаний, их спиритуализация и их сублимация, образование различных способностей является функцией силы жизненного порыва, основного желания, оживляющего и образующего принципа. Основное желание - это основная способность, настоящий критерий значимости человека. Порыв, пока он не деградировал, не рассеялся на множественные и неразумные желания, развивается в фундаментальную способность сознательного я: ясность мысли, постоянство воли, глубину чувств. Они являются признаком основной и жизненной продуктивности, признаком здорового формирования характера. Любая другая способность имеет второстепенное значение. У любого человека к основной способности добавляются второстепенные способности, более или менее развитые: профессиональные навыки (ремесло, искусство). Эти склонности могут стать плодотворными способностями только в той мере, в которой они поддерживаются фундаментальными способностями и цельностью характера.

Бессмысленные желания, созданные игрой экзальтированного воображения не доставляют никакого естественного удовольствия. Когда воображение экзальтирует свою игру, обещая удовлетворения каждого желания, претендуя на устранение каждого препятствия, в действительности не умеет удовлетворить никакое желание. Реальное препятствие продолжает существовать. Реализация бессмысленного желания, экзальтированного воображением, натывается, рано или поздно на реальное препятствие и приводит к разочарованию. Воображаемое удовольствие, приписываемое мнимому устранению препятствия, было временным; оно само по себе является бессмысленным, извращенным. Легкость воображаемого удовлетворения приводит к увеличению количества желаний для увеличения временного и извращенного удовольствия, и подготавливает многочисленные разочарования, приводящие в конечном итоге к противоположному любого постоянного удовольствия, любой радости жизни, к постоянному мучению, которое рискует стать разочарованием в жизни. Но

страх разочарования в конечном итоге есть только окончательное разочарование по отношению к самому себе, так как воображаемая экзальтация, неразумное увеличение желаний, противоречащих основному желанию, обуславливает рассеивание сил и разрушение качеств.

Любое извращенное и воображаемое удовольствие преобразуется рано или поздно в реальное неудовольствие. Это неудовольствие, сменяющее извращенное удовольствие может быть вызвано увеличивающимся сопротивлением внешнего мира (например: сопротивление другого человека, защищающегося против неразумных желаний, которые удовлетворяют их в ущерб им), или возрастающим сопротивлением внешнего мира (например: сожаление, ингибция, виновность).

Неразумные желания, которые не могут быть удовлетворены, накапливаются в психике и наполняют ее своим возрастающим неудовольствием. Психика, перегруженная неразумными и неосуществимыми желаниями, находится в состоянии перевозбуждения и постоянного раздражения.

Накопленные желания, от которых психике не удастся избавиться, постоянно группируются и перегруппировываются воображением. Но эта напрасная перегруппировка, эта игра экзальтированного воображения не приводит ни к какому результату. Быстро размножающиеся желания, бесконечно увеличенные и без реального результата, неустанно связываются. Все внимание захвачено этой неразумной работой, напрасным усилием, рожденным из беспорядка и из смешивания желаний, которым не удастся упорядочиться, выстроиться в иерархическом порядке. Желания, экзальтированные воображением, прерванные реализацией, в конце концов тормозятся, и это представляет собой безнадежно ошибочную попытку, чтобы от них избавиться. Игра воображения меняется и угрожает стать постоянной и единственной навязчивой идеей. Реальность, которая отказывает удовлетворять все более экзальтированные желания, как по количеству, так и по их аффекту, кажется опасной, враждебной; она становится все более и более тревожной. Болезненная тревога - это неразумное желание, которое парализуется в своем напрасном усилии реализации; она является желанием, потерявшим надежду на свое реальное удовлетворение; желанием болезненно конвульсивным и ставшим негативным. Из совокупности предыдущих различий следует определение здоровья и психической болезни:

Психическое заболевание - это неспособность установить равновесие между желанием и реальностью.

Психическое здоровье - это способность снова восстановить равновесие между желаниями и реальностью. Можно также сказать: психическое здоровье - это согласие, гармония между внешним и внутренним миром.

Эта гармония никогда не может быть полностью установлена. Она остается идеалом. Но она не является экзальтированным идеалом; она представляет собой самый естественный и свойственный жизни идеал (психическое здоровье).

Причиной каждого экзальтированного страдания является недостаток по отношению к жизни: неспособность подчинить себе жизнь (возбуждения). Жизненная недостаточность заключается в неспособности сформировать и реализовать разумные желания или спиритуализировать неосуществимые желания. Причина страдания - следовательно, заключается в последнюю очередь, в слабости интрапсихической работы, в неспособности взять себя в руки. Другими словами: причина страдания - это контраст между реальностью и желаниями (и их связыванием); *контраст между реальностью и воображением.*

Этот контраст может быть вызван реальными желаниями, которые изменяются; отсюда следует естественное страдание. Контраст можно объяснить неосуществимыми желаниями из-за их экзальтации; отсюда следует экзальтированное и болезненное страдание.

Может случиться так, что контраст, вызванный реальными фактами, будет только временно неизменяем. Средство от этого - это терпение в усилении, работа над преодолением внешнего препятствия. Это средство заключается в *изменении внешней реальности* с помощью интеллекта.

Но контраст, вызванный внешними факторами может никогда не измениться. В таком случае средством является принятие факта, спиритуализация желания, которое если бы продолжалось бы, стало бы извращенным, его требование неосуществимым, а следовательно бессмысленным. В этом случае средство - это внутренняя работа: понимание неизменчивости реальности и распад желания: *принятие реальности.*

Это средство заключается в изменении внутренней реальности: в распаде экзальтированных желаний.

ПРИНЯТИЕ - это накопленная сила, вновь сконцентрированная в основной мощности. Она является сублимированным возбуждением, которое в конечном итоге превращается в высшую реакцию: добро, самое сконцентрированное проявление психической энергии, сублимированное сдерживание, терпение. Также как и спиритуализированная сила, ставшая идеей, принятие, добро - это мощность основного желания, ставшая реализацией. Принятие - это основная сила, противоположная любой слабости. Не следует ее путать со смирением. Принятие - это высшее смирение; смирение - это болезненный и извращенный отказ. Смирение не отказывается от желания. Желание остается подавленным в психике в своем негативном виде. Оно превращается в тревожное сожаление. Принятие, напротив, заставляет желание исчезнуть, разрушает его. Желание больше не посещает психику: оно освободилось от этого. Вместо желания проявляется понимание неизменной ситуации и ее причин. Это понимание, может обогатить другого человека и помочь ему принять похожие ситуации. Желание превращается в плодотворную, созидательную форму, а именно это и является характеристикой основного желания.

Естественное страдание всегда находит свое естественное средство. (Можно назвать принятием высшее средство, так же, как и идея - это духовное средство.) Естественное средство, разумное действие, содержит внутреннюю работу, изменение реальности в соответствии с желанием, которому предшествует внутренняя работа, интеллектуализация желания, его превращение в проект интеллекта. Духовное и высшее средство полностью вызвано внутренней работой; оно является, следовательно признаком более развитой способности к внутренней работе, более существенной основной силы, большей индивидуальной значимости. Внутренняя работа имеет интроспективную природу. Когда она приводит к спиритуализации и к сублимации, она не только устраняет извращенные воображения, она заставляет развиваться естественное воображение в созидательное воображение, производитель подлинных значений. Духовное и высшее средство не имеет подобно интеллектуальному средству, более или менее индивидуальное значение, а общее значение, законное, биологически эволюционное для вида.

Необходимое усилие для выполнения этой внешней или внутренней работы, заставляющее исчезать контраст между желанием и реальностью (страданием), может быть более или менее значительным и различаться по протяженности во времени. Для психически здорового человека (в соответствии с определением здоровья) это усилие всегда возможно. Способность выполнить это естественное усилие - это точная мера психического здоровья. Жизнь, которая больше не может проявляться в направлении этого усилия, в основном ослаблена, патологически деформирована, и главным образом, она должна быть диагностирована как нездоровое состояние, даже если это ослабление представляет собой состояние, ставшее обычной нормой.

Поскольку индивидуумам не удается реализовать смысл их жизни, основное усилие продолжается через поколения и проявляет свое эволюционное значение. В каждый момент развития жизни общества, радость и страдание эпохи являются точной суммой высших и извращенных реакций, совершенных людьми. Чем больше увеличивается страдание, возникающее вследствие извращенных реакций, тем интенсивнее становится желание его предотвратить. Извращение, зло, зародыш патологического страдания, в конечном итоге превращается в проводник эволюции, в основное желание, оживляющий источник жизни. По большому счету, существует только смысл жизни, основное желание и его реальное и эволюционное происхождение. С точки зрения биогенетики, экзальтированное страдание - это извращенное воображение, основная ирреальность. Только потому, что извращенное изображение - являясь чистой иллюзией - индивидуально пережито, мотивируя таким образом цепные реакции по отношению к окружающему миру, экзальтированное и патогенное страдание становится второстепенной и травмирующей реальностью, распространяющейся на мир и на жизнь.

Из этих констатаций следуют выводы социального порядка.

Каждый индивид участвует в радости и в страдании своей эпохи, своей социальной среды, культуры, в которой он родился и в которую влился, в точной мере своих собственных высших или извращенных реакций. Так как окружающая недостаточность эпохи - это основное препятствие, которое его основное желание должно преодолеть. По мере того, как человек выполняет эту основную работу, чувства удовольствия, которые он от этого испытывает

становятся более частыми, они связываются. Удовольствие, вызванное уже не воображаемым и извращенным развлечением, а реальной концентрацией сил, становится более постоянным, интенсивным и возвышенным. Отсюда следует вера в свою способность господствовать над жизнью, независимо от препятствия, которое может ставить внешний мир.

Эта жизненная задача сложна, и никакой человек полностью ее не выполняет. Никто не может отрицать задачу удовлетворения своего собственного основного желания. Может случиться так, что основное желание будет ослеплено воображением, и что сила его жизненного порыва рассеяна воображением.

Направленностью своего разумного усилия, человек также хорошо присоединяется как к разумным усилиям себе подобных, так и к усилиям прошлых поколений. Он становится звеном цепи в эволюционном процессе. Он больше не изменяет действительность только в соответствии со своими разумными индивидуальными желаниями, но и в соответствии с желаниями, общими для всех, в соответствии с желаниями вида. Человек, ставший продуктивным, помогает другим найти согласие между желанием и реальностью. Взаимная помощь требует общей организации и техники. Создается цивилизация. Но основанная на общей организации, она застынет в традициях и в институтах.

Цивилизация - это интеллектуальная трансформация внешнего мира в обитаемый, организованный мир. *Культура* (в истинном смысле термина) - это дополнительная и первостепенная задача: организация внутреннего мира. Она требует непрерывного обновления усилия интроспективного самоконтроля.

Техника и цивилизаторская организация имеют как условие их эволюции и их разумного использования, стремление понять законы природы. Человек создает посредством своих духовных желаний, посредством спиритуализации своих желаний, «концептуальную» реальность, понятие о реальности, в которой все отношения регулируются в соответствии с законами, присущими природе и жизни. *Создается наука.*

Но эта концептуальная реальность контрастирует с реальной действительностью. Человек стремится к тому, чтобы найти согласие между своими спиритуализированными желаниями, идеями и реальной действительностью. Он хочет осуществить концептуальную реальность. Идея

становится императивом, возвышенной целью, идеалом. - Однако, человек может победить с помощью духовного усилия, науки, печаль жизни, вызванную второстепенными причинами; но он не способен победить трагическое, присущее жизни, вызванное его естественным основанием, трагическим, самое непреодолимое проявление которого - смерть. Нужно ее принять. Человек старается определиться, принимая ее, делая для себя, посредством созидательного воображения, высшую игру трагического великолепия жизни или единства мятежа против трагической реальности. Эта игра высшего воображения показывает человека, преодолевающего силой души трагическое страдание, или погибающего, потому что ему не хватает силы души. *Создается искусство.*

Если, вместо того, чтобы утешаться этой высшей игрой, человек более реально принимает трагизм жизни, подчиняя свои второстепенные и многочисленные желания окончательному смыслу жизни, абсолютному принципу жизни, если человек тянется к Тайне любой жизни, *создается религиозность.*

Наука, искусство и религиозность, гармония правды, красоты и доброты, являются проявлениями культуры.

4. Деформация сознательной психики.

Stéphane,

Je vous renvoie la traduction de la "Déformation de la psyché consciente".

Je ne sais pas ce qui s'est passé, mais je vous ai envoyé la traduction mardi le 14 novembre.

Probablement une erreur a eu lieu. Pour le moment je termine "la névrose".

J'ai parlé avec le mari de ma soeur, il voudrait vous voir pour discuter avec vous tous les détails.

Accusez, s.v.p. réception de la traduction.

Dans l'attente de vous voir prochainement, je vous adresse mes meilleures salutations.

Natacha

Предварительные определения жизненной энергии и сделанные из этого выводы позволили обрисовать в общих чертах образование предсознательной психики и сознательной психики. Они также должны позволить определить причину психической деформации. В соответствии с употребляемым приемом (который единственный позволяет последующее развитие), причина психической деформации сначала будет сформулирована общими определениями, чтобы далее увидеть, оправдывают ли только прямое наблюдение за психикой и ее использование посредством клинического наблюдения, установленные таким образом формулировки. Психология, пока она остается чисто описательной и классифицирующей наукой - и патологическая психология, психиатрия, которая в самой высокой степени является такой же наукой - испытывает отвращение к формулировкам. Она собирает наблюдаемый материал, и находясь под впечатлением от его разнообразия, довольствуется группировкой фактов в соответствии с внешними совпадениями, часто совершенно случайными. Она делает из своей осторожности добродетель. Необходимость в классификации имеет, однако, тенденцию к поиску внутреннего упорядочивающего и естественного принципа. Когда этот принцип найден, наука становится объяснительной, другими словами: результат наблюдения сосредотачивается и сводится к формулировкам, которые, в свою очередь, становятся отправной точкой для новых наблюдений и для новых разъяснений. Проверенные формулы образуют в конечном итоге экономичную и пояснительную систему, в которой наука кратко излагается и с помощью которой она предстает перед нами. Вполне естественно то, что эта система формулировок, пока она в основном не принята, за отсутствием полной проверки посредством наблюдения, рассматривается

как гипотетическая. Но не менее естественно то, что эта система формулировок - если она достаточно последовательна - принимается как основа для возможной проверки. Психология не может претендовать на точные формулировки, относительно легко проверяемые с помощью количественного измерения. Но она может надеяться прийти до точных формулировок, которые могут направлять живую проверку, единственно соответствующую его предмету- субъекту; проверку с помощью качественного измерения: измерения качества в процессе эволюционного развития: возрастающие равновесие и радость, которые измеряют качество психики, когда она правдиво объективируется.

А) Витальная вина

Психическое заболевание можно понять только в контрасте со смыслом жизни. Оно во всех подробностях является противоположностью смыслу жизни. Оно - противоположно направлению жизни.

Смысл жизни, выраженный мифически, заключается в реализации основного желания. *Смысл жизни, сформулированный с точки зрения психологии, заключается в господстве над возбуждениями с помощью интрапсихической работы; в их спиритуализации и их сублимации, другими словами, в здоровом развитии фундаментальных качеств сознательной психики: мышления, воли и чувств. Используя другие термины можно сказать: смысл реализуется посредством формирования сознательного я и его коррелята, реальности. Эти два определения - мифическое и психологическое - смысла жизни образуют единое целое, так как фундаментальные качества сознательной психики развиваются в здоровом виде только по мере реализации основного желания. Говоря еще более точным языком: реализация и удовлетворение основного желания заключаются только в эволюционном развитии фундаментальных качеств.*

Противоположность жизни, психическая деформация, выраженная мифически, заключается в постепенном разрушении основного желания. *Выраженная психологически, психическая деформация заключается в разрушении сознательного я и его фундаментальных качеств.*

Эти два определения деформирующей причины, имея одно и тоже значение, могут быть сведены к одной формулировке: ПРИЧИНА ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕФОРМАЦИИ

ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ЭКЗАЛЬТАЦИИ ВООБРАЖЕНИЯ, так как экзальтация воображения - это интрапсихическая реакция прямо противоположная спиритуализации и сублимации, противоположная господству над возбуждениями. Экзальтация провоцирует психическое перевозбуждение; оно разрушает ясность мышления, волевою решимость и глубину чувств. К тому же, экзальтация воображения является причиной разрушения основного желания: она рассеивает основное желание на множественные, экзальтированные, бессмысленные, паразитические желания. Желания, экзальтированные воображением, с одной стороны увеличены, умножены в количестве, а с другой стороны - аффективно экзальтированы; они становятся чрезмерными до такой степени, что превращаются в навязчивые идеи. (Аффективная экзальтация является причиной, препятствующей тому, что другая составляющая, изображение, была спиритуализирована: обобщена и объективирована; она остается образом, и этот чувственный образ, перегруженный аффективным значением, может даже стать навязчивой галлюцинацией.)

Поскольку экзальтированное воображение разрушает основное желание вследствие рассеивания психической энергии, жизненного порыва, оно также разрушает любую возможность основной реализации и высшей и интенсивной радости. Увеличение желаний увеличивает недостаточность и страдание. Человек, измученный требованиями многочисленных и жизненно бессмысленных желаний, ищет только временного удовлетворения одного или другого желания, временного наслаждения. Но каждое удовлетворение быстро переполняется множеством остальных неудовлетворенных желаний. Радость - это противоположность временному и второстепенному наслаждению. Это состояние души. Это неизменное, а значит спокойное доверие, которое создается по мере господства над возбуждениями. Радость делает независимыми жизненные происшествия, независимыми от второстепенных бедствий и от второстепенных наслаждений. Радость - это противоположность болезненному перевозбуждению. (Символическая персонификация древней мифологии говорит об экзальтированном воображении, называя его принципом зла, Сатаной. Он навязывает человеку экзальтацию многочисленных желаний, он нашептывает свои обещания и окрашивает их в соблазнительные цвета. И он увлекает свою жертву в символическое место экзальтированного страдания, в ад. Ничто не является столь суеверным, как принятие символа за реальность; и ничто не является столь правдивым,

как эта символическая иллюстрация фундаментальной причины психической деформации: экзальтация воображения.)

Основное желание противостоит увеличению желаний, экзальтации воображения. Оно старается помешать как образованию, так и реализации многочисленных и экзальтированных желаний. Оно является духовной ингибицией, защитой рассудка, торможением разума; оно является кристаллизирующим центром единства сознательного я. Таким образом основное желание образует объединяющий порыв сознательного я в его моральном аспекте: сознания. (Основное сознание должно отличаться от обычного и исторического сознания, формы социальной жизни, о которой речь будет идти в дальнейшем.) Основное сознание включает в себя предсознание, свойственное жизни по отношению к ее смыслу. Но это знание еще не является сознательным и теоретическим, оно более чем сознательное, сверхсознательное; оно представляет собой реальное видение, непосредственно прочувствованное, интроспективное представление, свойственное психике в той степени, в которой она не аффективно ослеплена, в той степени, в которой основное желание ее оживляет. *Сознание - это проявление основного желания и его интроспективной силы.*

Если человек пренебрегает основным желанием, если он экзальтирует свое воображение, если он поддается соблазну чрезмерного увеличения своих желаний, если он разрушает единство сознательного я, если он деформирует свою психику, основное желание предупреждает его о жизненной опасности. Человек не может подвергаться жизненной опасности, не чувствуя себя интроспективно виновным.

ВИТАЛЬНАЯ ВИНА - это эволюционное желание, преобразуемое у человека в основную тревогу. Она является жизненным страданием, пробуждающим сожаление о потерянной радости (так же как и физическая боль является предупреждением об органической опасности.)

Психическая деформация проявляется только тогда, когда человек отказывается слушать предупреждение, когда он разрывает единство своего сознательного я, чтобы заставить молчать сознание. Этот разрыв сознательного единства является *подавлением*, противоположностью интроспективной ясности сознания. Подавление витальной вины является немедленной причиной психической деформации.

Подавление - это выражение экзальтации воображения. Оно является ложным самооправданием воображения, аффективным ослеплением, которое противостоит самоконтролю.

Посредством подавления, витальная вина становится неконтролируемой и чрезмерной; основная тревога экзальтируется и становится навязчивой; плодотворное и временное сожаление, естественная виновность, которая отвечает за предупреждение, разрушается и превращается в напрасные и постоянные угрызения совести. Угрызение совести - постоянный укол вины - это признак того, что духовная и спасительная ингибция распалась на извращенно экзальтированную ингибцию. Подавленная вина, ставшая неконтролируемой, чрезмерной и навязчивой, в конечном итоге может больше не выражаться с помощью сознания и логики, а подсознательно и нелогично.

Человеческая психика несет в себе чувство предупреждения, живое и постоянное, о жизненной ошибке, осознание угрожающей деформации, сожаление о потере всякого здорового самоконтроля.

Посредством этого основного чувства, чувство тревоги и страдания, посредством переноса страдания из-за жизни в страдание из-за самого себя, в витальную вину, природа «хочет» заставить человека вновь следовать по пути, приводящему к восстановлению, к здоровому формированию психики. Если человек не слушает свое последнее предупреждение, если его разум глух, если для того, чтобы заставить молчать голос его сознания, он разрывает связь с сознательным я, если он подавляет вину сознательного в бессознательном, *болезненное бессознательное*, то создается **ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ**.

Отказаться от основной тревоги, чувства вины, подавить его, что это если не вообразить себе, что удовлетворил основное желание, исполнил смысл жизни; развил все свои способности, претендовать на то, что они все стали качествами. Но вообразить себе, что ты имеешь качества, которыми в реальности не обладаешь, это всего лишь тщетность. (1).¹

Тщетность - это принцип подавления. То, что подавляется из-за тщетности, это основная правда о себе самом и о своей собственной жизненной слабости: витальной

¹ Термин «vanité» употреблен в своем самом сильном значении. Vanitas : то, что напрасно, лишено (смысла). Бессмысленность как таковая. Во французском языке слово "vanité" имеет 2 значения:

вины. Тщетность и подавленная вина неразделимы. Тщетность - это средство подавления вины. Величина тщетности является точной мерой глубины подавления вины.

Чем глубже подавляется вина, тем сильнее тщетность. *Витальная вина преобразуется посредством подавления в ТЩЕТНУЮ ВИНУ.* (Она заключается в том факте, что подавление - это отличительная черта человеческой природы.)

Тщетность - это самая опасная форма экзальтированного воображения: воображения, экзальтированного на самом себе. Она является воображением, реализовавшим основное желание: быть реализацией идеала. Эта основная форма экзальтации воображением самым постыдным образом подавлена в каждой нервной психике. Она является экзальтированным контрастом между воображением и действительностью: основным страданием нервного человека. Нервозность - это следствие витальной недостаточности (вины), замаскированное самодовольством (тщетностью).

Витальная вина - неспособность идеально реализовать смысл жизни - является биологически естественным феноменом (ограничение оживляющего порыва). Тщетная вина, напротив, (вообразить, что совершенен) является *общей для всех разнообразных проявлений психической болезни.*

Это утверждение поразительно. Оно требует более широкой проверки, которая будет осуществляться по мере того, как будет продвигаться развитие.

Все, что можно уже сейчас сказать, так это то, что возражение, которое напрашивается, а именно, что клиническое наблюдение никогда не смогло констатировать правду - это незначительное замечание из-за причин психологического порядка, основанных на изучении мотивов.

Тщетная вина не может быть установлена клиническим наблюдением, пока оно не управляется анализом подсознательного. (Психоанализ констатирует вину, но она толкуется на сексуальном уровне. У нас еще будет возможность вернуться к этому фундаментальному различию).

Если тщетная вина - это основа подсознательной жизни, то также верно то, что изо всех подсознательных проявлений, она глубже всего подавляется. Больной человек

тщеславие и тщетность, автор написал, что употребляет слово во 2 значении, но также имеется в виду, что тщетность является следствием тщеславия. Тщетность имеет более сильное значение.

ничего не знает об этом. Когда начинаешь его опрашивать, то он будет обвинять только внешние причины: обстоятельства и окружающую среду. Даже его ассоциации воспроизведут только те события, которые он считает травмирующими.

Терапевтическое наблюдение легко различает тщетную вину от всех ее побочных продуктов, бесчисленных и нелогичных проявлений нервозности, доходящих до нелогичности симптома. Больной любит слушать, как о нем говорят, ему льстит, что он является предметом внимания, и к тому же, он надеется, что ему удастся реализовать корень своей тщетности - навязчивую идею быть лучшим, или самым способным из всех людей - избавляясь с помощью лечения от своих ложных реакций, причин социальной неудачи. Его сопротивление грозит, напротив, стать непреодолимым, как только затрагивается его основная тщетность, как только идет речь о понятии, что даже после ослабления сил, он не будет совершенным идеалом, и что всегда найдутся люди, возможности которых будут превосходить его собственные. Существует единственная форма, в которой идея о превосходстве других не является тщетной конвульсией: она заключается в желании превосходить других честностью своей борьбы против тщетной конвульсии. Все люди в большей или меньшей степени подвергаются ложной мотивации. Менее хотеть быть жертвой, освободиться от этого как можно быстрее, как можно меньше себе лгать, меньше чем обычно это делает большинство людей - это подлинный идеал жизни, идеал истинного формирования я. Но для того, чтобы идеал был по-настоящему направляющим, *следует, чтобы акцент был поставлен не на тщетном сравнении с другими* (которое легко преобразуется в прославление самого себя), *но чтобы акцент падал на сравнение с неосуществимым и только направляющим идеалом*, таким образом, чтобы дистанция между усилием и реализацией не была устранена воображением, а напротив реально допустима во всей своей широте, чтобы основное сражение, которое рассматривает совершенствование, а не совершенство, было таким образом стимулировано. Сравнение с неосуществимым идеалом призывает к скромности и к примирению, так как мы все солидарны в относительной слабости истинного порыва превосходства. Следовательно, условием для этого единственно идеального сражения не является *желание превосходства над другими, а желание превосходить себя самого в эволюционном направлении*. Вести основное сражение жизни как это возможно, по мере своих сил, понимая, что вознаграждение не состоит в прославлении, которое прибавляется к усилию, а только в честности одинокого и анонимного усилия, во

внутреннем успехе, в основной самореализации в соответствии со своими силами, в реализации смысла своей собственной жизни, любой жизни.

Тщетная вина является до такой степени фундаментальной, что она находится не только в психически больном человеке, но также в каждом человеке в виде более или менее реализованной возможности. Тот, кто был бы от этого совершенно свободен, представлял бы собой совершенный идеал. Но кто осмелился бы вообразить, что он им является, если не нервный человек? Нужно остерегаться желания осуществить идеал; так как только то, что воображаешь, что в состоянии его реализовать, уже тщетно. Единственно осуществимая вещь - это оценить разрыв, который отделяет нас от идеала, и постараться его уменьшить. Осознание этого разрыва требует четкого видения идеала. Это видение будет возвышенной природы в соответствии с тем, что оно возникает вследствие врожденной чистоты души, которая не потеряла посредством аффективного ослепления, порыв своего основного желания (чистоты, которая смогла создать мифическое видение); но может случиться так, что это видение будет духовного порядка в форме теоретического понимания. Теория этого видения - четкое определение основного желания и его эволюционного порыва - будет обязательно обладать терапевтическим значением.

(Миф называет тщетной виной, «первородный грех» человеческой природы: несмотря на то, что он вышел из природного мира, и стал сознательным существом, человек живет в рае (животная невинность) Но человеческий род, ставший сознательным, символизируемый Адамом, поставлен перед выбором между призывом разума и экзальтацией земных желаний. Он поддается искушению разумом зла, персонификацией тщетности, Сатаной: он ест запретный плод, яблоко, символ земли, символ рассеивания основного желания и экзальтации многочисленных желаний, символ вины. Основная тщетность символизируется Сатаной и его обещанием: «Отведай от этого плода и ты будешь равен Богу». Это тщетность. Она заключается в том, что считают себя совершенным идеалом, несмотря на рассеивание основного желания на множественные желания. Впоследствии миф Бытия найдет более подробное толкование.)

Резюмируя и расширяя эти констатации фундаментального значения, можно сказать, что тщетная вина - это искушение, присущее человеческой природе из-за индивидуализации вида. Каждый человек чувствует только себя живущим. Таким образом, его жизнь кажется ему единственно важной и становится оценкой любой

жизни. Свой культурный уровень очень легко может показаться ему самым возможно высоким уровнем. Это положение приводит к сужению горизонта, который может достичь патологической степени.

Нервный человек поддается искушению. Считая себя реализацией идеала, он не прилагает никакого разумного усилия в эволюционном направлении жизни. Он впадает в стагнацию. Жизнь в нем разлагается. Только в воображении он преодолевает себя и прилагает воображаемые и конвульсивные усилия, чтобы скрыть от себя свои разочарования. Эти усилия воображаемого оправдания перед идеалом в конечном итоге наполняют всю его жизнь и приводят его к тщетно конвульсивным и экзальтированным псевдо-идеалистическим реакциям. Из-за этой постоянной конвульсии перед идеалом, из-за этой хронической навязчивой, но беспомощной идеи, нервный человек воображает себя более идеалистическим, чем все остальные, что он единственный является идеалистом.

В этом определении справедливо будет сказать, что каждый нервный человек страдает чрезмерной направленностью своих сил к последующему и неосуществимому идеалу жизни: совершенное самообразование, идеальное самопроизводство, которое может реализоваться только с помощью идеально большой жизненной силы, силы, способной подчинить все жизненные возбуждения. Следовательно, сама по себе идеальная сила, реально ограничена, определяема. Большая сила, превосходящая господство над возбуждениями, даже если она существовала бы, то не смогла бы проявиться, так как не имела бы работы, которую надлежало бы выполнять, и единственная выполненная работа - это измерение силы.

Когда тщетная вина является конвульсивной сверхнаправленностью к идеалу, то нервный человек переполнен сублимациями; но они не являются суггестивными, они не становятся стержнем правильных мотивов. Но из-за сверхнаправленности к высшей сфере, болезненной и невыносимой в конце концов, пробуждающей спорадически обратную необходимость освободиться от нее, тщетность в конце концов усиливает элементарные желания, устраненные экзальтированным образом посредством чрезмерных сублимаций.

Положение нервного человека заключается в ингибции высшей экзальтации посредством материальной экзальтации, и в ингибции материальной сферы посредством экзальтации к высшей сфере. Тщетность, экзальтация к высшей сфере является основной причиной, потому что именно она экзальтирует в конечном итоге

материальные желания из-за их слишком ригидной защиты, именно она начинает извращенную ингибицию. Основная тщетность заключается именно в том, чтобы не признаваться себе в материальных желаниях, а в том, чтобы их ингибировать до такой степени, чтобы их подавлять. Но именно посредством этого подавления, материальные желания, перегруженные чувством вины, встречаются - так сказать - в подсознательном с экзальтированными желаниями к высшей сфере, подсознательно конвульсивными. Возвышенные желания и материальные желания подсознательно подавляются, и нервный человек в конечном счете больше хочет - не отдавая себе в этом отчета - реализовать свои культурные желания только с тем, чтобы извлечь из них, помимо тщеславного триумфа, материальную или сексуальную выгоду. Его возвышенные желания так же как и материальные желания ложно мотивированы, напрасно оценены; то извращенное желание принимается за возвышенное, то возвышенное - за извращенное.

Чувство вины, тщетно экзальтированное, экзальтирует ингибицию, преобразует духовную ингибицию в экзальтированную, а значит извращенную, ингибицию.

Любая извращенно экзальтированная ингибиция, препятствующая реализации желаний, приводит к повторяющимся усилиям, ингибированным в свою очередь для достижения удовлетворения. Экзальтированные и ингибированные желания характеризуются навязчивым повторением. Отсюда следует навязчивое увеличение количества уже не желаний, а их ненасытных требований.

Конфликт между возвышенными и материальными желаниями, и те и другие экзальтированные и ингибированные, поглощает всю энергию нервного человека, и интроверсирует ее экзальтированным образом. Он больше не может заниматься этим воображаемым конфликтом; этот конфликт - является содержимыми его экзальтированного воображения. Конфликт не может быть разрешен.

Навязчивое повторение не проявляется в одно и то же время для возвышенных и для материальных желаний. То одни, то другие, пытаются разгадать ингибицию, являются переоцененными. Болезненно экзальтированная ложная оценка, переоценка и недооценка экзальтированных желаний переходят в другую плоскость, становятся колеблющимися и неясными. Оценка нервного человека не только теряет духовную силу распознавания, но и силу воли, решимость. Все чувства в конечном итоге окрашены в цвет нерешимости, они перемешиваются и соединяются. Возвышенные чувства, запутанно перемешанные с низкими чувствами, становятся жалкими.

Освобожденные от их содержимого, они являются всего лишь театральной позой. Они представляют собой иллюзорные мотивы. Экзальтированные и заторможенные сублимации становятся все более фиктивными стремлениями. Неосуществимыми для мышления: неуловимыми для духовного видения. Неосуществимыми для воли: они не приводят ни к какому свободному действию, но к все более экзальтированной реакции. Неосуществимыми для чувств: они больше не реально прочувствованы и пережиты. И сублимации будут тем менее реальными, чем больше нервный человек экзальтируется, а следовательно ингибируется. Фундаментальные способности нервного человека постепенно подрываются: он больше не может ни видеть, ни действовать, ни реально чувствовать жизненный идеал, именно потому, что он воображает себя неизбежно единственным реализатором всего этого, чтобы глубоко спрятать от себя это патогенное воображение, которым является его тщетная вина.

Подсознательное слепо и тщетно по отношению к смыслу жизни, диаметрально противоположно сверхсознанию.

Но с идеалом жизни, с эволюционным развитием, вся жизнь ускользает от нервного человека. То, что он преувеличенно любит, это не он, это его тщеславное воображение. Настоящая любовь к себе проявляется через возвышенный эгоизм, посредством удовлетворения основного желания. Человек, который тщетно себя любит, нервный человек, становится призраком для себя самого, навязчивым идолом, которому он все больше и больше вынужден жертвовать свое реальное я. Так как к реальному существу, к тому, кем он является в действительности, он питает отвращение, он чувствует его подсознательно виновным, он его подсознательно ненавидит. Он упорно ничего не хочет знать о том, кем он является, о своем реальном я. Чувствовать себя виновным - это значит быть недовольным самим собой: это значит желать быть кем-то другим, а не тем, кем в действительности являешься; это означает отвергать самого себя. Это первая стадия, приводящая к персональному разрушению, которым является психическая болезнь. Являясь призраком для самого себя, нервный человек воспринимает других как призраков, как привидения, созданные его собственным воображением. Его экзальтированное воображение, его конвульсивный аффект, его тревога деформируют других пояснительным образом. Человек живет, в зависимости от степени деформации его психики, в мире, лишенном реальности и смысла; в страшном, призрачном мире, порой даже в мире кошмаров.

Тот факт, что в нервозности материальные желания находятся в состоянии перевозбуждения доказывает, что нервный человек частично банализирован. Психическую деформацию нельзя понять без рассмотрения ее дополнительного аспекта: банализации.

БАНАЛИЗАЦИЯ² заключается в исключительной экзальтации материальных желаний. (Термин «материальное желание» следует понимать здесь в глобальном значении: он включает все телесные наслаждения, а значит и сексуальные желания. Для различия между собственно материальными желаниями и сексуальными желаниями будет отведена специальная глава.)

В собственно банализации, материальные желания больше не тормозятся. Сублимации не препятствуют им. Вся возвышенная сфера разрушена, опустошена. Банализация - это извращенное растормаживание. Для нервной ингибиции это извращенное растормаживание, распушенность, становится ложным идеалом-гидом более или менее невысказанным. Здоровое освобождение заключается в том, что из духовной ингибиции получается выражение своей собственной воли, в том, что больше не желаешь того, что запрещено рассудком. Оно реализуется посредством сосредоточения энергии в основном желании, причине духовной ингибиции. Оно рассматривает удовлетворение основного желания, чтобы оно перестало проявляться в виде виновного торможения. Здоровое освобождение заключается в разложении, в сублимации и в спиритуализации экзальтированных желаний таким образом, чтобы они, лишенные их напряжения, перестали быть искушением. Извращенное освобождение, банализация, является ложным идеалом нервного человека, которому препятствует другой ложный идеал: возвышенная экзальтация. Нервный человек остается в нерешительности между двумя этими ложными идеалами; он разрывается между ними, застревает. Эта нерешительность, относящаяся к умопомешательству, проявляется не только в плане реактивности, но также и в плане оценивающего распознавания. Так как несмотря на то, что нервный человек стремится к банальному растормаживанию, он боится этого, и его тщеславие постоянно подкармливается именно за счет лестного сравнения с толпой банализированных людей. Он считает, что превосходит других людей из-за его экзальтации к возвышенному, и несмотря на то,

²Банализация понимается автором как процесс поиска удовлетворения посредством внешнего мира. Отсюда производное банализированный человек, в отличие от обыкновенного человека, по французски "homme banalisé - homme banal".

что он в то же время чувствует себя ущемленным по причине ингибиций, он старается убедить себя в том, что никто не любит так, как он жизнь и ее возвышенные возможности. Он принимает себя, среди массы людей, как он считает, лишенных чувства возвышенного за единственного человека, который на это способен. Он не обращает внимания на свои банальные намерения, на свои мотивы банализации, именно потому, что заторможенные, они остаются желаниями-призраками, которые приводят, самое большее к замкнутым действиям, к провалам.

Пока нервный человек теряет жизненный порыв из-за его направленности к высшей сфере, банализированный человек теряет его и-за разрушения возвышенной сферы: основное желание и его духовно тормозящая сила полностью разрушены, рассеяны на многочисленные желания. Жизнь полностью потеряла свой эволюционный смысл, и вместе со смыслом, свою интенсивную радость. Смысл жизни, полностью обнаруженный, заключается теперь в поиске наслаждения и в навязчивой работе с целью удовлетворения многочисленных желаний. Но так как его желания больше не подавляются, радость замещается не мукой вины, а плоским и эйфоричным удовлетворением, банальной тщетностью, которая не меньше, чем нервная тщетность, принимает себя за измерение мира. Банальная амбиция ни тормозит, ни ограничивает его вождения. Экзальтированные желания постоянно приводят к новым целям, перед которыми возникают новые препятствия, и интеллект, отвлеченный от своего эволюционного и духовного значения, деградируется настолько, что становится подневольным, чтобы удовлетворить экзальтированное воображение. Он сам стал экзальтированным воображением, хитроумным и интригантом, который не отступает ни перед каким средством реализации, даже если это насилие. Люди выступают против других людей, страдание обобщается и причины, несмотря на то, что они вызваны внутренним беспорядком, приписываются внешнему миру, социальному положению. Причина больше не ищется в основном беспорядке, ложной мотивации: кажется, что она вызвана только дезорганизацией внешней среды, препятствием, которое представляет собой мир для интеллекта, ставшего банализированным, которое банализированный интеллект напрасно старается преодолеть, потому что это именно он дезорганизирует мир, и сооружает непреодолимое препятствие.

Прежде чем начать подробное описание различных форм неврозности (вплоть до неврозов и психозов), нужно было кратко обрисовать конфронтацию неврозности с ее извращенным дополнением, банальной деформацией. Неврозность - это защитная

реакция против банализирующего искушения, откуда следует, что она не может быть полностью понята без обнажения банальной жадности, которая угрожает не только тому или другому индивиду, но также целым обществам. Ее неподозреваемая значимость настолько велика, что необходимо в дальнейшем посвятить этому специальную главу. А здесь будет достаточно подчеркнуть отличительные черты двух групп деформаций и их общую характеристику в ложной мотивации.

В нервозности, основное желание конвульсивно, экзальтировано над границей жизненной силы индивидуума. Основное желание стало само по себе воображаемым желанием. Его духовно тормозящая сила превратилась в извращенную ингибицию.

В банализации, разрушение основного желания еще более заметно: основное желание не конвульсивно, но разложено. Экзальтированному воображению удастся оправдать чрезмерно умноженные желания; они больше не тормозятся, они реализованы. Тщетная вина не подавляется, она распределяется во времени. (Миф называет нервного человека одержимым дурным духом: «демонами». Символ банализации - это «смерть души».)

Эти два аспекта психической деформации не только имеют общую причину: ложную мотивацию. Если они развиваются до своей крайней степени, некоторые проявления одной и другой деформации - как будет видно - похожи по их завершениям. Все переходные состояния психической деформации показывают смешивание симптомов нервозности и банализации, или две группы симптомов чередуются, или они взаимопроникаются.

Вот пример этого взаимопроникновения, который показывает трансформацию одной деформации в другую, или по меньшей мере попытку трансформации. Может случиться так, что в нервном конфликте между возвышенным и банальным, чтобы избежать мучения, тенденция к банализации побеждает. Направленность к высшей сфере с этого момента полностью вытеснена, она не констатируется наблюдением за поведением. Стремление избавиться от любой ингибиции, банальное неистовство распространяется; оно становится цинично оправданным заменяющим идеалом. Скрытый смысл остается тщетной экзальтацией: нервный человек, ставший банализированным, хочет превзойти всех других своим неистовством; он остается тщеславным своей банализацией. Но именно потому, что он остается нервно тщеславным, банализация может сама остаться экзальтированным воображением, неосуществимой, но явно распределенной конвульсией. Тщетная вина, скрытая под

маской цинизма, в конечном итоге высмеивает любое возвышенное усилие, но на самом деле она высмеивает свое бессилие своего собственного усилия. Эта тщетная гримаса, цинизм, всего лишь подделка тщетной экзальтации к высшей сфере. В любой нервозности находится в различных формах по меньшей мере небольшое количество этой амбивалентности, этого маскарада тщетности посредством банализации, этого банального стыда касающегося бессилия высшей экзальтации.

Психическая деформация распространяется на всю жизнь в виде переходных проявлений между нервозностью и банальностью, проявлений, которые формируют серии, стремящиеся, в одном направлении, к собственно нервозности, и в другом направлении, к собственно банализации.

Где найти нормального человека? Это зависит от определения. Его невозможно найти, если под нормальным подразумевают человека, свободного от любых признаков нервозности и банализации. Только тщетная вина могла бы сделать шокирующим это утверждение, деформация, которая в разной степени находится в каждом человеке, тенденция принимать себя за измерение жизни и ее возможностей, неисчерпанных условностями. Нормальный человек, напротив, находится повсюду, если под нормальным подразумевают человека, который умеет вести себя в жизни. Но это обычное определение исключает только чрезмерные формы нервозности; *оно напрасно включает банализированного человека в нормальность*. Она может быть применима к практической жизни, но она в сущности ложная. Более правильное определение может основываться только на жизненном порыве и его степени здоровья. Оно скажет, что нормальный человек - это человек, который в достаточной мере умеет господствовать над возбуждениями жизни, который умеет реализовывать разумные желания не экзальтируя их, и который умеет принимать неизменяемое, человек, возможности которого достаточно развиты, чтобы он смог - в индивидуальной степени интенсивности и здоровья своего жизненного порыва - удовлетворить жизнь и испытать удовлетворение от жизни, радость.

Характеристикой человека является его отношение к внешнему и внутреннему миру. У некоторых, внимание скорее направлено к внешнему миру, а у других, оно ориентировано более исключительно к внутреннему миру.

Характерология учитывала этот фундаментальный характерный признак. Она основывала на этом признаке различные системы классификации. Можно сказать, что

человек является экстравертом или интровертом (Юнг.) Даже очевидно, что эта характерная черта проявляется, более или менее отчетливо, но с некоей регулярностью, посредством телесных признаков, и что можно говорить о пикническом и шизотимическом типах (Кретшмер.)

Это различие полезно, но было бы ошибочным, вывести из этого, что существует два существенно различных типа человека, для которых существовало бы два различных способа понимать и удовлетворять жизнь, два различных смысла жизни.

Психическая организация одинакова для всех людей, законы, управляющие психической жизнью также одинаковы для всех. Но в рамках этой общей организации, есть две разумные реакции, и насколько бы враждебным ни был бы мир, две возможные реакции, чтобы преодолеть свои опасности существуют всегда, или усилие, чтобы изменить внешний мир в соответствии со своими желаниями, или усилие, чтобы принять его, то есть изменить желания в соответствии с неизменяемыми требованиями мира. Две разумные реакции - это интеллектуализация и спиритуализация. Интеллект направлен к внешнему миру: он ищет полезное; разум повернут к внутреннему миру: он ищет смысл. Интеллект имеет теоретическую и интериоризированную форму (логическое размышление) и практическую форму (здравый смысл); рассудок имеет теоретическую форму (науку) и практическую форму (способность убеждать самого себя: мудрость Древних. Оно не что иное, как сила принятия.) Но эти функции могут деформироваться. Деформация духовной интроверсии - это нервозность (экзальтация воображения, сопровождаемая ингибцией, болезненно экзальтирующей интроверсию); деформация интеллектуальной экстраверсии - это банализация (экзальтация воображения, сопровождаемая тенденцией к неконтролируемой реализации, экзальтируя болезненным образом экстраверсию). В психическую организацию каждого человека включены все эти функции и возможности их реакций - как и в здоровой, так и в больной форме - , но для каждого человека созвездие преобладаний различно. Комбинации между этими возможностями позволяют образовать характерологию с естественной классификацией, основанную не, более или менее произвольно, на морфологических признаках, а на функционировании психики, которая бы учитывала основные законы, объединяющие людей. Видимое различие может быть сформулировано как можно конкретнее, говоря что существует тип человека, для

которого опасность - это нервозность и другой, для которого опасность - это банализация.

Чтобы предотвратить эту опасность, по меньшей мере в том, что касается нервозности и ее экзальтации к высшей сфере, может показаться, что есть только два решения: реализовать их сублимации или отказаться от них. Но этих двух решений недостаточно. Судьба нервного человека заключается именно в том, чтобы испробовать то одно, то другое из этих двух экзальтированных и ложных решений, никогда не находя выхода. Побуждая нервного человека реализовать свои экзальтированные сублимации, это только больше бы его конвульсировало; желая достичь того, чтобы он от них отказался, его банализируешь. *Следовательно, нужно постараться уменьшить сублимации до уровня свободных сил и увеличить наличные силы, освобождая конвульсивную энергию.* Оба средства могут быть сведены в одну формулу: освободить от чувства неудовлетворенности тщетную вину. Но тщетная вина может быть освобождена от чувства неудовлетворенности только если ее узнать под различными масками, в которые она вынуждена рядиться, чтобы осмелиться проявить себя, и которые ей подготовлены ложной мотивацией.

Только анализ ложной мотивации сможет подробно описать черты, характерные для нервозности и для банализации. Чтобы как можно четче различить эти два состояния, необходимо обрисовать в общих чертах описание собственно нервозности и собственно банализации. Не следует забывать, что в действительности, эти два состояния более или менее скомбинированы, и что в каждом конкретном случае, нервная конвульсия тщетной вины является до определенной степени, ослаблена банальным распределением, оправданным с помощью условностей. Скорее чем чистого нервного или банализированного человека, можно встретить типичные формы, которые можно назвать банализированным нервным человеком или нервным банализированным человеком, в соответствии с тем, какая деформация преобладает. Наименее типичная и самая распространенная форма - это банальный человек (в отличие от банализированного). Банальный человек - это человек, жизненный порыв которого, а значит и его конвульсия, настолько малого размаха, что тщетная цель полностью исчезает под условными масками, как впрочем анализ ложной мотивации это покажет.

Б) Нервозность.

Нервозность можно понять, только рассматривая ее во всей совокупности и если понимают ее развитие начиная с самой первой стадии : капризы, плохие настроения, чувства усталости, к которым любой человек более или менее предрасположен, и до самой развитой стадии: галлюцинативное и бредовое состояние.

Несмотря на то, что тщетная вина находится в каждом человеке, нервозность проявляется только по мере того, как тщетности сжимаются в *экзальтированную морализаторскую задачу*, которая господствует над всеми проявлениями психической жизни, которая организует вокруг своего деформирующего центра всю интрапсихическую работу. Когда желание быть совершенным идеалом становится навязчивой идеей, то не достаточно смутно ее одобрить, следует постоянно это доказывать самому себе и другим. Никакая слабость не позволена. Каждая слабость требует извинения, ложного оправдания, тем более изобретательного, чем очевиднее слабость, и слабость будет тем более очевидна и часта, чем сильнее будет экзальтированная задача. Поскольку реальное и логическое доказательство превосходства не возможно, требуется нереальное и нелогическое доказательство, которое из-за своей присущей недостаточности, должно быть поддержано новыми доказательствами, такими же нереальными и нелогическими. Беспокойство самооправдания грозит стать постоянной навязчивой идеей, поглощающей всю энергию, заменяющей всю по-настоящему плодотворную интрапсихическую работу. Ложное оправдание ложно мотивирует действия: оно хочет, чтобы извращенное принималось за возвышенное.

Это ложное оправдание, ложная мотивация, ставшая принципом, не является чем-то, что прибавлялось бы к тщетной вине. Оно является видимым ее проявлением. Навязчивая идея стремления быть совершенным, остается постыдно спрятанной, перегруженной стыдом, и именно этот стыд является причиной навязчивого оправдания. Тщетная вина - это ее основная причина. Оправдывающая ложная мотивация - это многообразное появление этой основной причины. Ложная мотивация - это основная причина в ее видимой форме. *Ложная мотивация - это продукт разложения тщетной вины, разложение, которое становится очевидным посредством многочисленных чувств вины и тщетности.* (Можно ее сравнить с поднимающимися пузырьками подсознательного болота, то есть сознательного и бессознательного в разложении). Поскольку тщетная вина (идея быть совершенным)

существует в большей или в меньшей степени в каждом человеке, ее разложение на ложные мистифицирующие мотивации находится также в большей или меньшей степени в каждом; она остается феноменом, который каждый день может обнаружиться посредством интроспекции в соответствии с ее искренностью, то есть с ее объективированной силой. В больной психике ложная мотивация развита еще более интенсивно. Она следовательно, обнаруживалась бы легче, если возрастание тщетности, не приносило бы именно возросшее расстройство способности интроспективного наблюдения, уменьшение ее эффективности, ее искренности. Все трудности интроспективной методики заключаются в этом факте. Трудность может быть преодолена только в том случае, если интроспекция окажется способной стать достаточно четким инструментом, чтобы постичь даже слабые степени ложной мотивации в более или менее нормальной психике.

1) *Ложная мотивация*

Экзальтированное воображение, причина психической деформации, состоит из экзальтированных желаний и их ложных оценок. С помощью этих двух аспектов, полностью определяются экзальтированное воображение и его содержимое. Интрапсихическая работа, в своей деструктивной форме, заключается, с одной стороны, в *бегстве от реальности*, вызванное игрой воображения с экзальтированными желаниями (материальными, сексуальными, и псевдо-духовными), и с другой стороны, в *оправдании* вины, которая является бегством в воображаемую ирреальность. Тщетность - это принцип как бегства (от себя), так и самооправдания.

Ложная мотивация охватывает эти два аспекта экзальтированного воображения. Но она, к тому же, является формой ложной оценки, а следовательно, разновидностью мышления. Прежде всего следует изучить каким образом она может принадлежать этим двум функциям (аффективной и рефлексивной), которые кажутся радикально противоположными.

Воображение, как игра бегства от реальности с желаниями, является сновидением с открытыми глазами. Эта форма воображения является самым привычным состоянием психики. Она почти постоянно сопровождает повседневную жизнь. Высшая функция, интеллект и его проекты, проявляются только по отношению к срочной ситуации, требующей четкого решения. Насколько деформирована психика, настолько даже

проекты интеллекта аффективно экзальтированы. Боязни и обещания, связанные с проектами, предваряются в аффективной манере. Человек, даже когда он пытается сосредоточиться на своих проектах, даже когда он начинает размышлять, остается погруженным в воображаемое состояние. Его мышление аффективно.

Любая психическая функция, соразмерно с тем, насколько она экзальтирована, регрессирует к низшей функции. Поскольку воображение является промежуточной зоной между сознательной и подсознательной жизнью, то экзальтация примитивного воображения, мечтательность - это болезненная регрессия к бессознательной жизни. *Аффективное мышление* - это переходная форма между ясным мышлением и воображением.

Аффективное мышление - это практический интеллект, усилие реализации которого не направляется высшей функцией оценивающего рассудка. Воображение оправдания - это ложная самооценка. Это разум, охваченный экзальтированным воображением, поставленный на службу у мечтательности и бегства от реальности.

Ложное оправдание обладает формой мышления и содержанием воображения. Оно не является, подобно мечте о бегстве от реальности, связыванием образов; оно приходит в движение с помощью конвульсий и оценок, но которые лишены всякой связности. Оно не судит, оно судит заранее, предрешает. Оно не приводит объективных аргументов, а ложно оправдывающие хитросплетения. Оно придирается к пустякам. С помощью аффективного мышления, человек доходит до того, что он оправдывает все, что он желает. Этот неясно выраженный аспект понятийной и оценивающей функции является самой часто встречающейся и привычной формой мышления. У большинства людей, высшие формы мышления, интеллект и оценивающий рассудок едва развиты; они думают только аффективно. Напрасно было бы говорить с толпой логически; она понимает только аффективную мысль. Таким образом, аффективное мышление имеет преобладающее значение в повседневной жизни. Жизнь заражена им. Публичные мнения являются предрассудками, предвзятыми мнениями, суевериями, догмами, идеологиями, доказанными, или опровергнутыми аффективным мышлением. Они принимаются или отвергаются каждым в соответствии с его аффективной ориентацией. Их дискуссия является только предлогом, чтобы возбудить и экзальтировать аффекты. Их противоречия не могут найти решения вследствие того, что они укоренены в аффекте. Это всего лишь экзальтированные воображения. Скрытые под видом аргументов, они экзальтируются

до фанатизма и формируют материю непрекращающихся ссор, опустошающих жизнь. Экзальтированное воображение в форме аффективного мышления является причиной разрушения не только индивидуальной, но и социальной жизни.

Аффект, управляющий аффективным мышлением, это тщетная вина. Еще больше, чем с помощью обещаний и угроз, которые действуют только на примитивное воображение, на связывание желаний, можно достичь всего, что хочешь от людей, предоставляя им аргументацию, помогающую им подавлять вину и оправдывать тщетность до такой степени, что она может считаться идеалистической. Ложная и демагогическая психология заключается в умении манипулировать людьми, успокаивая их вину и льстя их тщеславию.

Ложная мотивация - это оценивающая форма аффективного мышления. Ложная мотивация проявляется в виде бесконечных оправдывающих хитросплетений.

У банализированного человека ложной мотивации и ее хитросплетениям удастся оправдать его тщетную вину: она распределяется в виде ненасытных амбиций. Банализированный человек умеет реализовать свои экзальтированные амбиции соразмерно с тем, насколько ему это позволяют экзальтированные амбиции других людей. В этой извращенной борьбе между экзальтированными амбициями, способы реализации обязательно становятся более хитроумными и жестокими. Аффективное мышление доходит до того, что оправдывает любые средства. Чувства, которые должны были бы связывать людей, умирают. Внешняя борьба, опустошающая мир, борьба между банализированными людьми, характеризуется отсутствием угрызений совести.

Нервный человек, ориентированный к высшей сфере, изнурен угрызениями совести, которые также являются хитросплетениями аффективного мышления. Но намерение этих хитросплетений перевернуто. Из ложных оправданий, аморальных и неоригинальных, хитросплетения превратились в ложно морализирующиеся обвинения. Это в некотором смысле «плюс», это даже в основном смысле «плюс». Так как эта конвульсия к высшей сфере указывает любовь более разумной жизни. Но если бы эта любовь была чиста, она бы проявлялась в виде борьбы с основной причиной, разрушающей мир: увеличение и экзальтация желаний и их ложное оправдание-обвинение с помощью аффективного мышления. Нервный человек несет в себе эту причину недомогания, он ничего не хочет об этом знать. Он отрицает вину в себе и его любовь к смыслу жизни становится напрасной, тщетной. Его изначальный «плюс»

выражается в «минусе». Напрасная любовь к смыслу жизни ингибирует его множественные желания, экзальтирует угрызения совести. Контраст между экзальтированными угрызениями совести нервного человека и отсутствием угрызений у окружающего мира становится жизненной опасностью для нервного человека. Эта опасность, которой он чувствует себя реально окружен, делает его неуверенным, застенчивым, травмирует его. Социальная среда, как банально извращенная, становится внешней причиной нервозности, второстепенной причиной, кашмаром, травмой. Эта внешняя причина проявляется в форме различных неудач, которые раскрывают жизненную недостаточность нервного человека, и которые к тому же, безмерно экзальтированы в виде значительности фактом своего раненого самолюбия. Вследствие чувств превосходства-неполноценности нервный человек в конце концов не может вести себя в мире. Каждое происшествие доказывает ему его несостоятельность и требует пояснительного исправления в воображении. Воображение экзальтируется вокруг каждого происшествия, аффективные мысли в виде оправдывающих хитросплетений быстро размножаются - подобно лейкоцитам, которые приливают к ране - и вызывают психическое воспаление, усиление тщетного вздутия. Ложно восстановительная работа аффективного мышления возбуждает ложную мотивацию, усиливает веру в вину мира и в совершенную и идеальную невинность нервного человека. Каждое новое происшествие рискует стать травмой и усилить болезненное состояние, потому что с помощью ложной мотивации, оно усиливает подавление тщетной вины.

Жизненная недостаточность нервного человека заключается в неспособности вести себя в жизни или даже, если ему это удастся, в страдании в преувеличенной степени. Причиной этой недостаточности, этого страдания не является - по крайней мере в первую очередь, как это себе тщетно воображает нервный человек - банальное неистовство окружающего его мира, ни его любовь к возвышенному, духовная ингибция, которая напротив, если она не является экзальтированной, научила бы его изменять ситуацию той мере, в которой она может быть изменяема и принять неизменяемое; причиной этой недостаточности являются его собственные экзальтированные желания, изолированные как от банального удовлетворения, так и от высшего разложения. Они недостаточно ингибированы разумом, это ингибирована их реализация, но нисколько не воображаемая секретная зависть.

Однако нервный человек часто обладает качествами, превосходящими среднее значение. Их развитие остается в дефиците. Чтобы подавить эту недостаточность, он экзальтирует самодовольство, опуская идеал на свой собственный уровень развития. Но этот первый признак подавления вовлекает его в порочный круг без выхода. Естественная задача, постепенное развитие ограниченных способностей не достаточна для него. Она кажется ему малозначительной задачей, которую он оставляет для других; она слишком посредственна для него. Он не сумел реализовать естественную задачу и воображает себе, что он сумеет участвовать в более сложной задаче создания и реализации концептуальной или идеальной реальности. Тщетная вина порождает воображаемую и экзальтированную задачу, посредством которой *конкретизируется идея превосходства всех остальных*. Ее цель отклоняется от естественной и основной задачи - формирования характера личности - к бесполезной цели. **ЭКЗАЛЬТИРОВАННАЯ ЗАДАЧА, БЕСПОЛЕЗНАЯ ЦЕЛЬ, ЛЕЖИТ В КОРНЕ ЛЮБОЙ НЕРВОЗНОСТИ.** Цель часто касается культурного притязания (псевдо-наука, псевдо-искусство, псевдо-религиозность). Но это культурное притязание, если оно является частым правилом, не является необходимостью, характерной для всех случаев неврозности. Культурное притязание часто заменено (у нервного банализированного или у обычного нервного человека) задачей, которая проявляется в своем самом неприметном виде: быть самым скромным из всех, самым несчастным, самым способным все пожертвовать, самым обделенным судьбой, а значит даже самым больным, самым нервным, самым чувствительным. Общая черта, тщетность превосходить всех других в какой-нибудь области, может проявляться в самых глупых формах: быть самым сильным физически, самой красивой (это навязчивая и нелогичная черта, которая даже в этом случае отличает нервную тщетность от банальной тщетности); быть первым в своей профессии: самым ловким, самым добросовестным. Быть самой лучшей хозяйкой, или что парадоксально, самой худшей. Быть самым любимым Господом, самым добродетельным, или даже быть самым порочным.

Смещенная цель, экзальтированная задача, воображаемая или бесполезная, лежат в основе любой неврозности, так как аффективное мышление в этом нуждается для оправдания неудач перед естественной задачей: господство над возбуждениями, ежедневными ситуациями, господство, возможное только по мере формирования характера, по мере развития фундаментальных способностей: ясности мышления,

твёрдости воли, глубины чувств. Эти способности разрушаются именно посредством подавления правды о себе самом, которой является тщетность. Они могут развиваться только в той мере, насколько человек выносит правду о себе самом. Бесполезная и воображаемая задача придает аффективному мышлению способ ложного оправдания, так как нервный человек может утверждать, что каждый промах вызван его концентрацией на задаче, которая отличает его от других, которая возвышает его над необходимостями повседневной жизни, единственной задаче, имеющей значение. Аффективное мышление и его хитросплетения образуют таким образом, начиная с экзальтированной задачи, более подробную ложную мотивацию, порождающую разнообразные виды озлобленности. Тщетность маскируется и превращается в бесконечно оправдывающие предлоги, сжатые в отношения и характерные черты. Совокупность торжествующих или раздраженных тщетностей образует одну из *категорий ложной мотивации*. Категориям тщетных отношений соответствуют другие формы озлобленности. Они также могут быть собраны и классифицированы, образуя в свою очередь категориальные системы. Категории ложных мотиваций амбивалентно связаны с тем, что они все являются результатом постепенного разложения тщетной вины.

Следовательно, следует изучить этот процесс разложения тщетности на **КАТЕГОРИИ ЛОЖНОЙ МОТИВАЦИИ**.

Бесчисленные оправдывающие предлоги, появляющиеся с началом экзальтированной задачи оборачиваются против самого нервного человека. Тщеславие неразрывно связана с чувством вины, оно само является чувством вины. Посредством разложения основной тщетности на бесчисленные предлоги, вина также разлагается на бесчисленные чувства виновности. Экзальтированная задача, чтобы служить основой оправдания, требует, чтобы усилие было сконцентрировано на ней. Но нервному человеку с трудом удается сосредоточиться на этой задаче, которая не является жизненно необходимой. Виновность имеет двойное лицо, так как ее воображение экзальтировано не только к этой задаче, а также к материальным желаниям. Губительное последствие тщетной задачи - таково, что нервный человек начинает измерять каждый факт, каждое действие, каждую деталь своей жизни в соответствии со своей экзальтированной задачей, и что он наполняет себя слишком скрупулезными и преувеличенными виновностями. Он старается конвульсивно сосредоточиться на

своей воображаемой задаче и доходит до того, что защищается даже от естественных желаний. Вся жизнь рискует стать непреодолимым и угрожающим препятствием. Она восстает против человека, который не сумел взять на себя простую и естественную задачу. Жизнь обороняется против него. Желания всякого рода, потому что они неосуществимы, трансформируются в быстрое размножение морализующих и бесполезных виновностей, служащих только для того, чтобы усиливать свои ингибиции, причину преувеличенных само-обвинений, возможности воображаемого увеличения которых не ограничены. Субпродукты разложения тщетной вины, *морализующие виновности образуют вторую категориальную тенденцию ложной мотивации.*

Аффективное мышление умеет пользоваться виновностью, чтобы оправдать реальные слабости. Нервный человек считает себя наделенным изысканной и исключительной чувствительностью, которая мешает ему защищаться против brutальных жизненных потребностей. Поскольку воображаемая виновность - это форма разложения тщетной вины, нервный человек в конечном итоге становится тщеславным от своего мучения, от своего страдания, от своей неспособности, от своей извращенной ингибиции, от своих бесчисленных чувств вины.

Вторичная виновность, экзальтированная тщетностью и воображаемая, проявляется в двух видах. Она касается с одной стороны того, что нервный человек сделал и того, что он не должен был бы делать, и с другой стороны, того, что он не сделал и то, что он должен был бы сделать. То, что в основном и прежде всего он должен был сделать, и не сделал - это реализация жизненной задачи. Это витальная вина, связанная с неудавшейся жизненной задачей, которая предоставляет негативную энергию тревог, связанных с мельчайшими дефицитами, обременители виновного аффекта, который в воображении превосходит реальные факты. Мельчайшая небрежность - например - письмо, которое он должен был бы отправить и которое он не смог решиться написать - может стать для нервного человека мучением, скрытое значение которого во многом будет превосходить реальный и второстепенный факт. Случаи собственной виновности экзальтируются как в количестве, так и в аффективном отношении из-за скрытой чрезмерной задачи совершенствования, которую нервный человек конвульсивно себе навязывает и по отношению к которой он постоянно остается нерешительным, потому что в действительности он не желает ее реализации из-за противоречащих требований своих многочисленных желаний, направленных к материальной сфере. Давящий вес

эксальтированной задачи наполняет его ленью, которая в конечном итоге, может распространиться на самые обыденные дела, необходимые для поддержания жизни. Слабости также имеют значение, превосходящее реальный факт. Может случиться так, что нервный человек старательно упорствует против небрежностей и против эксальтированной и воображаемой виновности, которая присоединяется к этому с помощью кропотливости и несгибаемых принципов, которые распространяются на самые несущественные подробности. Сама по себе эксальтированная виновность является более или менее подсознательной и подавленной. Нервный человек часто не отдает себе отчет в том, что чувствует себя виновным. Его виновность проявляется только в форме смутного чувства постоянного недомогания. Психика непрестанно «испачкана», наполнена виновным неудовольствием.

(Следует отличать от воображаемой виновности, связанной с воображаемой задачей, реальную виновность, связанную с реальной задачей. Чувства, производные от реальной виновности, противопоставляются тщетной вине и ее ложному оправданию, ложной мотивации. Они являются правильными мотивами, которые пытаются подстрекать эксальтированных желаний к правильной оценке, не к их ложному оправданию, а к их умеренному и реальному осуждению.) Только по мере того, как призыв сознания не услышан, когда воображение эксальтируется вокруг этой витальной вины, тогда формируется виновная категория ложной мотивации, воображаемая и бесполезная виновность. Индивидуум начинает чувствовать себя виновным в эксальтированной степени. Многочисленные чувства его эксальтированной вины становятся более утонченными мотивами. Последние прячутся за действиями; они имеют тенденцию трансформировать любое действие в его негативное, в ингибицию.

Первичная и реальная вина, затрагивающая невыполнение естественной жизненной задачи, было названа *витальной виной*. Из подавления этой основной вины следует *тщетная вина*, конкретизированная в эксальтированную задачу. Бесчисленные формы тщетности и морализирующей вины составляют две категориальных тенденции ложной мотивации.

Но множественные тщетности, следующие из воображаемой задачи, и чувства воображаемой виновности, которые отсюда следуют не являются единственными

продуктами разложения тщетной вины. Ложная мотивация состоит также из других категориальных тенденций.

Подавление тщетной вины с помощью бесполезной задачи, тщеславно воображаемой приводит только к увеличению чувств вины, и этот результат настолько губителен, что он может сделать жизнь невыносимой, несмотря на то, что тщетность умеет извлекать выгоду даже из многочисленных виновностей. Эта новая трансформация виновных мучений в тщетные псевдо-удовлетворения является первой попыткой продлить чувство подавления, которое однажды появившись, не может больше остановиться.

Целью подавления не является разделение вины на бесконечные чувства вины, целью напротив является предоставление себе доказательства невиновности. Если тщетной задаче, потому что она сама по себе не является осуществимой, не удастся доказать невиновность, она экзальтирует чувство вины, и тогда предоставляется единственное средство избежать этой экзальтированной вины: *проекция вины на других*. Если нервному человеку не удастся реализовать свою воображаемую задачу, это не его ошибка; она всегда перекладывается на других.

Посредством тщеславно воображаемой задачи, индивидуум, который считает, что он отличается от себе подобных, отделяется от них, и чувствует себя противопоставленным другим людям. С помощью этого противопоставления нервный человек обречен без устали сравнивать себя с другими, чувствовать свое превосходство или свою неполноценность. Чтобы защититься от чувства неполноценности, нервный человек тщетно экзальтирует свое чувство превосходства; он недооценивает других людей. Ложная самооценка становится причиной ложной оценки других людей, обвинительной недооценки другого человека, но которая будет контрастировать в чувственной переоценке, как только нервный человек вообразит себе, что кто-то другой будет склонен отдать дань его тщеславию, до которого она жадна и которого она почти постоянно лишена.

Следовательно, нервная психика характеризуется не только виной *тщетности-виновности*. Разложение тщетной вины, вызванное ее подавлением, производит еще одну деформирующую вину, которая неразрывно связана с виновным тщетностью. Эта другая категориальная вина называется *сентиментальность-обвинение*.

Нервный человек не только позирует перед самим собой, но также и перед другими людьми, он хочет убедить других, что он является иным, чем тем, кто он есть на самом деле.

Любая ложная оценка желаний уравновешена, имеет аспект позы. Именно потому, что она является ложной, она остается сомнительной для самого индивидуума. *Любая ложная мотивация является противоречивой.* ОНА АМБИВАЛЕНТНА. Индивидуум старается в нее верить, но ему это не удастся. Ложная мотивация одновременно содержит позицию ложного значения и его отрицания. Но само по себе отрицание является сомнительным; оно требует новой позиции и так далее. Отсюда следует возрастающая неуверенность нервного человека по отношению ко всем значениям и ко всем мотивам, сомнение, которое в конечном итоге распространяется на волю и на все чувства. В этом случае сомнение не добавленное, оно уже содержится в необходимости тщетной экзальтации. Желание превосходства превращается в тревожную неполноценность. Виновность, поскольку она является подделкой тщетного желания быть превосходным, уже содержит связь, сравнение с другими. Виновная тщетность делает нервного человека зависящим от мнения других, он постоянно предполагает, что они плохо о нем думают, то есть, что их мнение не настолько благоприятно для него, как того бы желало его тщеславие. Чем больше он желает отдавать себе отчет о мнении других, и от этого печалится, тем менее ему удастся объективно понять мнение других людей. Он ложно истолковывает социальные отношения. К ложной мотивации, которую можно объяснить за счет виновной тщетности, которая всего лишь является ложным самотолкованием, прибавляется болезненное толкование других людей, которое в свою очередь становится определяющим, производя мотивы-фальсификаторы, экзальтирующие и тормозящие внутрлические и социальные реакции. Ложная интерпретация других (их мнений, их намерений и их поступков) становится причиной новой тенденции к ложной мотивации, дополняющей виновную тщетность. *Она сама является виновной тщетностью, но повернутой к другим.* Будучи аналогически связанной с виновной тщетностью, эта новая категориальная тенденция ложной мотивации тоже является амбивалентной, и противоречивой. Ее амбивалентность заключается в тщетном желании навязать это другим и в виновной тревоге не волновать так, как этого бы желало тщеславие.

Эта амбивалентность происходит из основной ситуации нервного человека, от его тщетной вины, от увеличения количества его желаний. В своем экзальтированном воображении нервный человек постоянно обдумывает самые противоречивые желания, самые возвышенные и самые извращенные. Он бы хотел быть самым

возвышенным из людей и он страстно желает удовлетворения самых низменных желаний. Когда его жизненная сила не спиритуализирована и не сублимирована, она остается в аффективном состоянии, она разложена на кишение бессмысленных, непристойных желаний. Нервный человек хотел бы реализовать свои извращенные желания, но он не осмеливается, ему стыдно за них. *Это происходит именно потому, что желания духовно не тормозятся, не спиритуализируются, не разлагаются, а только извращенно тормозятся, экзальтируются в воображении, именно поэтому экзальтированная необходимость скрыть внутренний беспорядок от других, стыдливая ингибиция прибавляется к этому.* И эта необходимость будет тем больше экзальтирована, чем больше будет потребность превосходить других людей. Стыд - это все еще виновность, но уже в другом аспекте: он уже не является виновностью по отношению к самому себе, а виновностью по отношению к другим, социализированной виновностью. Противоположной формой этой внешней виновности будет внешняя тщетность, поза собственного достоинства. Нервный человек чувствует себя недостойным, неполноценным по отношению к другим, и это чувство недостойности, замаскированное позой собственного достоинства является четкой мерой его тщетности, его воображения превосходить других людей. Нервный человек, зависящий от мнения других, вымалывает их хорошее мнение с помощью позы собственного достоинства. Она выражает его тревогу перед публичным мнением. Эта тревога значительно усиливает мучения нервного человека. К виновности, к самонеуважению, к самонедовольству (слишком глубоко подавленному, чтобы вновь возникнуть по случаю незначительных жизненных обстоятельств) добавляется более раздражающая и раздражительная тревога, тревога о том, что непристойные желания и мотивы проявятся несмотря на позу собственного достоинства, боязнь того, что виновность, несмотря на подавление, может стать очевидной в глазах других людей, боязнь быть разоблаченным и стать всеобщим посмешищем. Этот смешной аспект виновной тщетности вызван тем, что подавления перед самим собой недостаточно, чтобы заставить исчезнуть витальную вину. Она является жизненной энергией, трансформированной в вину; она продолжает проявляться. Самое большее на что хватает подавления, так это на то, чтобы заблуждаться насчет себя самого. Человек не идет навстречу жизни как изолированное существо, он окружен другими людьми, которые могли бы его судить, и которые по мере подавления становятся угрожающими судьями.

Нервный человек, именно потому что он недостаточно оправдывается перед жизнью посредством подавления своей витальной вины, чувствует себя не защищенным - как с помощью справедливости, свойственной жизни - от взглядов других людей, доходящих до углов и закоулков его виновной психики. Он чувствует, что за ним постоянно наблюдают, судят его, приговаривают другие люди. Его витальная вина подавленная, замаскированная, скрытая, подсознательно становится жизненным преступлением, и наказанием за это преступление самым ужасным, которое может существовать для тщеславного человека является, в результате жизненной справедливости: чувство замаскированной вины, боязнь предстать во всем своем неприглядном виде перед триумфом и на посмешище всем. В этом стыдливом аспекте виновность нервного человека тем более навязчива, чем глубже подавление. Именно это бесконечно тревожное, ложно истолковываемое воображение является самым зрелищным мучением витально виновного человека, нервного человека.

Чтобы освободиться от этого невыносимого мучения, нервный человек употребляет средство, продиктованное его тщеславием. Он проецирует свою вину на других. Чем больше он чувствует, что за ним наблюдают, его судят и приговаривают, тем больше он наблюдает, судит и приговаривает других. Он трансформирует негодование о себе самом, свою виновность в возмущение другими. Он недооценивает своим негодованием своих воображаемых судей, чтобы обесценить их воображаемый вердикт. Это они виноваты, мир виновен, а он невинный.

Нервный человек становится верховным судьей, обвинителем всего мира.

Но эта недооценка других людей, обвинение мира, проецированная виновность будет подобно подавляемой виновности, *амбивалентно*, тщетно контрастной. Нервный человек не признается в своей несправедливости, в своей экзальтированной ненависти по отношению к миру. Так же как и его экзальтированная ненависть к себе самому, его виновность *контрастирует с тщеславной любовью к себе самому*, его экзальтированная ненависть мира, *будет контрастировать с экзальтированной любовью к миру*. Но это не проявление душевной силы, теплоты конкретной любви, это абстрактная любовь, экзальтированная тщетностью, которая содержит в себе обвинение конкретных и живых людей. Его так называемое чувство к другим не что иное, как экзальтированное воображение, морализаторская чувствительность.

Следует ясно видеть аналогические связи и амбивалентные контрасты этой новой категориальной вины: сентиментальность-обвинение, и также амбивалентные связи с виной тщетность-виновность.

Фундаментальный разрыв психики, раздвоение на тщетное я и на виновное я, является причиной двойственности. Каждое действие находит раздвоенную и амбивалентную мотивацию, которой нервный человек обманут, опасаясь, что другие не позволят себя обмануть. С одной стороны, его тщетность хочет убедить себя и других, что его действия предопределены самыми чистыми и самыми благородными мотивами, какие только можно вообразить; с другой стороны и он сам и другие чувствуют, что за этими действиями скрываются неясные мотивы, которые ни он сам, ни другие не смогут ясно постичь, подсознательные мотивы.

Но посредством этого внутреннего разрыва, подсознательное открыто как рана, которую нервный человек постоянно ощупывает, раздражает и растравляет, что детерминирует его болезненную интроспекцию. В эти моменты прозорливости он видит то, что происходит в нем. Для него невозможно постоянно ослеплять внутренний взгляд. Если бы у него хватило мужества четко отдать себе отчет в своих скрытых мотивах, если бы он мог объективно себя толковать, он нашел бы дорогу к правильным реакциям, дорогу, которая увела бы его от болезни; и даже из-за одной этой прозорливости он взял бы на себя это обязательство. Но он отводит взгляд; он укрывается в своей тщетности.

Эта относительная прозорливость, это справедливое, но нестойкое самотолкование, слишком быстро спрятанное, развито в большей или меньшей степени в каждом нервном человеке, и является доказательством, что тщетности не всегда бывает достаточно, чтобы подавить виновность. Вместо того, чтобы развивать прозорливость по отношению к самому себе, нервный человек прибегает к другому способу заблуждаться.

Он обращает свою прозорливость против других. Все эти подсознательные и нечистые мотивы, которые делают его виновным перед жизнью, и которые он часто вынужден подозревать в себе самом, он подозревает в других. Но у него не хватило сил объективно посмотреть на себя; и он не увидит объективно других людей. Он может смутно почувствовать в себе лишь осколки подсознательной ложной мотивации, и он их проецирует наружу. Он становится болезненно истолковывающим.

Болезненное истолкование - это одно из последствий проекции виновности. Результатом этой проекции является то, что в себе самом нервный человек видит только возвышенные мотивы, продиктованные чувством его тщетности; в других он видит только нечистые мотивы, проецированные его виновностью. Он спроецировал свою виновность в мир, он усилил свое тщеславие. Он невиновный, он лучший из всех, а все другие злые, мир злой.

Другие люди становятся привидениями его виновности, ужасающими призраками. Весь мир становится непреодолимым препятствием, жизнь превращается в кошмар.

Эта обвинительная проекция не происходит только в немом воображении, где она проявляется в виде злопамятности. Накопленный аффект взрывается и выражается вербально: недооценка других людей становится злословием. Взрывная проекция проявляется в конечном итоге в форме гнева. Навязчивая идея ссоры раздражается, с помощью которой партнеры проецируют и снова проецируют друг на друга виновность в виде непрекращающихся упреков. Подавленная виновность была презрением, ненавистью, отчаянием в себе самом; проекция виновности приводит к презрению, ненависти других, всех других людей, к отчаянию, распространяющемуся на весь мир и жизнь.

Но воображаемая и экзальтированная виновность является страданием настолько интенсивным, настолько невыносимым, настолько основным, что ни тщетности, ни обвинения не достаточно, чтобы ее полностью подавить. Даже самая интенсивная разрядка, взрыв ссоры и гнева, дает только временное облегчение. После каждой разрядки возникает сожаление, признак того, что прозорливость не полностью исчезла, что голос искаженного разума не полностью подавлен, что вина может вновь подняться в сознание.

Чтобы задержать ее в глубинах, напрашивается новая конвульсивная хитрость. Агрессивное обвинение, которое может вызвать только ответную атаку других людей, которое делает мир все более враждебным и кошмарным, становится жалобным и принимает форму сентиментальной жалости к самому себе. Оно переодевается в сентиментальность. Сентиментальность принадлежит механизму извращенной проекции, так как она является амбивалентным полюсом обвинения, потому как тщетность - это амбивалентный полюс виновности.

Чтобы еще глубже спрятать от себя свою виновность, нервный человек утверждает, что любит этот ненавистный, отчаянный, враждебный ему мир. Это вершина доброты;

новое усиление тщетности. Но эта предполагаемая любовь к ненавистному миру является только проекцией извращенной жалости к себе самому. На заднем плане извращенной жалости для других прячется экзальтация эгоизма, которым является жалость к самому себе. Эта ложная любовь ко второму я, этот экзальтированный альтруизм является тщеславным гипостазисом эго, совершенной противоположностью истинного чувства к другому, реального согласия. Неспособный сострадать, симпатизировать, привязываться, отдаться другому, нервный человек в своей конвульсивной экзальтации имеет тенденцию убеждать себя, что он любит весь мир больше, чем себя самого. Но в действительности он влюблен только в свое собственное видение-призрак мира. Даже когда нервный человек из дружбы (или из сексуальной любви) привязывается к живому и реальному существу, он склонен делать из предположительно любимого партнера идола своего воображения. Он любит только свое воображение о другом, только то, что он вложил в другого: он любит только себя самого через другого. Он обвиняет и ненавидит реальную персону, каждый раз когда она не соответствует его экзальтированному воображению, его идолу; он постоянно разочаровывается, и его так называемая любовь имеет постоянную тенденцию вновь превращаться в обвинение. Его любовь абстрактна; он абстрагируется от реального существа. Нервный человек особенно любит коллективную абстракцию живого человека, человечество. Он полон патетических и сентиментальных проектов, чтобы в ближайшем будущем изменить этот ненавистный мир, чтобы улучшить человечество, которое он напыщенно любит. Эта форма сентиментальности, тенденция к улучшению может остаться напрасным воображением, которое изолирует нервного человека и противопоставляет его всему миру и рискует в конечном итоге проявиться в нелогичных и бредовых формах. Однако чаще всего воображение взрывается и становится волнением. Нервный человек часто довольствуется соединением с институтами, которые рассматривают спасение рода. Таким образом он часто становится полон экзальтированной и скрупулезной религиозности или фанатичным сторонником политических партий. Он желает не эволюционной работы через поколения, основанной на более четком понимании человеческой души и ее реальных потребностей, а немедленного средства, основанного на публичных воображениях, на царящих мнениях. Его усилие не является терпеливым средством для достижения результата; он нетерпелив, конвульсивен; результат, на который он рассчитывает, становится для него способом

отразиться в своем субъективном усилии и играть роль. Напыщенность побеждает этос. Результат рискует стать предлогом, настоящая цель - это необходимость прославлять субъективное усилие. Чрезмерная сентиментальная любовь, экзальтированная любовь к человечеству, экзальтированный идеализм, который заменяет настоящий жизненный идеал, является только предлогом, чтобы подпитывать экзальтированную любовь к самому себе, тщетность. Сентиментальность, направленная на улучшение является одним из многочисленных лиц тщетности. *Сентиментальное обвинение - это проецированная форма виновной тщетности.*

С помощью тщетности нервный человек вообразит себе, что он развил все свои способности, что он сам улучшился. Сентиментальность заставляет его вообразить, что он сможет улучшить внешний мир.

Таким образом, с помощью виновной тщетности, и обвинительной сентиментальности, нервный человек посредством своего воображения, выполняет два аспекта жизненной задачи, которые он не мог реально реализовать.

В своем воображении, ему предоставлено бесспорное доказательство, что он сделал все, что он мог сделать. Если его сентиментальные проекты не реализовались, если его способности, экзальтированные тщетностью не стали продуктивными, то ошибка приписывается окружающему миру, который ему в этом препятствует. Он без ошибок, без вины, непонятая жертва.

Таким образом порочный круг ложной мотивации замыкается, магичный круг, в котором заключен нервный человек, воображаемый круг, который отделяет его от реальности.

Посредством подавления, витальная вина, упустив смысл жизни, разделяется на тщеславную виновность и на обвинительную сентиментальность, которые и та и другая проявляются с помощью тысячи ежедневных отношений, ложно оправданных в свою очередь. Чтобы с ним ни случилось, чтобы он ни делал, нервный человек никогда не виновен. Вина всегда падает на других, на окружение, на обстоятельства, на мир. Чем больше нервный человек ложно толкует самого себя, то есть, чем больше он ослеплен тщетностью, тем больше он из-за своего пояснительного обвинения тщеславно воображает, что догадывается и знает других людей. Он в конечном итоге становится тщеславным от своего тревожного толкования, от своего обвинения, от своего злословия, которое он приписывает тонкости проникновения.

Очевидно, что другие люди также в большей или меньшей степени являются нервными. Ложная интерпретация нервного человека по отношению к себе подобным, следовательно, более или менее справедлива; они также более или менее оживляются ложными мотивами, которые они позаимствовали у нервного человека. Но вина нервного человека, его витальная вина заключается в неумении господствовать над жизнью и ее немилостями, в неумении противостоять нездоровым возбуждениям, происходящим из социальной среды, и страдать от этого в экзальтированной степени. Он очень сильно страдает из-за аффективной конвульсии, которая заставила его потерять силу психического сопротивления. Он легко раним жизнью, любое возбуждение может стать невыносимым сверхвозбуждением, потому что он несет жизненную рану, вызванную подавлением вины, в себе самом. Средство подавления, тщетность делает его уязвимым, так как торжествующая тщетность все время трансформируется в ранимую и униженную тщетность. Но именно по причине своей тщетности, нервный человек принимает свое экзальтированное страдание, свою неспособность переносить жизнь за признак жизнеспособности. Он верит, что сильнее всех других, чувствует жизнь. Он хвастает единственной и чрезмерной сентиментальностью. В конечном итоге он становится тщеславным даже от своей болезни.

Но было бы несправедливо приписывать нервному человеку только ложные мотивы, только конвульсивные черты характера. Он также определяется здоровыми, и даже действительно возвышенными мотивами. Скорее можно редко увидеть, что деформация достигла всех способностей и качеств. В глубине нервного характера находятся стремление и глубокая любовь к жизненным ценностям. Но только, стремления тормозятся, любовь экзальтируется. Качества, вместо того, чтобы расцветать, ослабевают. Сублимации не являются суггестивными. Даже частичные и часто значимые реализации перепутаны, и принимают форму ложных мотиваций. Малейшая реализация будет принята за окончательное доказательство превосходства и может заставить нервного человека еще сильнее впасть в бесплодность. Если реализация не в достаточной степени замечена и одобрена другими, не так, как он ее сам одобряет, его обвинение возрастет и любое усилие покажется ему излишним. Но поскольку любая черта характера, пораженная нервозностью амбивалентна, может случиться так, что он еще больше конвульсируется в усилении. (Не менее опасно слишком его хвалить, его расхваливать настолько, как того желает его тщеславие. Его

тщетность будет триумфатором и усилится.) Все эти перечисленные черты - которые можно увеличить по аналогии - являются признаком того, что все психические, истощенные силы не переносят сражения с жизнью. [Нервный человек может быть даже культурно продуктивным. Он, например, является артистом, и так как многие известные артисты были нервными людьми, распространилось заблуждение, что для того, чтобы быть артистом, нужно быть нервным человеком. Так как извлекаемая тщетность из факта быть артистом, широко распространилось, то среди претендентов на искусство находится число людей, которые верят в то, что они избранные только потому, что они являются нервными людьми. Настоящего артиста характеризует вовсе не деформация характера, а жизненная сила, сопровождаемая даром специфического выражения. Когда нервный человек наделен артистическим даром, то он достигнет действительной продуктивности, если его жизненная сила, превосходящая среднюю, достаточно велика, чтобы оставаться продуктивной и экспрессивной, несмотря на потерю, вызванную частичной конвульсивностью. Но даже в этом случае его произведения качественно уменьшатся из-за деформации характера. Они деформируют жизнь, вместо того, чтобы восхвалять ее во всем великолепии. Его творчество будет криком тщетной виновности или сентиментального обвинения. Но его творчество будет тем более признано большинством нервных людей, чем больше они там найдут их собственные мучения и их собственные стремления. Творчество станет достойным и даже великим в той степени, насколько оно будет правдивым раскрытием деформированной души и ее мучения (Байрон, Достоевский). Но творчество никогда не станет тем, чем оно могло бы быть, если бы артист, защищенный от психической деформации (по меньшей мере от чрезмерной деформации), смог бы еще более правдиво, более объективно, видеть и сформировать свое видение мира и жизни (Шекспир, Гете, Золя, если цитировать только писателей.)]

Конвульсивная деформация характера, нервозность, обязательно сопровождается постепенным уменьшением жизненной силы и ее экспрессивности, вследствие того, что каждая из фундаментальных категорий ложной мотивации (тщеславие, виновность, обвинение и сентиментальность) дает повод к бесчисленным производным, с помощью которых каждое повседневное событие, каждый проигрыш, который мог бы разбудить витальную вину, находит подавляющее извинение. Изобретательность, вместо того, чтобы быть продуктивной, употребляется впустую и приводит только к разложению жизненной энергии на ложно оправданные чувства

озлобленности. Кажущееся богатство оттенков этих эмоций в действительности является стереотипным обеднением чувственной жизни, вследствие того, что все чувства, насколько разнообразными они могут показаться, - являются производными из четырех категорий ложной мотивации. (Во второй части этого издания вы найдете подробные примеры этого разложения категорий на их бесчисленные производные.)

Ложные мотивы, производные от категорий, являются результатом стереотипного оценивающего мышления, ставшего обычным, и эти ложные шаблоны мотивирующего мышления создают обычные ложные реакции, которые в свою очередь определяют различные аспекты характера нервного человека. Все они являются конвульсивными, то есть амбивалентными: потребность всегда быть в центре внимания и потребность удалиться от мира и изолироваться. Тревога за мнение других людей и беззастенчивость. Чувство быть постоянно судимым другими людьми и потребность их постоянно судить. Застенчивость и надменность. Недоверие и навязчивые признания. Театральная жалость и бесчувственность. Тщательность и небрежность, и так далее. Невозможно все перечислить. Все они в латентной возможности находятся в каждом нервном человеке, несмотря на то, что некоторые черты могут стать более привычными, чем другие. Все возможности ложной мотивации и все черты характера, которые отсюда следуют, находятся даже в латентной форме в каждом нервном человеке, потому что все они являются производными от четырех фундаментальных тенденций ложной мотивации, которые характеризуют нервозность, а следовательно и каждого нервного человека. Черты, ставшие привычкой, не являются абсолютной постоянностью. Они могут в различные периоды жизни исчезать, становиться латентными, тогда как другие черты становятся явными. Чаще всего, последние являются именно диаметрально противоположными чертами. Так как нервный человек, если он хочет освободиться от какого-либо недостатка, редко доходит до его сублимации, он не предвидит и не понимает другой возможности, чем изменение в амбивалентную вину; он переходит от одной крайности к другой; несмотря на свое усилие, чтобы измениться, он остается конвульсивным. Он меняет только одну форму конвульсии на другую и неудивительно, что он считает, что окончательно победил форму конвульсии, от которой он хочет избавиться, выбирая диаметрально противоположную форму. Часто бывает так, что противоположные формы альтернативно проявляются в соответствии с обстоятельствами или со встреченными людьми таким образом, что нервный человек может производить

впечатление, например, застенчивого, трусливого, заторможенного, производя в других обстоятельствах или в своих обычных встречах с другими людьми совершенно противоположное впечатление. Именно это заставляет обвиняющего зрителя судить его как лицемерного человека. Фундаментальная конвульсия может проявляться то в патетической форме, то в своей экзальтированной, взволнованной форме. *Нервный человек не имеет постоянного и персонального характера*; он многообразен в соответствии с амбивалентными колебаниями четырех тенденций ложной мотивации, которые единственные характеризуют всех нервных людей. Некоторые нервные люди могут, однако, производить впечатление человека, имеющего твердый и очень выраженный характер. Так как очень распространена тенденция защищаться от колебаний ложной мотивации с помощью негибких принципов, которые сами по себе являются только предпочитаемыми чертами ложной мотивации. Так как любая нервная тенденция является амбивалентной, не менее часто встречается, что нервный человек считает себя интересным только из-за колебаний в своем поведении, что он становится тщеславным от своего отсутствия характера, от своего капризного многообразия.

Поскольку нервная деформация, разложение личного характера и конвульсия болезненного характера предопределена четырьмя тенденциями ложной мотивации и амбивалентным колебанием между бесчисленными ложными мотивами, которые являются производными, настоящие фиксации характера нервного человека не являются привычками и даже не ложно переоцененными привычками, ставшими принципами. Все эти привычки могут быть расформированы и амбивалентно трансформированы, пока они не стали навязчивой идеей. Навязчивая идея - это подсознательная фиксация ложной мотивации, фиксация некоторых мотивов, производных от ложной мотивации, которые полностью уклоняются от сознательного контроля. Они становятся непреодолимыми и выражаются на языке подсознания, то есть не только в воображении, но и в нелогичной манере; они насыщают и магически толкуют психические и даже телесные функции. Подавленные ложные мотивы, настоящие побудительные причины поведения, но о которых субъект ничего не хотел знать, которые он обманчиво отрицал и деформировал, взрываются в форме психопатического симптома. Симптом хранит характер подавления и характер взрыва. Ложные мотивы являются одновременно и скрытыми и выраженными посредством симптома: они символически выражаются. С помощью символической и навязчивой

фиксации ложной мотивации, нервная деформация усиливается и становится явной болезнью: неврозом.

— 1 —

2) Невроз

Явная болезнь, невроз, появляется тогда, когда ложной мотивации не достаточно для подавления витальной вины.

(В данном случае речь не идет о том, чтобы полностью описывать невроз и психоз. Речь идет только о том, чтобы исходя из изложенных принципов, описать в общих чертах связь между простой нервозностью, неврозами и функциональными психозами для того, чтобы установить основу для последующего изложения, которая будет дополнять это описание.)

Посредством четырех тенденций ложной мотивации - виновности, тщетности, обвинения и сентиментальности - замыкается извращенный круг. **НО ЭТОТ КРУГ ПОСТОЯННО ФОРМИРУЕТСЯ СНОВА И СНОВА, УСИЛИВАЕТСЯ.**

Усиление вызвано неблагоприятными событиями повседневной жизни, которые имеют все более травмирующее влияние на конвульсивную психику. Эти неблагоприятные события, кстати, большую часть времени являются результатом воображаемого бегства от реальности - псевдо-духовного, сексуального или материального - или результатом дефективного поведения (экзальтированного-ингибированного), которое отсюда следует.

Малейшая враждебность по отношению к больному, которая кстати часто вызвана его собственной неприязненностью к какому-нибудь человеку может трактоваться как враждебная, увеличивающая его обвинение, его жалость к самому себе, его тщетность быть лучшим, чем агрессор. Усиленная тщетность еще глубже тормозит виновность, недостаточный ответ на жизненные возбуждения.

Из-за этих последовательных торможений, конвульсия увеличивается, а вместе с ней растет и неспособность справиться с жизненной задачей. Чем сильнее нервный человек подавляет, тем сильнее возрастает жизненная неспособность, причина его подавления. *Следовательно, подавление требует все более новых и обновленных подавлений. Порочный круг, замкнутый на себе самом, не остается неизменным. Он снова начинает намечаться. Он вращается в виде спирали и еще глубже погружается в подсознательные реакции.* Но чем сильнее нервный человек конвульсирует свои силы, ослабевает физически, тем сильнее проявляется нелогичность его тщетности, контраст между тем, кем он является в действительности и тем, кем он себя воображает. Его тщетность, постоянно находящаяся в противоречии с его слабостями, грозит стать очевидной не только для других людей, но и для него самого. Иначе говоря, порочного круга ложной мотивации больше недостаточно для подавления постоянно

увеличивающейся вины. Она взрывается. Но ее появление в одно и то же время является и средством, чтобы спрятать ее. Она была так сильно вытеснена из сознания в подсознание, что теперь она может выражаться только на языке подсознательного, на символическом языке сновидений. Ложная мотивация взрывается в иррациональном виде невротического симптома.

Психическая конвульсия, ложная мотивация выражается символически или посредством телесных конвульсий (возбуждение или парез конечностей) или символических конвульсий чувственной сферы (фобии, навязчивые состояния), или символическими конвульсиями мышления (болезненное толкование, доходящее до бреда).

Невроз отличается от простой нервозности двумя основными фактами: 1) Аффективное мышление постепенно теряет свою почти интеллектуальную структуру. Аффект больше не проявляется в мыслях, а проявляется во снах. Мечтательность воображаемого бегства от реальности становится подсознательным сном. Ложное оправдание, ложная мотивация выразится теперь только псевдо-логически. Выражаясь на языке мифов и сновидений, несовершенная нелогичность ложной мотивации становится совершенной нелогичностью симптома. 2) Симптом больше не является только психическим выражением, он может стать психологическим недугом, соматическим проявлением. Ложная мотивация, превращенная в симптом может выражаться посредством функционального расстройства тела: или подвижностью, или органической природы.

Чтобы понять эти осложнения, будет полезно вернуться к самой примитивной форме психической энергии: сдержанному возбуждению, которым в сознательной психике является желание.

Сдержанное возбуждение представляет собой не только психическое чувство, оно также является телесным и органическим ощущением.

Возбуждение неразрывно связано с реакцией, а реакция неразрывно связана с соматической иннервацией. Эта связь самым четким образом проявляется в самой примитивной организации, где телесная иннервация в виде рефлекса отвечает на возбуждение.

В соответствии с тем, насколько самой примитивной реакции, рефлексу, не удастся больше господствовать над возбуждением, в соответствии с тем, что реакция остается сдержанной в форме произвольного ожидания и своего нетерпеливого терпения (предсознательный зародыш желания), в этом соответствии сдержанная энергия

приобретает два типичных аспекта любого содержанного возбуждения, которые будут характеризовать желание. Эти черты отмечают соответствие между психическим и соматическим. Одна, чисто психического происхождения, является *интрапсихической работой*, предоставленной сдержанной энергией в поиске возможности разрядки. Другая черта, соматической природы, это *иннервация*, возбуждающий импульс, который расшатывает нервную систему, и который с помощью активной разрядки, старается вновь стать движением, направленным к возбудителю, чтобы его постигнуть (или избежать его). Пока эффективная разрядка не началась, импульс остается застывшим в теле и конвульсирует его. У самых примитивных животных, органическая конвульсия, сопровождающая психическое возбуждение, обладает биологически эволюционным смыслом: конвульсия организма производит движения, нащупывающие возможную реакцию. Уже на этом примитивном и предчувствительном уровне (например, у червей) психическое нащупывание в поисках ориентации (метода проб и ошибок) соответствует нащупывающим конвульсиям тела. Любая эволюция заключается в преобразовании нетерпения сдержанного возбуждения в желаемую терпимость (сублимация) и в преобразовании произвольного нащупывания в рефлексивное нащупывание: гипотеза, из которой следует убедительный опыт (спиритуализация).

Сдержанное возбуждение в сознательной психике сохраняет, следовательно, эти две характерные черты. *Желание - это одновременно психическое расслабление и телесная иннервация*. Экзальтированные и неразумные желания нервного человека сопровождаются органической иннервацией, которая сама по себе является экзальтированной и неразумной, и которая является подсознательной регрессией к сознательной конвульсии примитивной и бессознательной жизни. Но на человеческом уровне эта регрессия является инволюционной, неразумной и патогенной. Патологические симптомы, поскольку они выражаются не только с помощью психических конвульсий, значимых конвульсий чувства и мышления, но также и с помощью не менее значимых телесных конвульсий (парезы и возбуждения), являются только самыми зрелищными выражениями этой регрессии. Но уже в самой простой форме, нервозность характеризуется чрезмерной иннервацией, приступами, отвечающими на малейшее возбуждение. Спазмофилия с приступами, производящими туманные ощущения, не записанные сознательно, уклоняющиеся от контроля, и которые в конечном итоге накапливаются, производя в амбивалентной манере непрекращающееся волнение и парализующую усталость. Если не придавать внимания

этому соматическому перевозбуждению, которое не что иное как психическое перевозбуждение, то невозможно в достаточной степени понять нервозы и их осложнения.

Чтобы лучше понять это органическое перевозбуждение, полезно наблюдать человеческое поведение на той стадии, на которой психические реакции еще не очень четко дифференцированы. Ребенок отвечает на неудовлетворенные желания посредством конвульсивных иннерваций, криком и плачем, которые могут доходить до телесных конвульсий, выдающих гнев. Маленький ребенок становится капризным или раздражительным в соответствии с тем, в какой манере в капризной или нерегулярной ему предоставляется телесный уход, в соответствии с тем запущен или избалован ребенок.

Историю любой нервозности можно проследить вплоть до детства. Любая нервозность начинается с психологической конвульсии; любой нервный человек остается на протяжении своей жизни заикленным на избалованном или взбунтованном детстве; он остается так сказать психологически конвульсивным ребенком, и ложная мотивация является только переносом психологической конвульсии на психический и показательный план: подсознательное объяснение криков и плача ребенка, то есть его неудовлетворенных желаний, которые из-за своего неудовлетворения или слишком легкого удовлетворения приобрели тенденцию к экзальтации.

Любой нервный человек заражен психологическим беспокойством, склонностью к крику и плачу при малейшем принуждении. Чем больше он сдерживается, тем больше нарастает его внутренняя экзальтация, его ложная мотивация, его болезненное толкование, сентиментальное обвинение враждебного мира, который кажется ему не имеющим никакой другой заботы, как мешать этому исключительно важному существу, которым является любой нервный человек для себя самого, именно из-за его собственной воображаемой озабоченности, которая постоянно вращается вокруг малейшего препятствия. *Беспокойство и ложная мотивация равноценны: одна заменяет другую. Но, как любой психосоматический феномен, они взаимодействуют друг с другом, и одна усиливает другую.*

В конечном итоге, не только люди, окружающие его, или которых он встречает; а даже и неодушевленные предметы вступают в сговор против нервного человека и пробуждают приступ психологической конвульсии, приступ нетерпеливого беспокойства. Это непрекращающееся беспокойство не что иное, как его объяснение и воображаемое оправдание (ложная мотивация), совершенное выражение витальной

вины. Беспокойство - это противоположность жизненной силы, которая заключается в том, что человек может сдерживать возбуждение, чтобы подчинить его разумной работе спиритуализации и сублимации. Оно является противоположностью высшего терпения, согласия, с помощью которого человек способен господствовать над жизненными возбуждениями, преобразовать сражение с миром и своими возбуждениями в высшую игру, победоносную и забавную, преобразование, которое является целью всякого культурного усилия, также как и интуиция (увенчание любого научного усилия), а также художественного видения истинной религиозной веры. Человек с нервным конфликтом жизни считает, что победа, идеал жизни - это слишком тяжелая для выполнения задача, усложненное усилие. Только преобразуя сражение в возвышенную игру, человек приобретает в соответствии со своим успехом силу, которая помогает ему лучше добиться успеха, силу, которая умеет заранее принять всякое противоречащее возбуждение. Высший смех, юмор - это признак примирения человека с жизнью, совершенная противоположность нервному беспокойству, нервному мучению, которое постоянно выразится посредством криков и плача, или посредством их симптоматических эквивалентов.

Магический сговор событий, и даже предметов против нервного человека, причина-следствие его постоянного беспокойства - это одно из последствий экзальтации его воображения. Постоянно погруженный в свое размышление, которое является постепенно возрастающим состоянием потери рассудка, он никогда полностью не живет в настоящем, он ругает предметы. Предметы теряются, он их не находит; они отказывают ему в услуге в самый неподходящий момент, который именно является моментом его самого сильного нетерпения. Он откладывает любое решение и вдруг находится перед грудой обязательств, которые не терпят больше отлагательства, и заставляют его потерять голову. Часто незначительные препятствия принимают несоразмерное значение. Нервный человек вспоминает только о препятствиях, именно потому что он придал им чрезмерное значение; он обобщает свои воспоминания. Помехи случаются только с ним, и они с ним случаются постоянно. Его жизнь, по крайней мере в его экзальтированном воображении, является только чередой препятствий, и каждое новое препятствие пробуждает всю его горечь о жизни, и делает его беспокойным от возмущения. Трепетное негодование, ложная мотивация, пронизывающая тело, проявляется через конвульсии мимики и жестов.

Экзальтированное воображение не только экзальтирует или ингибирует реакции; оно проникает в тело, оно экзальтирует или ингибирует тонические реакции, оно

конвульсирует тонус. Достаточно легко это констатировать клинически - когда наблюдение сосредотачивается на том факте, что - тонические конвульсии нервного человека, его мимика, жесты, ложная мотивация голоса - многозначительны, и что они в действительности выражают или виновность, или тщетность, или обвинение, или сентиментальность. Эти тонические выражения экзальтированного воображения, эти телесные иннервации являются нелогичными; они не имеют логической связи с настоящим возбуждением: они являются чрезмерными или ингибированными ответами, и излишняя или ингибированная энергия происходит из подавленной энергии, из экзальтированной тревоги, подсознательно накопленной, которая добавляет к настоящему возбуждению свою сумму трепетной энергии.

Но трепетное возмущение, ложная мотивация, проникающая в тело, конвульсирует не только тонус, она конвульсирует даже органы; она проявляется в виде органических признаков: изменение дыхания, артериального давления, сердечные боли, выделение желчи и т.д. Чем больше нервный человек, еще имеющий ясное сознание, чтобы понять всю комичность взрыва, вызванного ничтожным происшествием, сдерживается, тем больше раздражительная буря обрушивается на его вегетативную систему. Постоянно повторяемые потрясения накапливают разрушения. К тому же, потрясения имеют тенденцию усиливаться. Нервный человек в конечном итоге тревожно предвидит препятствия и его бессильное негодование становится суеверным. Предметы магическим образом одушевляются и питают к нему неприязнь не меньше, чем люди. Поезд, например, задерживается потому, что это именно он его ждет. Опоздание можно было предвидеть, и это признак недоброжелательности поезда. Таким образом негодование является справедливым, и магическое оправдание усиливает возмущение поездом и непонимающими людьми, перед которыми он вынужден сдерживаться. Нервный человек, терзаемый бурей ложной мотивации, которая делает его сознание помутненным, и в конечном итоге понижает все его тело, становится неспособным на какую-либо разумную реакцию. Он безоружен перед малейшим воображаемым происшествием до потери хладнокровия, и болезнь усиливается до такой степени, что перед реальными, и зачастую серьезными происшествиями, которые не щадят любого человека, сопротивление нервного человека разрушается именно из-за того, что он никогда не тренировал человеческую силу принятия, потому что он ее полностью разрушил, позволяя дойти до тщетного возбуждения своих негодований, своих беспокойств, до виновных парезов своей усталости и своей покорности, результата разбазаривания своей энергии, связанного с волнениями. Неудивительно, что реальные

и серьезные происшествия могут стать травмирующими событиями, и что ложная мотивация, которая привыкла проникать в сому, производит психосоматические симптомы, и следовательно, что нервозность превращается в невроз.

Беспокойство, констатируемое уже в простой нервозности, производит посредством своего усиления невротические симптомы. Этими симптомами являются: *конвульсия конечностей* (парез и волнение), *конвульсия внутренних органов* и функциональные расстройства, которые отсюда следуют; *конвульсия тонуса, тики*. Но помимо этих телесных расстройств, невроз знает и чисто психические расстройства: *фобии и навязчивые состояния*.

Чисто психические симптомы не находят достаточного объяснения в беспокойстве. Проблема заключается в том, чтобы узнать каким образом они могут быть мотивированы, и каким образом их мотивация может иметь общий корень с соматическими симптомами, обратимыми в беспокойство.

Когда беспокойство производит невротические симптомы, оно является проявлением экзальтированной тревоги, ставшей постоянной. Тревога, даже когда она не экзальтирована, когда она является естественной, вызванной реальной и неожиданной опасностью, производит телесные расстройства, но которые являются проходящими и второстепенными: она купирует дыхание, заставляет трепыхать сердце и т.д. Экзальтированная тревога, напротив, является следствием неправильного использования психической энергии. Она следствие экзальтированного воображения примитивной энергии, желания. Желание, соразмерно со своей экзальтацией, теряет свою мощь реализации, и экзальтированная тревога не что иное, как самое окончательное чувство этой потери, которое может случиться с примитивной энергией, с желанием.

Однако, тревога, экзальтированная воображением, разрушает психофизическую организацию двумя способами. Она разрушает физическую организацию, и это разрушение есть беспокойство; но она также разрушает психическую организацию, она производит потерю присутствия духа, она оказывает гипнотизирующее действие на психику. К тому же, воображаемая тревога может проснуться в любое время.

Уже естественная и неожиданная тревога является следствием не только телесных признаков, но и внезапной потери присутствия духа. Она разворачивает автоматизм подсознательных реакций. В зависимости от того, насколько болезненно деформировано бессознательное, экзальтированная тревога вызовет подсознательные реакции.

Однако, экзальтированное воображение, разложенное на мечтательность бегства (сексуальную, псевдо-научную) и на ложную мотивацию (экзальтированные оправдание и обвинение), является первым шагом к подсознательным реакциям. Экзальтированные желания, изображенные экзальтированным и экзальтирующим воображением, мечтательностью уже находятся на пути преобразования в тревогу. Иначе они не нуждались бы в оправдании ложной мотивацией. Ложная мотивация - это признак тревоги экзальтированных желаний, именно в ней сосредотачивается тревога. Четыре тенденции ложной мотивации не что иное, как четыре формы, которые способна принять экзальтированная тревога. Эти формы экзальтированной тревоги сводятся к виновности (виновной тщетности) и к стыду (обвинительная сентиментальность): чем больше субъект оправдывает свои экзальтированные желания посредством ложной мотивации, тем больше он перегружает себя экзальтированной тревогой: чувством вины и стыда. Эта экзальтированная тревога является продуктом воображения, она находится только в воображении, субъект себе ее *внушает* (а это всего лишь другое выражения для: он себе ее *воображает*). Однако, это самый бесспорный закон психической жизни, что каждое чувство оказывает влияние, и таким образом власть чувства, соответствующая реальному факту не сильнее, чем иллюзорное злопамятство. Оно даже менее сильно. Так как иллюзия - это всегда следствие самовнушения, и власть внушения злопамятства увеличивается со степенью ее экзальтации. (Это закон психики, потому что извращенно внушенное злопамятство, несмотря на то, что оно не соответствует реальному возбуждению, вызвано основным фактором, причиной всех психических законов: основным желанием и принуждением, которое ему навязывает экзальтированное воображение.) Экзальтированная тревога ложной мотивации обладает почти непреодолимой суггестивной властью. (Именно эта суггестивная власть ложной мотивации делает ее разоблачение таким сложным). И однако адское и магические окружение, оказываемое ложной мотивацией, не было бы настолько опасным, каким в действительности является, если бы власть самовнушения не нарушалась таким амбивалентным образом. Продукт извращенного самовнушения, ложная мотивация, именно потому что она является экзальтацией тревоги, даже принципом неуверенности, содержит в себе амбивалентную противоположность суггестивной власти: сомнение. К тревоге, свойственной ложной мотивации, добавляется новая форма тревоги: тревога сомнения. Нервный человек сомневается в значимости своих ложных самооправданий, и поскольку целью его сомнительных оправданий является успокоение виновной тревоги, вполне понятно, что сомнение в

эффективности оправданий, рискует пробудить от подавления невыносимое чувство вины. Именно эта экзальтированная тревога перед сомнением, которая заставляет нервного человека постоянно усиливать свое ложное оправдание, делает так, что окружение ложной мотивации никогда не кончается, что этот порочный круг постоянно вращается и еще глубже проникает в подсознание. Суггестивная власть экзальтированного воображения вынуждает человека, одержимого ей, действовать и выражать свои чувства - несмотря на свое сомнение - вопреки своему разуму и своей воле.

Чем больше экзальтируется воображение, тем больше нервный человек отдаляется от реальности, от сознательной жизни, от логического выражения. Самовнушение превращается, вследствие нарастающей тревоги, в гипнотическую сонливость. Полусознательная мечтательность становится подсознательным сном; ложная мотивация также может выражаться на символически замаскированном языке сновидений. Это символическое выражение ложной мотивации является невротическим симптомом чисто психической природы: навязчивым состоянием или фобией. Следовательно, эти симптомы имеют один и тот же корень и одинаковое значение, как и симптомы, вызванные беспокойством.

В невротических состояниях, самогипноз еще не является постоянным, а более или менее проходящим. Может случиться так, что он длится несколько секунд. Именно в моменты, когда тревога, экзальтированная сомнением, направленным на себя самого, пробуждается неблагоприятными событиями (или искушающими событиями, которые экзальтируют подсознательный сон подавленных желаний), индивидуум погружается в гипнотическое состояние, и символическое выражение ложной мотивации - симптом - проявляет себя: навязчивый или фобический акт, тик, тоническая или органическая конвульсия. Гипнотический сон, в отличие от ночного сна, приводит подвижность в действие. Спящий человек, занимающийся своими делами, кажется находится в состоянии бодрствования. Символическое выражение, общее для всех форм сна, характерно для подсознательной жизни. Оно может вторгаться, более или менее мимолетно, в повседневную жизнь.

Поскольку невротический символизм является таким образом, дополнением нервной нелогичности, расширенным состоянием экзальтированного воображения, мечтательностью, подсознательным сном, и поскольку нервная нелогичность является ложной мотивацией, вполне понятно, что невротический символизм должен содержать

в себе такое же значение. Любой невротический симптом выражает четыре тенденции ложной мотивации: виновность, тщетность, обвинение и сентиментальность. Поскольку эти четыре тенденции являются выражением или отрицанием подавленной вины, любой невротический симптом выражает в последнем значении витальную вину. *Парез ног*, истерического происхождения, заставляющий больного лежать в постели, будет выражать:

- 1) Виновность: наказание самого себя. Подготовить извинение за неудавшееся задание, связанное с тщетной задачей.
- 2) Обвинение: наказание других, обязывая их оказывать постоянную заботу.
- 3) Сентиментальность: конвульсивное желание избежать искушений.
- 4) Тщетность: изоляция человека, который считает, что слишком хорош, чтобы компрометировать себя с другими.

Каждая тенденция ложной мотивации может предоставить множество мотивов. Эти мотивы более или менее разнообразны. Основное значение одинаковое для всех симптомов.

Бегство:

- 1) Нелогичная попытка убежать от себя самого и от своей тщетной задачи.
- 2) Раздражительное обвинение других; ускользнуть от других.
- 3) Начать новую жизнь в лучшей обстановке.
- 4) Намного превосходит других, чтобы жить с ними.

Анорексия:

- 1) Приготовить с помощью недоедания извинение за все неудачи; наказание тела, причина запретных желаний.
- 2) Огорчить людей, эмоционально привязанных к больному.
- 3) Впечатлить чрезмерной худобой, чтобы пожалели.
- 4) Намного превосходит других, чтобы заниматься телесными потребностями.

Подсознательная аффективность, которая превращает мотивы в симптомы, не полностью исчерпана, абсорбирована симптомом. Она выходит за пределы симптомов и их символического выражения. Мотивы кишат в экзальтированном воображении при

малейшей возможности, при малейшем препятствии, которое встречает больной. Переживания в воображении готовят появление проходящего симптома (например, бегства), или поддерживают постоянство симптома (например: истерический паралич). (Кроме этого аналогичного значения, общего для всех симптомов, а следовательно законного, симптом индивидуально и ассоциативно - об этом речь пойдет позже - связан с детским травматизмом.)

Три больших формы невроза это - истерия, психастения и навязчивые состояния. Мотивации, как уже было показано, должны представлять общую причину и отличительные черты этих трех форм неврозов. Общая причина может быть кратко сведена к следующему: любая нервозность, а следовательно и ее осложнения, неврозы, вызваны основной тревогой, возникающей вследствие конвульсии основного желания, тщетной вины. Эта вина заключается в увеличении желаний в неразумной манере (воображение бегства, банализирующее и аморальное) в том, чтобы принимать себя тщетно, несмотря на увеличение числа желаний, за совершенно реализованную модель смысла жизни (воображение морализующего оправдания). Выраженная посредством образа, нервная тревога является тревогой пропасти, которая становится все глубже и глубже между тщетными стремлениями и их виновной нереализацией. Психологически сформулированная, невротическая тревога вызвана невыносимым увеличением конфликта между множественными желаниями и экзальтированной задачей, противоречием, которое является причиной болезненной конвульсии. Психика хочет освободиться от противоречия с помощью ложной мотивации, средства подавления правды о себе самом; средства подавления тщетной вины. Но это ложное и тщетное оправдание вины остается недейственным. Множественные желания не разрушились, а только ингибировались. Отрезанные от их энергетической цели реактивной разрядки, они в конечном итоге бурно и навязчиво требуют их удовлетворения. Они экзальтируют таким образом патогенный конфликт, и это требует оправдания, все более искаженной мотивации до такой степени, что фальсификация угрожает стать явной. В этой ситуации существует только один способ замаскировать противоречие, которое сделалось еще более невыносимым. Этот способ заключается в отказе от идеальной цели, как экзальтированной. Но тщетность не может от нее отказаться; она самое большее притворяется это делать. Противоречие экзальтируется, но оно все менее сознательно. Основной конфликт может выражаться только подсознательно, в

сновидениях. Нервозность становится неврозом. *Разные способы тщетно и подсознательно замаскировать экзальтацию идеальной цели, основной причины конфликта должны характеризовать различные формы невроза, они должны предоставлять дифференциальные черты.*

Этими дифференциальными чертами являются: 1) *Рассеивание* идеальной цели (экзальтированной задачи) на тщетные менее возвышенные цели, множественные и изменчивые; 2) *Девияция* экзальтированной задачи к единственной преобладающей цели, внешне менее претенциозной. 3) *Символизация* экзальтированной задачи, которая оставаясь воображаемой целью, может выражаться только подсознательно.

В любом неврозе эти три способа маскировки основного конфликта объединяются. Но три формы невроза, истерия, психастения и навязчивые состояния могут быть охарактеризованы посредством преобладания одной из этих дифференциальных черт.

Истерия может называться детским неврозом взрослых людей. Ее основной отличительной чертой является черта детских неврозов: *рассеивание идеальной цели* на тщетные, неустойчивые слабого размаха цели. Множественная тщетность порхает и фиксируется то на одном качестве, то на другом. Она является подражательной, и ее фиксация зависит от примеров и от случаев.

У ребенка, функции спиритуализации и сублимации еще не развиты. Ребенок еще не знает экзальтацию высшей сферы. Его попытки сублимации навязываются ему только с помощью условных защит воспитания. Основная тщетность психически больного ребенка еще не сосредоточена на навязчивой идее; она является всего лишь смутным чувством его собственной значимости экзальтированной, как единственной, она самолюбие, израненное неумелым воспитанием, экзальтированной потребностью чувствовать себя любимым, предпочитаемым: она является экзальтацией его естественной потребности в ласке. Именно эта сентиментальная тщетность психически больного ребенка, гиперчувствительная, слишком ранимая, которая будет первопричиной его нервных отношений и его невротических симптомов. Воспитание должно учить ребенка сублимировать свои элементарные желания, и чтобы согласиться на обучение, ребенок требует в замен нежность. Если ребенок не получает нежность, соглашаясь на обучение, или если он получает нежность без согласия на обучение (избалованный ребенок), создается нервная ситуация: и элементарные желания и потребность в ласке экзальтируются, становятся неосуществимыми и ищут воображаемого удовлетворения. Ребенок экзальтирует свои попытки сублимации, свое послушание. Чтобы усилить ласку и похвалы, он тщетно хочет превзойти товарищей,

или - что более часто - он взбунтовывается, и его мятежное непослушание является выражением его тщетной вины или его сентиментального обвинения. Если воспитание полностью недостаточное, и если ребенок принадлежит к типу необработанных банальных людей часто испорченных, может так случиться, что экзальтированная потребность в ласке, основная тщетность проявляется в виде открыто дерзкого мятежа против мира взрослых, ставшего принципом, и что элементарные желания экзальтируются до цинизма (*moral insanity* - отсутствие морали).

Рассеивание основной тщетности на второстепенные и множественные формы может случиться также у взрослых, у которых продолжающийся инфантилизм превратится в преобладающую черту истерии. Чем больше истерический синдром представляется в чистом состоянии без примесей других психопатических симптомов, тем больше он будет характеризоваться слабо выраженными сублимациями, скорее условными (или условным мятежом против условностей, изображающей псевдооригинальность), и крайней экзальтацией самолюбия в форме потребности ласки, оставшейся инфантильной. Более не является инфантильным то, что потребность в ласке ищет своего удовлетворения преимущественно в сексуальных фантазиях. Идеальный партнер, достойный этого персонифицированного идеала, которым себя считает больной человек, сентиментально ищется, и сентиментальность мечтает при каждой новой встрече встретить идеального партнера. *Истерический симптом распространен у числа женщин по-детски восставших против их пола* и против их обязанностей супруги и матери, которые она рассматривает как требование зависимости и подчинения. Их секретное намерение - трансформировать воображаемую неполноценность пола в реальное превосходство. Чтобы люди решили, что человек достоин быть любимым, он должен подчиниться всем капризам, без этого в сексуальном акте, рассматриваемом как подчинение, ему будет отказано, что и предопределяет фригидность. Органический феномен, она лежит в основе холодности чувств, вызванной их амбивалентному расколу в любовь-ненависть, составленную из всей гаммы недоброжелательности: экзальтированный сентиментализм любви распадается на обвинения, полные ненависти, раздосованная тщетность родиться женщиной превращается в торжествующую тщетность и в непрекращаемое обвинение партнера. Сексуальный инфантилизм истерии часто имеет свой корень в раннем детстве, когда родители предпочли сына дочери, тщеславных пробуждая таким образом подсознательно навязчивую ревность, сконцентрированную на различии полов.

Симптомы истерии многообразны. Они варьируются между двумя крайностями: полная недооценка сексуальной связи, вызывающая экзальтированную задачу девственности, и наоборот, расстройство сексуальности, ищущее равенства с мужчиной в праве подвергаться сексуальным приключениям, из-за чего женщина только больше становится жертвой тщеславных мужчин из-за права распущенности, которое им предоставлено социальными условиями.

Истерия характеризуется легкостью выражения психических конвульсий (тщетная вина), органическими конвульсиями (например, парез ног, который мешает искать сексуальных авантюр, перегруженных чувством виновности).

Первоначальная причина истерии не заключается в ингибированной или экзальтированной сексуальности, а в ложной оценке сексуальности, в которой экзальтация принимается за знак мужественности. Однако, мужественность не имеет ничего общего с различием полов. Она доступна как мужчине, так и женщине. Она зависит от подлинной силы оценивающего рассудка, способного противостоять ложным условным оценкам.

Воображаемо экзальтированная задача истерии очевидна. "Экзальтированная задача" обозначает: над любой возможностью реализации. Хотеть изменить пол - это экзальтированное желание, неосуществимое, неразумное, - пока оно присутствует - остается постоянным мотивом жизненного неудовлетворения.

Психастения характеризуется потерей жизненной энергии, вызванная неосуществимой задачей, поле выражения которой остается фиксированным на экзальтации к рассудку. Тщетное усилие отказывается от цели основного желания (гармоничное формирование себя самого) и отклоняется к второстепенной цели, которая становится идеалом-проводником ложно переоцененным и возвышенным в воображении как единственная цель жизни. Эти второстепенные цели, переоцененные в основную цель, индивидуально выбираются в соответствии со способностями, профессиональной подготовкой, часто реально существующими, но ингибированными посредством экзальтации талантами, что и предопределяет слабости реализации: различные симптомы психастении.

Тщетное усилие психастеника не направлено на здоровое и гармоничное развитие своих способностей внутреннего успеха, чтобы в конечном итоге профессиональные способности стали внешне продуктивными и плодотворными; он упорно употребляет их без своего ведома как средство тщетного удовлетворения с целью внешнего успеха.

Вместо того, чтобы развивать дарования и способности, психастеник старается их оттачивать. На месте настоящей сублимации проявляется с тех пор извращенная сублимация: болезненная изошренность мышления, воли и чувств, изошренность, которая хочет сделать из них инструмент тщетного и амбициозного удовлетворения. Но эта изошренность является только экзальтированным воображением, которое расчленяет сознательное я вместо его формирования. (Из всех способностей, особенно артистические дарования, на которых эта форма тщетности сосредотачивает свое усилие более или менее воображаемое.) Экзальтированная художественная задача довольно часто находится в основе этой формы невроза, потому что искусства часто могут осуществляться без методического обучения, они обещают тщетности последующее удовлетворение, известность, амбиции - богатство, и по отношению к увлечениям рынком искусства, они дают раненному реальной неудачей тщеславию, слишком легкое оправдание быть непонятым.)

Какая бы ни была природа экзальтированных задач, в самой глубине псевдосублимаций прячется кишение элементарных невысказанных желаний, перегруженных виновностью. Из-за своих appetitов, одновременно экзальтированных и подавленных, человек, предрасположенный к психастении, недоверчиво относится к своему так называемому идеальному стремлению. Экзальтированное желание, направленное к культурной функции, проникается ингибиторной тревогой. Идеалистическая функция, перегруженная тщетно возбужденной значимостью, постоянно находится под наблюдением. Любая функция, к которой привязывается беспокойное внимание, начинает колебаться. Экзальтированное воображение, которое перекармливает невысказанные appetitы (и которое только играет с ними, более или менее подсознательно) вращается, наполненное виновным недоверием, вокруг так называемой идеальной функции. Из всех сил стараясь стимулировать рассудок, она добивается только того, что утомляет его. Экзальтированное воображение, являясь полуподсознательным состоянием, состоянием мечтательности, состоянием сонливости, раздробляет сознательное я и делает чахлыми его функции. Непрерывность я, память, становится недостаточной, направленное внимание, концентрация, оказывается все более и более сложной: мышление теряет всю свою ясность и силу. Больной наказан в зависимости от своего греха. Из-за разногласий между экзальтированным идеалом и невысказанными appetитами, воля теряет свою способность выражаться посредством четких решений, она становится абуличной и проявляется только в перенапряженных и изнуряющих потрясениях. Нерешимость в

конечном итоге простирается на действия и на самый незначительный выбор. Чувства становятся боязливыми, капризными и гиперчувствительными. Они разлагаются в пыль, и эта чувственная пыль, тщетно выставленная на показ, принятая за неслыханное богатство, является только сентиментальной позой, знаком того, что любое настоящее, глубокое и сильное чувство недостижимо.

Возрастающая слабость всех реакций делает так, что тревожное внимание, которое вращается вокруг психических функций, разлагается в навязчивые беспокойства, в болезненно воображаемую, тревожную, ипохондрическую интроспекцию. Конвульсивные, чахлые, и снова беспокойные функции, в конечном итоге отказываются от любой продуктивности. Воображаемое переутомление исчерпывает всю энергию, даже энергию подавления. Подавленные аппетиты больше не довольствуются воображаемым удовлетворением; они активно взрываются. Идеалистическая конвульсия периодически рушится. Она уступает приступам извращенного и банального неистовства, которые сами тщетно принимаются за знак возбужденной и единственной жизнеспособности, несмотря на то, что они являются всего лишь признаком прогрессивного изнурения. Виновная тщетность, привязанная к извращенному растормаживанию, не замедлит уступить место виновности, в свою очередь тщетно экзальтированной, которая заставляет конвульсивно ингибировать, снова подавлять экзальтированные аппетиты, вновь конвульсироваться к идеальной сфере. Чередование взлетов и падений характерно для этого болезненного состояния, несмотря на то, что его формы многочисленны, и что чередование вместо того, чтобы проявляться, может выражаться только в экзальтированном воображении в форме сожаления, повернутого то к навязчивым аппетитам, то к недостаточным сублимациям. Чем сильнее и экзальтированнее были надежда и удовлетворение себя самого в период тщетного взлета, тем легче будет проявляться разочарование по отношению к самому себе, в периоды падения и виновности. Любой экзальтированный подъем уже содержит в зародыше виновную склонность к падению, и любое падение уже в зародыше содержит тщетное стремление к подъему. Психика, находящаяся или в состоянии псевдо-подъема, или реального падения, проникнута виновной тщетностью, и конфликты воображения, экзальтированного в диаметрально противоположных направлениях, исчерпывают все психические энергии, и изнашивают нервную систему. К абулии добавляются телесная усталость и расстройство функционирования органов. Проявляются соматические симптомы: мигрени, запоры, желудочные расстройства, энтериты, сердцебиение, невралгии, и т.д., символические выражения жизненной

тревоги, тщетной вины. Поскольку в периоды падения, сексуальные авантюры ищутся преимущественно как доказательство жизнеспособности, сексуальность, экзальтированная воображением, и прожитая как падение, перегружается чувством вины. Сексуальная функция также тревожно находится под наблюдением и теряет свою инстинктивную и естественную безопасность. Она становится капризной, и к тревоге за потерю культурных способностей, добавляется тревога за потерю половой потенции. Тревога повсюду. Любое усилие, любая мысль, любое проявление воли, любое чувство погружаются в тревогу и отсюда вытекают признаки психастении: неуверенность, трусость, слабость, истощение. Любое стремление к отклоненному идеалу может в конечном итоге пропасть, немощность может стать полной, и тщетность больше не предваряет будущую удачу, она становится жалобной и довольствуется величиной немощного стремления, воображаемого как возвышенное и единственное, и предполагаемое как неосуществимое только из-за неблагоприятных обстоятельств посредственной и враждебной среды. Причина катастрофы: тщетная вина остается постоянной в этом катастрофическом крушении, она выплывает. Обычно психастению обвиняют в органическом переутомлении, забывая психическое переутомление. Органическая утомляемость это, очевидно, состояние, которое у психически ослабленного человека сильно усиливает беспокойство и его эквивалент, ложную мотивацию: тщетность усилия, обвинение обстоятельств, жалость к самому себе, экзальтированное чувство вины по поводу проявления слабости. Переутомление может стать причиной психастении только в том случае, если к нему добавляется ложная мотивация.

Навязчивые состояния (фобии), вызваны символизацией идеальной цели и символизацией усилия к идеальной цели.

В данном случае, как и в любой нервозности, центральным ядром, позволяющим объяснение является именно конфликт между взлетом и падением. Этот конфликт является ни чем иным, как конкретизацией фундаментальной конвульсии между тщетностью и виновностью. Он является болезненным проявлением тщетной вины, основной причины всех психических деформаций.

Навязчивое состояние больше не характеризуется ослаблением, вызванным отклоненной или уменьшенной конвульсией, а ослаблением, вызванным напряженностью конвульсии. Навязчивое состояние, следовательно, означает большую тщетную конвульсию, которая может быть признаком - но которая не обязательно им

является - более интенсивного жизненного порыва. Отсюда жизненная тревога по отношению к ослабленному состоянию может часто стать в этом случае более принудительной, и навязчивое состояние представляется как более серьезный недуг, чем предыдущие неврозы. Отклонение к экзальтированной задаче, второстепенного порядка, может добавляться к этому, но навязчивое состояние четче ориентировано на основную цель, экзальтированную в ригидное требование совершенного самоформирования.

Характерной чертой синдрома навязчивого состояния является желание совершенного очищения любой вины, или конвульсивного и фобического усилия, чтобы избежать любой вины, любого падения.

Несоразмерный подъем придает в данном случае дезориентации форму головокружения. Желание подъема, превосходящее силы, уже содержит в себе тревогу перед падением, возросшую дезориентацию, психическое помутнение. Не выражаясь символическим языком, психическое помутнение может быть возбуждено любой слишком сложной задачей, жизненной задачей, когда ее реализация тщетно предпринята. И именно это тщетное, а значит неразумное предприятие все более сложной задачи потребует маскировки слишком хорошего намерения и его провала: символизации, характерной для синдрома навязчивых состояний.

Именно этот хорошо известный феномен опьянения, содержащий все аналогичные элементы, позволяет понять скрытое значение символической маскировки. Вполне понятно, что опьянение будет тем более тревожным, чем выше будет вершина, а следовательно пропасть глубже. Но глубина пропасти не имела бы ничего ужасного, если бы при попытке приближения к пропасти, не добавлялась бы награда чрезмерного удовлетворения, которая в случае пространственной пропасти, заключается в защите жизни, которая кажется воображению под угрозой. Это не реальная пропасть, это воображение, строя или экзальтируя важность опасности, является причиной тревоги головокружения. В случае основной тревоги, которая рискует стать ужасом и психическим опьянением перед основной жизненной задачей, все происходит в воображении; сама пропасть - это только вымысел, вызванный экзальтированным желанием к самому высшему подъему. Именно тщетность назначает выполнению жизненной задачи, превосходящей силы, чрезмерную цену защиты смысла жизни, которому в воображении угрожает мельчайшее психическое движение. Чрезмерная тщетность делает ужасающей возможность малейшего ложного шага; она превращает тревогу в ужас, дезориентируя и парализуя даже наличные силы и храбрость. В этой

психической ситуации, вполне понятно, что малейшее реальное препятствие в конечном итоге будет расцениваться как возможная причина падения, и даже экзальтированное воображение повсюду будет предполагать иллюзорные опасности, препятствия для выполнения воображаемой задачи. Тщетная конвульсия, желая приблизить самую возвышенную цель, несет в себе искушение отпустить добычу, и ее недоверие к самому себе заставляет бояться, что малейшее препятствие предприятию станет искушением падения. Любое движение кажется перегруженным опасностью, даже любое психическое движение, любая мысль, любое проявление воли, любое чувство. Любое спонтанное движение становится невозможным. Действия, мысли, проявления воли, чувства не могут больше выполняться без того, чтобы они не были бы окружены церемониалом тщательных и скупуплезных предосторожностей. Но к тому же эти предосторожности являются непристойными. Потому что причиной этих мер предосторожности является основная тревога перед своей собственной слабостью, которая преувеличивает высоту подъема, и которая расширяет глубину падения: причиной этому является тщетная вина. Признать меры предосторожности, это означало бы признать виновную тщетность в своей основной форме, витальную вину, вину, совершенную против смысла жизни, тщетное перенапряжение силы. Предосторожности, связанные с тщетной виной подавляются как и сама вина. Угрызения совести могут теперь выражаться только в подсознательной форме, символически отклоненной. Субъект, перед искушением падения, будет мыть, например, руки, символическое выражение его желания очищения. Другой не прикоснется к чему-нибудь пачкающему, символизируя таким образом свое желание к совершенной чистоте. Третий, чувствуя себя предоставленным искушению - и из-за подсознательной ассоциации, не существует ничего, что могло бы принять значение искушения - будет вынужден принять еще более удивительные меры предосторожности, на вид неразумные: например, сделать три шага вперед и три шага назад, символизируя привлекательность искушения и сопротивления. Другой, будет охвачен головокружением, когда нужно будет перейти публичное место; он таким символическим образом выражает, что он отсупает перед риском публичных опасностей, и сами публичные опасности - новое символическое осложнение - обозначают только основные опасности, которым подвергается каждый человек: искушения. Субъект, в своей навязчивой идее превосходства, вынужден тщательно и тревожно избегать искушения падения, символизируемые публичным местом.

Степени аггравации невроза до синдрома навязчивых состояний не являются постепенными этапами, которые проходит пораженный индивид. Различные формы невроза феноменологически разделены, несмотря на то, что они все являются деформациями основного желания, жизненного порыва. Поскольку сила жизненного порыва по-разному разграничена в каждом индивидууме, образуется лимит, более или менее непреодолимый при постепенном развитии расстройства, расположение к той или иной форме невроза. Если основная энергия, распавшаяся на виновную тщетность, перехвачена множественными проявлениями невроза предпочтения, никакая аггравация не будет проявляться. По меньшей мере пока ослабленная конвульсией психика не подвергается слишком остро прочувствованному потрясению, которое могло бы разрушить его стабилизированную неуравновешенность. Исключительно сильный шок может однако вызвать чрезмерную конвульсию, углубленное торможение, взрыв навязчивых симптомов, даже у истерика или у психастеника. Навязчивые симптомы однако будут иметь здесь некоторую тенденцию к исчезновению, как только шок, который их временно вызвал, уступает место относительному успокоению. Абсолютно точно то, что самая продвинутая степень психической деформации, психоз, не проявится без более или менее длинного инкубационного периода, без предшествования невротических симптомов. Также кажется, что опасность прогрессии увеличивается по мере того, как симптомы, которые ему предшествовали, принадлежат к синдрому навязчивых состояний.

Подсознательное и символическое выражение невротического состояния поддается аггравации, которая превосходит навязчивые состояния. Тревога падения может стать ужасом и смятением. Психическое головокружение превращается в полную дезориентацию, в безрассудство: тревожное предвидение возможного падения становится галлюцинативной и бредовой уверенностью. Тщетное подозрение, виновное сомнение, которые делают так, что больной - именно потому что он воображает себя покоряющим вершины - боится устремиться в пропасть, превращаются в свою очередь в бредовую уверенность. Тщетно виновный человек не только навязывает себе то, что ему необходимо превзойти всех людей или высотой подъема или глубиной падения, воображение, ставшее бредовым делает из экзальтированной задачи и из ее совершенной реализации полную уверенность. Обезумевший больной человек не только воображает себе, что он призван превзойти всех других; он галлюцинативно убежден в том, что он является единственным совершенным реализатором идеала. Основная тщетность, до этого замаскированная при помощи невротической

символизации, в конечном итоге пронизывает маску и открыто проявляется, с помощью символизации мании величия. Но поскольку тщетность - это всего лишь противоположная форма виновности, существуют психозы с обратным отношением, в которых смятение проявляется в своей виновной форме, доходящей до галлюцинации, что он самый отвратительный из всех людей. Высшая степень виновности свидетельствует о скрытой бредовой тщетности.

3) Психоз.

Психиатрия понимает под термином "психоз" две группы психических болезней, имеющих различную причину: органические психозы и функциональные психозы.

Общей чертой этих двух групп психозов является галлюцинаторное и бредовое состояние. Эти две группы характеризуются затемнением сознания и разложением сознательного я, и более или менее полной потерей реальности, коррелята сознательной жизни.

Психологическая причина, которая сопровождает процесс психического разложения заключается в исключении функционирования кортикальных областей мозга, органической базы сознательной жизни. Отсюда следует разгул субкортикальных автоматизмов, примитивных и инстинктивных реакций, общих у человека с животными. Эти примитивные реакции больше не контролируются размышлением, они приближаются к рефлексу. Психопатическая регрессия больше не характеризуется инстинктивной безопасностью бессознательного, а навязчивой конвульсией подсознательного. Разгул автоматизмов в этом случае - это беспорядок. Нервное беспокойство является самым распространенным симптомом; как было указано, временное беспокойство нервного человека сопровождается временной потерей присутствия духа. В психозе, исключение коры головного мозга и его сознательной функции не представляет собой временное явление как в неврозе: беспокойство, как и отсутствие духа, гипноз становятся постоянными. Автоматизм беспокойства стал галлюцинативным и бредовым, то есть *физиологическая причина и психическая причина деформации полностью объединились*. Разошедшееся воображение, ставшее галлюцинативным и автоматическим заменяет сознательную кортикальную функцию - размышление с помощью понятий - и остается только древняя рамка этой функции, характерной для человеческого рода, но которая освобождена от любой четкой концептуализации. Больной старается включить свои бредовые идеи и свои галлюцинации в древнюю рамку ментальной функции. Он делает вид, что думает, он не

отказывается от притязания думать логически. В некоторых психозах древняя рамка сама по себе полностью разрушена; бредовое состояние превращается в деменцию.

В органических психозах можно констатировать физиологическую причину расстройства или исключения корковой функции. Она заключается в повреждении коры головного мозга или в интоксикации (приводящей к парезу или к параличу коры головного мозга). Интоксикация может быть экзогенной (например, наркотик) или эндогенной (например: лихорадка). Следовательно, можно сказать, что: причина физиологическая, а следствие - психическое. Что дает принцип объяснения очень удовлетворительного аспекта.

Неудивительно, что психиатрия имеет тенденцию распространять на функциональные психозы пояснительный принцип, эффективный для органических психозов. Однако, в психозах, именуемых функциональными, физиологическая причина не может констатироваться. Даже аутопсия не в состоянии обнаружить повреждение кортикальной области. Большая проблема психиатрии - это понять, каким образом галлюцинаторное или бредовое состояние, характерное для всех психозов, может проявляться в некоторых психозах, так, что самое тщательное исследование не способно обнаружить физиологическую причину.

Не является ли факт самогипноза, связанный с тревогой ложной мотивации, который позволит найти решение? Гипноз - это сонливое состояние, родственное ночному сну. Однако, ночной сон сопровождается галлюцинаторным и бредовым состоянием, сновидением. Сон и сновидение, несомненно не являются следствием повреждения, а самоинтоксикации, гуморального шока, периодически парализующего кору. *Паралич и парез коры головного мозга кажется являются единственными причинами, которые могли бы произвести такой же эффект, как и повреждение.* В ночном сновидении беспокойство не проявляется из-за исключения подвижности; продолжает существовать только бредовая галлюцинация, которая в данном случае не является патогенной из-за своей естественной периодичности. В функциональных психозах парез коры является ли он следствием воображаемой мечтательности, ставшей псевдо-перцептивной галлюцинацией, следствием воображаемого самовнушения, ставшего тревожным и постоянным самогипнозом? Эти ухудшения болезненного воображения произвели бы они - как и в ночном сне - гуморальный шок, который парализуя кортикальные области заменил бы повреждение или интоксикацию органических психозов? Будет ли изменена связь между физиологической причиной и психическим следствием: психическая и первичная причина - гипнотизирующая тревога -

производит физиологический эффект. Несмотря на это изменение, органические и функциональные психозы имели бы общую физиологическую причину: исключение кортикальных областей.

Однако, между двумя группами психозов имеется капитальное отличие. В органических психозах, вызванных исключением кортикальных областей из-за констатируемых повреждений или второсепенных интоксикаций, разгул галлюцинативного и автоматического воображения выражает только простые желания и тревоги, а нисколько не экзальтированные и ложно мотивированные желания и тревоги. Воображение, заполняющее рамки ментальной функции, совсем не является чрезмерно экзальтированным ложной мотивацией воображением. Однако, поскольку ложная мотивация присутствует в любом человеке, делирии органических психозов могут выражать одинаково как виновную тщетность, так и сентиментальное обвинение. Но ложные мотивы в данном случае являются только побочными; они не являются определяющей причиной состояния. Бреды функциональных психозов, напротив, имеют определяющей причиной чрезмерность, в своей крайней точке, тщетной вины и символически выражают ее разложение на ложную чрезмерную мотивацию. Только делирии, функциональные психозы лежат в основе скрытого значения.

Формы значительного делирия характеризуются частотой одной из четырех тенденций ложной мотивации: бред преследования (виновность), бред предъявлять претензии (обвинение), бред усовершенствования (сентиментальность), бред величия (тщетность).

Термин "психоз" будет употребляться в узком значении, которое включает только функциональные психозы.

Психоз вызывается вследствие чрезмерности основной тревоги, чрезмерности тщетной вины. Тревога имеет два способа влияния на психофизический организм: она выражается с помощью гипноза (затемнением сознательной функции) и с помощью беспокойства. В психозе, вызванном чрезмерностью основной тревоги, гипноз становится постоянным и беспокойство становится каталептическим.

Из-за ставшего постоянным самогипноза поражается самая ясная функция, само мышление. Посредством ложной мотивации, ложной интерпретации, посредством злоупотребления понятийной функцией, понимание угасает, ориентация в жизни потеряна, больной больше не понимает жизнь, он ее не видит сознательно, он ее видит во сне. Сон заменяет сознательную жизнь и ее коррелят, реальность. Экзальтированное воображение в конечном итоге заменяет реальность, вновь становится реальностью. Но

это полностью субъективная реальность, которая существует только для больного. Символическая нелогичность становится галлюцинативной нелогичностью. К сенсорным и органическим галлюцинациям прибавляются галлюцинации чувств и мыслей, делирии. Психоз отличается от невроза тем, что ложная мотивация деформирует не только жизнь чувств, но также интеллектуальную и духовную функцию, а именно функцию, которая оценивает желания. Уже в неврозе эта функция постепенно нелогична, она искажена, она оценивает, судит ложно, но только в том, что касается аффективной жизни, жизни чувств. Способность к абстракции, теоретическое мышление остается логическим и нетронутым. В психозе жизнь полностью охвачена деформацией. Это не только аффект, а и само мышление, которое превращается в симптом, которое выражается символически, бредовым способом. Однако существуют функциональные психозы - параноиа, в которых делирий проявляется только в момент, когда затронуто слабое место, скрытая экзальтированная задача.

Что касается беспокойства, то оно может - как любая подсознательная реакция - привести к чрезмерной степени, когда она проявляется в двух амбивалентно противоположных формах, из которых одна - это каталептическое сокращение, а другая - торпидная атония. В обоих случаях, беспокойство, ставшее парезийным, является симптомом воображаемого переутомления и усталости, которая отсюда следует. Ее психическое значение является противоположностью бунта, проявляемого в форме беспокойства: смирение, ставшее отказом. (Это не мешает тому, что в скрытом значении шизофренической кататонии, например, обвиняющий бунт и сентиментальный отказ могут быть подавляемыми. Усталость выражается тем фактом, что бунт не является больше активным, но он выбирает как средство выражения самую полную пассивность.)

В психозе (во время периодов обострения) субъект больше не пробуждается ни от своего гипноза, ни от галлюцинаторного и бредового беспокойства. Но именно из-за того, что беспокойство больше не позволяет отдыха, оно может превращаться в конвульсивный отдых, обусловленный физиологическим и психическим перенапряжением. Активное беспокойство часто заменяется безразличием ко всякому возбуждению, которое может достичь безразличия даже к психической и физической боли. Функциональные психозы характеризуются амбивалентностью между экзальтацией и чрезмерным безразличием.

Большой функциональный психоз - это *шизофрения*. Она характеризуется богатством и разнообразием значимых симптомов. Симптомы можно разделить на две группы: кататоническое беспокойство и параноидальный делирий (галлюцинации ощущений, чувств и мыслей). Симптомы двух групп варьируются между чрезмерным сверхвозбуждением и полным безразличием.

Но существует и другой значимый психоз, характеризуемый, наоборот неким однообразием симптомов, в котором таким образом значение остается скорее глобальным: *циклофрения*. Она состоит из состояния беспокойного и бредового перевозбуждения: мания, чередующаяся с состоянием полного безразличия, как тонического, так и психического: меланхолия.

Тщетная вина представляет собой и причину и общее значение, скрытые как богатством симптомов шизофрении, так и однообразием симптомов циклофрении. Расстройство мышления, делирий, это крайнее средство, чтобы скрыть тщетность взлета и тревогу перед падением. Но это крайнее средство, чтобы *скрыть* конвульсивное и виновное перенапряжение (причину нелогичного и неразумного страдания, которое в конечном итоге заставляет терять разум), и есть в одно и то же время средство *его выражения*. Так как тщетность и виновность стали настолько чрезмерными, что их невозможно скрыть. Они выходят за край и выставляются так сказать наивно: тщетность стала бредовым триумфом: виновность стала бредовым отчаянием.

(Вероятно, эпилепсия является смешанной формой между органическими и функциональными психозами. Несмотря на то, что в большинстве случаев органическая причина доказуема, существуют однако случаи, которые кажутся чисто функциональными. Симптомы приглашают ускорить психическое объяснение. Аура, которая предшествует припадку, путаница, которая за ним следует, амнезии и помутнения сознания напоминают гипнотическое состояние; агрессивные импульсы, частота бреда преследования заставляют думать о чрезмерности ложной мотивации. Похожие симптомы могут проявляться одинаково в органических психозах и в случае эпилепсии они могут быть вызваны, например, церебральным рубцом, который стал центром пареза. Но эпилепсия однако достаточно отлична от обычного аспекта органических психозов, чтобы можно было подумать, что экзальтированная тревога, вызванная тщетной виной, прибавляется к органической базе (даже в случаях, когда она может быть обнаружена), вызванная психической недостаточностью, которая вызвала бы гуморальный шок и самогипноз. Конвульсивный припадок может являться

— 26 —

подсознательным и символическим выражением психической конвульсии, бешенства немощности, симптома сентиментального обвинения, в котором подавленное накопление периодически взорвется, когда она ассоциативно усилена событиями. Чрезмерное беспокойство кризиса оставило бы психику в состоянии истощения, которое простирается на все периоды внешнего затишья, характеризуемые прогрессивной неопределенностью мышления и слабостью воли и чувств. Настолько частое ханжество могло бы указать тенденцию к экзальтированной сублимации, которая из-за психического истощения проявлялась бы только в этой неясно выраженной форме. Однако следует признать, что аналогии являются слишком смутными, чтобы оправдать утвердительную позицию.)

Что касается специально шизофрении, то она выражает посредством всех своих симптомов, галлюцинаторных, бредовых, кататонических, крайнюю степень психической конвульсии, вызванную отчаявшимся усилием подавить витальную вину. Чтобы тщетная вина не могла стать сознательной, сознательное разрушено.

Пока нервность играет в воображении с надеждой или с отчаянием (желание или тревога), шизофрения галлюцинативно выражает этим уверенность. Больной человек не хочет только быть наделенным самыми удивительными качествами: он и наделен ими. Он больше не хочет только улучшить враждебный и непонимающий мир, сентиментально обвиняемый как "несносный", полностью недостаточный, чтобы быть идеалом, как и больной: он его улучшил, он спаситель. Или он в процессе его спасения. Больной, например, спасает мир от самых ужасных катастроф, предусмотренных его делирием, подсознательно, навязчиво выбирая кататоническое отношение, что он вынужден поддерживать, пока оно существует, влияние злого духа, опасного для мира. Посредством самогипноза, кататония становится каталепсией. Больной неспособен совершить малейшее движение: если он пошевелится, мир потерян и потому что он не шевелится, мир спасен. Тщетность быть спасителем мира дублирована тщетностью чрезмерной доброты пожертвовать себя для спасения мира, несмотря на злость мира. ("Самопожертвование" символизированное кататонической позой усложняется отказом от пищи и мутизмом, другим значением которого является: чрезмерное недовольство, негативизм, выражение бешенства немощности, сентиментального обвинения против мира предположительно любимого вплоть до самопожертвования.) Но галлюцинативная уверенность чрезмерной тщетности остается *амбивалентно* контрастированной сомнением, галлюцинирующей виновностью. Так как злой дух,

предчувствованный как опасный для мира, не что иное как злой дух, который, как чувствует больной человек, жизненно ему угрожает. Он тщетно пугает себя с миром, считая себя универсальной важности. Ничего в мире не имеет для него такого значения, как он сам. Он есть мир. И крушение всех его способностей, распад которых он наблюдает с ужасом, становится посредством подавления и проекции, предвидением ближайшей катастрофы мира. Его делирий предвидит крушение мира, потому что делирий является выражением его секретного ужаса и выражением его усилия, чтобы спастись от ужаса, проецируя причину во внешний мир. Усилия, чтобы спастись (мифически говоря: от злого духа, сеятеля болезней; психологически говоря: от болезненной деформации рассудка, тщетной вины), это крайнее усилие всего лишь парализованное беспокойство, галлюцинативно дезориентированное. Символическое усилие (кататония), указывая немощную потребность больного в спасении, в действительности приводит к усилению патологического состояния. Выражение головокружительной привлекательности пропасти, символизация - это шаг к окончательному и финальному крушению.

Тщетность, сентиментальность, обвинение и вновность выражаются в кататонической позе как во всех других шизофренических симптомах. Кататонические отношения часто выражают в прямой и выразительной манере одну из тенденций ложной мотивации. Можно видеть больного, который в течении многих часов остается в позе виновности, опущенная голова, скорбная мина; другой остается неподвижным в совершенно противоположной позе, которая выражает - нельзя более четко - тщетность: высоко поднятая голова, взгляд, полный уверенности и т.д.

Бредовые симптомы шизофрении имеют то же значение, что и кататонические симптомы: ложная мотивация, ставшая уверенностью. Больной, например, не просто воображает себе, что другие сердятся на него: его обвинение и его жалость к самому себе стали уверенностью. Неприятности, которые другие люди заставляют его испытывать "отравляют его". Лингвистический термин перепутан больным с реальностью и бред убеждает его в том, что его в действительности заставили проглотить яд или отравили газом, вызывающим тошноту. Его бредовое обвинение (или его сентиментальная или бредовая любовь) преимущественно сосредотачиваются на некоей персоне подозреваемой причиной всех его несчастий (или предполагаемой быть единственной, которая могла бы его от этого избавить.) Его бредовое воображение без устали озабочено этим подозрением (или этой надеждой). Он больше не может думать ни о чем другом, и проецирует эту внутреннюю причину своего волнения. У него

создается впечатление, что этот человек овладел его мышлением, влияет на его мысли, присылает ему мысли, мешает ему отводить свои мысли. Путем тщетности, может быть также что больной принимает себя за ясновидца, способного принимать на дистанции послания и предвидения будущих событий. Может случиться так, что единственная персона, обвиненная в агрессивности заменяется целой группой, подозреваемой в готовящемся заговоре против него. Усилением псевдо-логического объяснения, больной человек воображает себе весь механизм (например электрическую передачу) с помощью которой производится влияние. Другой не просто боится быть виновным; он самый отвратительный и приговоренный из всех, и это уже на вечность.

Другая частая черта шизофрении - это тщетное признание виновности. Признание не касается витальной вины, а воображаемых и второстепенных чувств вины относящихся к невыполненной жизненной задаче. Признание представляет собой новое используемое средство для подавления жизненной вины.

Экзальтированная и воображаемая виновность часто выражается не только символически посредством беспокойства и бреда, она может выражаться вербально. Больной может обвинять себя в самых ужасных преступлениях, например, в убийстве своих родителей. Он их убил; но только лишь в своем экзальтированном воображении: его злобное обвинение стало желанием, чтобы они умерли. Но виновная тревога прибавляется к его желанию; он не осмеливается себе в этом признаться, он подавляет его. Он скрывает свое желание и он не мог бы его скрыть лучше, чем с помощью позы единственной любви, на которую только он способен. Конвульсивно и мучительно поддерживаемая, поза в конце концов невыносимая только экзальтирует невысказанное желание, ставшее неконтролируемым из-за подавления. Но экзальтированная любовь, экзальтирует также виновность, прочувствованную по отношению к желанию, которое несмотря на свое подавление, периодически пробуждается, и чудовищность которого становится только очевидней из-за контраста с позой любви. Только идея об этом в конечном итоге кажется также непростительной больному, как если бы он совершил отвратительное преступление. Бредовое воображение в конечном итоге путает желание и реализацию. Подавленное желание появляется вновь и удовлетворяется бредом, воображаемой уверенностью, галлюцинаторной идеей о том, что убил своих родителей. Но бредовое удовлетворение освободиться от смертельно ненавистных родителей остается перегруженной тревогой, которая вновь появляется в бреду. Больной человек упрекает себя в том, что он самый виновный из людей и мучает себя так, как если бы

это было в действительности. Воображение преступления и виновности стало бредовой уверенностью, галлюцинативной реальностью. Больной человек самый отвратительный из всех существ. Его отцеубийство имеет единственное значение. Он отличается от всех, он превосходит других своим преступлением. И ему больше не нужно, чтобы он открыто себя обвинил, чтобы он тщетно выставил напоказ свое преступление перед тем, кто хочет его услышать. Сентиментальное обвинение против своих родителей превращается посредством тщетной иллюзии преступления в открытое самообвинение. Но это все только игра воображения, ужасающий мираж ложной мотивации, ставший галлюцинирующим и бредовым. Настоящая вина, витальная вина скрывается под этими тщетными играми. Она еще больше подавляется.

Навязчивая идея признать виновность в более или менее бредовой манере очень распространена в шизофрении. Эта бредовая навязчивость является самой экзальтированной степенью потребности в исповеди, которая в более или менее выраженной манере сопровождает все степени психической деформации, даже простую нервозность. Возможно, что больной даже говорит, что его жизнь потеряла всякий смысл. Но это не искреннее признание витальной вины, жизненной слабости; это всего лишь чисто вербальная исповедь, бахвальство. Невыносимый и непристойный аффект, отчаяние от упущенной жизни, презрение самого себя остается скрытым в глубинах подсознания.

Существует только одна психическая деформация, в которой открыто выражается витальная вина: меланхолия. Именно в ней понятно насколько признание, даже замаскированное делирием, является для больного жизненно невыносимым: состояние всегда сопровождается тенденцией к самоубийству. Другой признак невыносимого характера признания меланхолика состоит в том, что склонность к самообвинению периодически стерта маниакальной эйфорией, которая является бредовым выражением вновь появляющейся триумфальной тщетности.

В отличие от меланхолии, шизофрения никогда не является искренним выражением витальной вины, а наоборот ее самым глубоким подавлением. Бредовое признание виновности остается тщетной гримасой. Шизофрения, всеми своими симптомами является преимущественно бредовой гримасой. Любая шизофрения сохраняет некий аспект симуляции, и любая сколько-нибудь убедительная симуляция сама по себе является шизофреническим симптомом. На любой степени ложной мотивации, ее тенденция стать сознательной полностью захвачена тенденцией к подавлению. Однако ложная мотивация через волнения, которые она производит, сохраняет некую

-1-

в) БАНАЛИЗАЦИЯ

Общей базой нервозности и банализации является экзальтация воображения.

Экзальтированное воображение - как было показано - создает ненужное желание: желание, которое не соответствует естественной потребности тела, души и рассудка. (Потребность, которая чтобы быть разумной не всегда является примитивной; она может быть также цивилизованной и культурной.)

Потребности, созданные экзальтированным воображением не являются ни естественными, ни цивилизованными, ни культурными; они ненужные, неразумные, извращенные. Они паразитические и разрушают жизнь.

В состоянии банализации, экзальтированные желания (материальные и сексуальные) не подавляются, а тщетно выставляются, банально реализуются.

Следует как можно яснее подчеркнуть дифференциальную черту между нервозностью и банализацией и их общее заблуждение по отношению к смыслу жизни. Это еще более необходимо, так как банализация не диагностируется как психопатическое состояние.

Жизненная задача заключается в развитии способностей. Она включает боеспособное усилие, усилие спиритуализации и сублимации. Только победное усилие позволяет господство над самим собою и над жизнью, господство над сдерживаемыми возбуждениями, желаниями. Но недостаточно иметь хорошие намерения, речь идет о каждодневном наблюдении плохих намерений, ложных мотивов. Только ежедневный интроспективный опыт, направляемый знанием категориальных рамок ложной мотивации (виновность-тщетность, обвинение-сентиментальность) может достичь в достаточной степени оттачивания в внутреннего взгляда, чтобы он стал способным различать ложное от справедливого в мотивах, а значит и в поступках. Привычное перепутывание вызвано тщетным ослеплением, которое призывает принимать ложное за правильное (а также и - если речь идет о поступках другого - правильное за ложное).

Окончательная победа в этом внутреннем сражении, которое старается установить истину является неосуществимым идеалом. Но старание к разъяснению преобразует сражение в высшую игру гармонизации. Из этой высшей игры следует высшее "развлечение", радость жизни.

— 2 —

Любой человек стремится к радости жизни и это фундаментальное стремление всей его сущности, это более чем сознательное, сверхсознательное стремление, является основным желанием.

Нервный человек экзальтирует свое усилие к жизненной задаче, он конвульсирует свое основное желание и ему не удается его реализовать. Он не приходит к высшему развлечению, к радости. Создается развлечение и отвлечение посредством извращенной игры его экзальтированного воображения. Он не сумел реализовать свое основное желание и естественные и возвышенные желания, проистекающие из этого; он остается приговоренным к тому, что он не может лучше реализовывать свои извращенные желания. Желания, с одной стороны экзальтированные, с другой ингибированные превращаются в тревогу, а развлечение в мучение.

БАНАЛИЗАЦИЯ - ЭТО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ НЕРВНОМУ ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЮ, ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ПОНИЖЕННЫМ НАПРЯЖЕНИЕМ ОСНОВНОГО ЖЕЛАНИЯ, ЖИЗНЕННОГО ПОРЫВА, ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ.

Две деформации разрушают эластичность энергетического напряжения: они приводят к потере способности превращать основное желание в многочисленные желания и вновь концентрировать множественные желания в основное желание.

В состоянии банализации основное желание, иначе говоря духовная или высшая ингибиция многочисленных желаний, теряет свою силу из-за ослабления усилий. Когда духовная ингибиция ослаблена, то основное желание исчезает. С ним исчезает любая возможность концентрации на смысле жизни, а следовательно и способность интенсивно и существенно наслаждаться жизнью.

По мере чрезмерного рассеивания основного желания на множественные желания, основное желание, теряя свою силу, больше не ищет удовлетворения. Радость жизни теряет свою привлекательность. Банализированный человек больше даже не понимает в чем она могла бы заключаться. У него нет никакого представления об этом. Для него, смысл жизни и единственное удовлетворение смысла жизни, которое он может рассматривать, заключается в настойчивом преследовании реализации своих множественных желаний и множественных наслаждений, которые они обещают в воображении. Но эти наслаждения, даже если они и осуществимы, теряют посредством реализации привлекательность, которую им приписывало воображение. Они оказываются проходящими, разочаровывающими, недостаточными. Эта недостаточность является жизненной необходимостью, так как она вызвана

недостаточностью банализированной психики, нехваткой ее интенсивности. Каждая реализация, из-за присущей ей недостаточности вновь становится отправным пунктом для нового миража воображения, для нового увеличения желаний, для увеличения потери интенсивности. Банализированная психика является, хотя и в другой манере, также магически окружена, как и нервная психика. Интенсивное удовлетворение жизни (недоступное и непонятное для банализированного человека) не заключается в случайных и многочисленных наслаждениях, так как оно не является психическим происшествием, оно является состоянием души; спокойной веселостью: успокоением возбудимости. Веселость заключается в уверенности силы, которая сумела высшим способом господствовать над прошедшими возбуждениями, и которая уверена в том, что сумеет осподствовать над будущими возбуждениями. Уменьшение экзальтированных желаний освобождает от банальной тревоги: заботы. Сила души, веселость является противоположностью любой тревоги, любого ослабления усилий, любой трусости перед жизнью: она является высшим мужеством, единственным настоящим мужеством, которое не является бахвальством, которое не противоречит подсознательно агрессивной тревоге, маске жизненной низости. Истинное удовлетворение жизни заключается в аккумуляции запаса радости, которая единственная способна бесстрашно идти навстречу неизбежным жизненным происшествиям, принятым, а следовательно высшим образом подчиненным заранее. Именно это высшее подчинение поможет найти разумный способ, чтобы изменить неприятную ситуацию в той мере, в которой она может быть изменена.

Нервозность старается удовлетворить множественные и паразитарные желания посредством воображения; банализация пробует их удовлетворить с помощью реализации. Одна характеризуется ингибицией, другая выставлением напоказ.

Тревожной ингибиции нервного человека соответствует тревожное выставление напоказ банализированного человека, банальная тревога перед мнением других, банальный стыд, боязнь скандала. Чем больше банализированный человек протестует против закона жизни (и его естественных и высших защит), тем больше он становится пленником условностей. Только страх шокировать условность может тормозить банальное выставление напоказ.

Банализация характеризуется тем, что извращенные желания, созданные экзальтированным воображением не тормозятся, а выставляются; они взрываются во

внешнем мире. Вместо того, чтобы тщетно подавлять свою витальную вину, субъект тщетно разряжает ее своими действиями. Извращенность принимается за храбрость. Банальная тщетность выставляется напоказ и управляет всем. Самое решающее жизненное ослабление принимается за самую явную силу, даже за меру жизни, все что его превосходит, кажется ему неразумным. Банализированный человек движим только своими умноженными желаниями, и его беспокойство кажется ему единственным смыслом, который может иметь жизнь. Наказание этой тщетности и выставленной вины ужасно. Им является расточение я во внешнем мире. Банализированный человек освобождается от своей сущности. Его энергия теряется в тщетных усилиях. Человек сам теряется. Он не только теряет всякий характер, но в конечном итоге и всякую индивидуальность. Даже его экзальтированное воображение теперь является экзальтированным воображением среды, публичным мнением.

Публичное мнение считает внешний успех самым желаемым. Желание преуспеть является естественным и разумным. Но экзальтация желания в ущерб смыслу жизни, делает его жизненно неразумным. Социальный успех заменяет биологический глубокий смысл жизни. Слишком слабый, чтобы преуспеть внутренне, в основном слишком слабый, чтобы владеть собой и своими многочисленными желаниями, банализированный человек ищет только внешнего успеха: внушать уважение и навязывать себя другим, господствовать над ними и подчинить их своим многочисленным желаниям. Он желает только материального блага и раздражение банальной тщетности, что он преуспел лучше, чем другие, подчинил их доходит вплоть до сексуальных отношений, в свою очередь банально искаженных.

Целями банального карьеризма являются материальное владение, деньги, и социальное положение. Но чем больше человек стремится к чисто внешнему успеху, тем больше он теряет способность наслаждаться своим успехом иначе, чем извращенно, тщетно.

Миф о Мидасе является иллюстрацией к этому: достигнув благосклонности Дионизоса, который исполнил его пожелание, Мидас желает, чтобы все до чего он дотронется, превращалось бы в золото. Даже хлеб в его руке превращается в золото и он находится под угрозой умереть от голода. Это символ "смерти души".

Любая экзальтация воображения приводит к порочному и магическому окружению. Способы банального удовлетворения в конечном итоге окружают и пленяют человека. Средство, употребленное экзальтированным образом, в конце концов заменяет не только жизненную цель, смысл жизни, но и часто даже извращенную цель

(наслаждения). Средство становится навязчивым и заставляет забыть о цели. Сражение, чтобы обеспечить себе за счет других средства материального триумфа, это сражение человека против человека, захватывает в конечном счете полностью всю жизнь и угрожает ее разрушить вплоть до устоев общества. Отказываясь реализовать жизненную задачу, употребляя свои способности против жизни и ее смысла, большое число банализированных людей, пленников навязчивой идеи карьеризма, вместо того, чтобы дойти до наслаждений, в конечном итоге много и упорно трудятся, чтобы достичь богатства или социального положения. Агрессивное обвинение и жалость к самому себе являются только мерой этой банализированной формы виновной тщетности и ненасытных амбиций.

Банализация существует не только в материальных и сексуальных аспектах. Она также проявляется в псевдо-духовной форме: подчинение господствующим мнениям. Прогрессивное падение рассудка является кстати преобладающей формой банализирующего динамизма, так как сексуальность и материальность прогрессируют к чрезмерной развращенности только по мере того, как они ложно оценены банальным рассудком. Поддаться при случае банальному искушению (и никто полностью не освобожден от этого) отнюдь не является достаточным признаком банализации. Банализированного человека характеризует то, что он видит в банализирующем предложении сам смысл жизни. Это причина, из-за которой банализация трудно излечивается. По крайней мере индивидуально. Ее продвинутые степени могут быть под влиянием изменения публичного воображения о смысле жизни: под влиянием омоложения идей, формирующего принципа каждой культурной эпохи. Банализированный человек подчиняется любому публичному мнению. Он подчинится смыслу жизни тогда, когда публичное мнение станет более разумным.

Банализированный человек более удален от смысла жизни, чем нервный человек. Он даже больше не страдает от этого удаления и от этой основной потери; по крайней мере ни глубоко, ни сознательно. Любая глубина жизни потеряна, даже глубина страдания, которое именно является специфическим признаком нервного человека. Несмотря на то, что это болезненное состояние сопровождается скрытым недомоганием скуки и отвращения, поверхностным, как и любое чувство банализированного человека, амбивалентным симптомом этого состояния является пошлая эйфория, вызванная отсутствием всякого *осознания болезни*. Причиной эйфории является ограниченная тщетность банализированного человека, так же как и скрытое отвращение, частая

"тоска" является чувством человека, попавшего вне смысла жизни, эквивалентом нервной виновности в пошлой форме. (Мудрость языка клеймит банализацию, лишенную всякого порыва подъема терминами: посредственность, низость, пошлость). Необходимо четко указать, *что здесь идет речь о не менее аномальном состоянии, чем нервозность*. Подобно морализму в нервозности, банализирующая аморальность подвержена - как будет видно позднее - более и более патогенному усилению. Очевидно, желание вылечить нервного человека, делая из него банализированного, было бы глубокой ошибкой. Это кстати почти всегда именно то, чего чрезмерно боится нервный человек, именно потому что он несет в скрытой амбивалентности тревожное желание банализироваться, которое он подавляет из боязни дойти до низости. Ложно оправдывая банализирующую денивеляцию, можно достичь только того, что его боязнь экзальтируется и вызывается дополнительное сопротивление, которое усложнило бы лечебную задачу. Нервный человек предпочитает свое страдание банальной эйфории. Он очень сильно чувствует, что подобная трансформация была бы лишь окончательной слабостью. (Мифическим символом банализации является смерть. Скрытый смысл мифов всех народов - это основной призыв, призыв к "возрождению" от этой "смерти души". И действительно, пока нервозность - это болезнь души, банализация, разрушения оживляющего принципа, основного желания, может быть названа "смертью души": смертью оживляющего порыва.)

Непреклонная направленность к подъему и конфликт между подъемом и падением, могли быть обнаружены как характерная черта любой нервозности.

Эта черта характеризует аналогичным способом также и банализацию. *Банализация - это триумфальное смирение в падении*. Любое желание к подъему, любое основное желание исчезает рассеяно в многочисленных желаниях. Культурный уровень понижается. Жизнь теперь только интеллектуальная, утилитарная, рациональная.

Банализация ищет удовлетворения в отречении от всякого стремления. Идеал заключается в том, чтобы не возвышаться над желанием, в довольствовании жизненной энергией, без спиритуализации и сублимации, чтобы позволить себе любое удовлетворение, с целью освобождения от любой направленности к рассудку, а следовательно от любой духовной ингибиции и от всякой виновности. Обратный идеал предлагает как цель внутреннего размышления не здоровое освобождение, а неистовство, извращенное освобождение, распутство.

Не подавляя свои экзальтированные желания, не реализовывая их, человек может от них освободиться; в обоих случаях они становятся более властными, более непреодолимыми, более неразумными, более навязчивыми. Существует только одна возможность освобождения: освободиться от экзальтированных желаний посредством внутренней работы спиритуализации и сублимации. Эта работа самая сложная из тех, что могут существовать и она тем сложнее, чем экзальтированнее желания. Успокаивая воображаемое возбуждение, человеку удастся выполнять эту работу более легким способом, ему удастся растормаживать себя, освободить себя, сделать из работы все более веселую игру, сделать из жизни возвышенное приключение.

По мере того, как человек подвергается банальному разрушению своих способностей, он теряет вплоть до видения веселой прелести жизни, высшего сражения, для которого он призван, этой единственной возможности, которая ему дана. Его тщетность призывает принять его собственную деформацию за идеал. Потеряв представление об истинном идеале, он не может больше сравнить себя с обратной деформацией. Нервный человек видит в банализированном, и банализированный видит в нервном человеке глупое существо, трусливое и безобразное. Эти три аспекта нервной перверсии и банальной перверсии соответствуют разрушению мышления, воли, чувств: "глупый" клеймит разрушение мышления и ее здоровой оценивающей силы; "трусливый" указывает на ослабление воли и ее способности господствовать над желаниями; "безобразный" констатирует превращение чувств в злобность. Пусть рассматривают как нервного человека, так и банализированного, его собственная деформация никогда не предстает перед ним в глупом виде: он принимает ее за выражение мудрости; она не кажется ему трусостью: он принимает ее за выражение силы. Перверсия теряет свой безобразный вид: она становится соблазнительной. Поскольку любое извращенное чувство становится неуверенным в себе самом, оно *амбивалентно* контрастировано, ни нервный, ни банализированный человек не очень уверен в своей ложной оценке самого себя и жизни.

Посредством деформации и ложной оценки, посредством идеализации деформации, характерной черты для ложной мотивации, которая изменяет ценности, жизнь теряет свое значение, свою красоту. Она становится неэстетичной. Двумя проявлениями неэстетики являются печаль и смешное. Печаль деформированной жизни заключается в следующих аспектах: глупость, трусость и безобразность; смешное определяется

ложной идеализацией этих деформирующих аспектов. (Любое настоящее искусство заключается в отображении видения великолепия жизни, видения красоты). Для этого, искусство должно изменить ложную идеализацию; оно должно разоблачить глупость, трусость и безобразность деформации. Искусство, во всех своих формах является зеркалом жизни, как формирования, так и деформации. Литература пробуждает смысл красоты, разоблачая уродство. Ее способы варьируются от трагического до комического. Трагическое является основной грустью, которое проявляется тогда, когда человек, наделенный интенсивным порывом, находится в тисках деформации; его жизнь видется в трагическом аспекте, когда искусство - не становясь дидактическим - выделяет основную правду: связь между виной и наказанием (греческая трагедия, Шекспир). Комическое - это разоблаченный смех. Смех неудержимо пробуждается, когда тщетность разоблачена, когда игра ложной мотивации раскрыта неожиданным и внезапным способом, когда за сорванной маской ложного оправдания - которое имеет тенденцию доходить до ложной самоидеализации - за маской условностей, появляются глупость, трусость, безобразность. Иначе говоря, смех проявляется тогда, когда внезапно обнажается абсурдность аффективного мышления, которое, однако, управляет миром (Мольер).

Но комическое, чтобы быть объективным зеркалом - юмором - должно воздержаться от насмешек, от иронии, от обвинения, как трагическое должно избегать сентиментальности. Смех, вызванный истинным артистом, вынуждает каждого отождествлять себе с разоблаченным "героем", узнавать себя в нем, и артист сумеет заставить людей узнать себя в зеркале искусства, не исключить себя из разоблаченной правды, если он сам не выступает в качестве обвинителя, который тщетно исключается. Этот смех над человеческой природой и ее слабостями, над тенденцией к подавлению, к маскированию, к идеализации слабостей, этот освободительный смех - это юмор. (В одном из самых великих юмористических документов литературы, в романе Сервантеса, нервный и банальный человек (Санчо Панса) противопоставляются друг другу. Картина идеалистической экзальтации нервного героя является поразительной правдой. Но герой представлен здесь скорее в трогательном аспекте.) Юмор, чтобы не быть обвиняющим, должен избегать подсознательных глубин. Игра - это приятное искусство, и чтобы остаться приятной, она избегает слишком оскорблять тенденцию к подавлению. Юмористический смех - это аффективная и высшая разрядка, но если она слишком кратковременна, то эта

разрядка не приносит решения проблемы подавления; проблема остается. Художественное видение является однако противоположностью экзальтированного воображения; оно является формой *сублимированного и созидательного воображения*. Две другие формы - это спиритуализированное воображение, духовная интуиция, и очищенное воображение, настоящая религиозность. Они не затрагивают подавление с помощью высшей игры, а с помощью сублимационного сражения. Они должны идти до глубины проблемы. Их оружие - это не деконвульсивный смех, а его дополнение, активный юмор: искренность без конвульсии. Но очень велика опасность, что в пылу сражения, эта искренность конвульсируется и станет обвиняющей и пошло морализирующей. Основная опасность человеческой природы не может полностью побеждаться намеком, средством художественного выражения, ни морализирующими добрыми намерениями, она должна безбоязненно встречать научную объективацию, анализ деструктивных сил подсознания (причины постоянного наказания). Направляющий идеал, никогда полностью не осуществимый, должен объективировать аффект и видеть в тщетной вине только естественное явление, которое должно наблюдаться, как и любое другое явление, без обвинения, но также и без сентиментальности. Только эта объективация позволяет смотреть в пропасть подсознания, не будучи охваченным ужасом и не испытывая головокружения. Но для того, чтобы наблюдать, нужно однако распознавать, и распознавание возможно только при помощи терминов, predeterminedенных языком, который сам частично образован более или менее аффективным мышлением. Следовательно, неизбежно употреблять, говоря о психических фактах, термины, перегруженные аффектом, как например: глупость, трусость, безобразность. Они не должны пониматься в соответствии с их аффективным значением, а только в соответствии с собственно лингвистическим значением.

Нелепая сторона моральности и аморальности неотъемлемо связана с трусостью и глупостью (аффективное мышление). Моральная недостаточность - или, чтобы не употреблять этот термин, - жизненная недостаточность является нелепой только в силу своей трусости и своей глупости. Она всегда является аффективным ослеплением: нехваткой понимания и нехваткой смелости; или - что сводится к одному и тому же: она является результатом подавления правды о себе самом, результатом тщетной вины. Всегда нелепо, когда не можешь делать то, что хочешь. Эта нелепость никогда не является большей, только если немощное желание реализации касается основной

жизненной задачи: спиритуализации и сублимации. Полная банализация, которая отказывается делать то, что она чувствует не в состоянии делать, может казаться противоположностью нелепого. Легко видно, что нелепое является нервозностью из-за своей амбивалентности. Так как невозможно эффективно хотеть, четко не зная, что именно хочешь, если следовательно, желание отклоняется от цели или превосходит лимит сил. Но банализация по правде, является только болезненным дополнением нервозности, она также является ее дополнением в самом нелепом аспекте. Она является амбивалентной контр-формой. Любая амбивалентность только лишь аналогия контрастов, одновременно содержащая противоположность и сходство. Банализация, контрастируя отсутствием угрызений совести с нервозностью в ее нелепом аспекте, содержит в себе подобие этого аспекта. Нелепое банализации - это даже не осмелиться употребить и развить свои ограниченные силы, хотеть торжествовать над рассудком, над усилием спиритуализации и сублимации, выдавая себя за идеал, не признавая, что нелепость нервозности не заключается в ее стремлении к спиритуализации-сублимации, а в экзальтативной конвульсии усилия и в отклонении, которое не достигает цели.

Между ложными идеалами, конвульсивный идеал и измененный идеал (ложный идеал нервозности и ложный идеал банализации), последний может показаться более привлекательным для большинства людей из-за легкости своей реализации при помощи беспокойства, которое принимается за действие, так как ложный банальный идеал заключается в избегании любого основного усилия; он сводит человека к материальному усилию. Амбивалентная схожесть между двумя деформациями, которые могут преследоваться через их нелепый аспект, проявляется в мельчайшей подробности двух деформаций и в конечном итоге производит слияние, так что можно говорить о банальной нервозности и нервной банализации. Материальное усилие - как уже было указано - может конвульсироваться, может стать навязчивым и его цель может отклоняться. Вместо банального ослабления проявляется нервная конвульсия к производству материальных благ, конвульсия, поддерживаемая и экзальтированная псевдо-духовностью текущих идеологий. Ложность банального идеала в конечном итоге потеряна из вида до такой степени, что больше не диагностируется. Так как ее аспект деморализирующего неистовства в конечном итоге - если не заменен, то по меньшей мере полностью охвачен - его амбивалентным контр-аспектом: мораль карьеризма, возведенная в ранг идеала, и оправдывающей идеологии. Неистовство

многочисленных желаний требует материальных средств и ничего не существует, кроме упорной работы для аккумуляции средств удовлетворения, денег (золото Мидаса.)

Кроме этой пошлой и плачевной формы банализации, существуют другие формы, которые можно назвать титанической и демонической: полный отказ от всякого материального удовлетворения: аскетизм. Ожесточенная конвульсия по отношению к рассудку в конечном итоге истязает тело, на требования которого тщетно проецирована любая вина. Посредством изменения естественного чувства, тело ощущается только в форме виновной плоти.

Демоническая форма банализации является, в некоей мере соответствием аскетизма. Она больше не является пошлым и глупым развлечением, ни отклонением к боготворимым деньгам, а полным неистовством. Индивидуум освобождается не только от внутренней и духовной ингибиции, но также и от внешней и условной, ставшей императивной для пошлого банализированного человека в форме тревоги перед скандалом. Демоническая банализация восстает также против этой внешней ингибиции, против этой цепи, против этого стеснения. Делая из отсутствия угрызений совести свой идеал, циничный одержимый человек хочет подчинить всех других, целый мир своим ненасытным требованиям. С целью реализации своего идеала полного растормаживания, он чувствует, что вынужден снова доказывать себе, что он не отступит ни перед чем. Но, именно потому, что он нуждается в этом навязчивом доказательстве, дорога к ложному идеалу неистовства бесконечна. Она ведет к ужасной преступности. Самые негуманные, самые возмутительные, самые омерзительные поступки, представляются чрезмерно экзальтированному воображению. Несчастный, в тисках своего ложного ненасытного идеала, вынужден подавлять любое колебание и жертвовать себя неутолимому идолу. Любое колебание было бы признаком выживания духовной ингибиции, секретного присоединения к запретительному рассудку и вся прошедшая жизнь, все непоправимо совершенные мерзости, попали бы под ее юрисдикцию. Бесконечность этой навязчивой дороги является бесконечностью магического окружения, который увлекает заблудившегося на психические пути, на аналогические тропинки, с помощью которых банализация в конечном итоге присоединяется к нервозности.

Ничто не является столь поучительным, как преследовать расстройств до их крайнего завершения, где ясно обнаруживается их сходство и их отличительные черты. Чтобы лучше понять эти соединения аналогий и контрастов, следует в первую очередь различать от демонического банализированного человека банального человека, находящегося в тисках своей ужасной преступности. Последний является только скотским и садистским. Он не преследует ложный идеал, он подчиняется своей зверской природе. Совсем по-другому обстоит дело с демоническим банализированным человеком, непримиримый идеалист, который - как нервный человек - неотступно преследует поиск абсолюта. Экзальтированная задача к рассудку изменяется в задачу, не менее экзальтированную к многочисленным желаниям, ненасытность которых требует возбуждений, развлечений, извращений, все более сенсационных, более "оригинальных". Мерзости в конечном итоге не совершаются, чтобы противопоставиться, во что бы то ни стало, осторожным условностям, а для того, чтобы доказать себе - ужасная абсурдность - что он осмеливается, несмотря на мучения виновности, несмотря на отвергнутый рассудок, ставший обвиняющим. Этот безумный фанатизм имеет совсем другое значение, чем пошлая преступность. Он является настоящим психотическим симптомом. Он заменяет явное безумие, крайнее завершение нервозности.

Нервный человек, именно живет, без его ведома, под влиянием ложного идеала полного растормаживания. Но у нервного человека, идеал растормаживания сам по себе ингибируется. Его ингибированное растормаживание позволяет ему - в большинстве случаев - только падение в скудные и примитивные извращения, едва превосходящие обычную норму, но которые, измеренные на его идеал экзальтированного возвышения, могут показаться ему неслыханными мерзостями, перегруженными воображаемой и тщетной виновностью.

В эпохи культурного декаденса, котр-идеал, скрытый в демонической форме, рискует однако вторгнуться в глубины психики, вызывая массовые проявления (на закате романской культуры дионисийские оргии, распространенные во всем древнем мире; в средние века, черные мессы и т.д.) В таких массовых проявлениях, внушение играет основную роль; они однако доказывают соблазнительную роль, которую идеал неистовства оказывает на человеческую психику по мере того, как она теряет разумную ориентацию.

Крупные исторические фигуры, которые из-за их собственной дезориентированной жажды, были вовлечены навязчиво идти по дороге демонического неистовства, достаточно редки. Жиль де Ре, например, подводит итог своей жизни, чудовищно поучительной для извращенной пропасти человеческой психики, наивным и значимым признанием: "Я осмелился сделать то, что никто не осмелился." Признание выражает ошибочное убеждение пылкого человека, находящегося в юности во власти идеализма, но который из-за изменения, сумел только чрезмерно экзальтировать свои желания, вместо того, чтобы сублимировать их, и который перед подавляющим финальным отвращением ищет свое оправдание в распространенном обвинении. Признание, которое только что было процитировано, содержит обвиняющее предположение, что любой другой человек, похожий на него, любил бы бесстыдно неистовствовать. Конечно, ложный идеал неистовства дремлет в психике любого человека в зависимости от того, насколько он экзальтирует свои желания. Именно экзальтированные желания требуют прогрессивного неистовства, и именно ингибция делает из неистовства ложный, подсознательный и навязчивый идеал. Но только в редких случаях, когда вся энергия сосредотачивается в них, дремлющее искушение полного неистовства, может стать сознательным проектом, невязчивой реализации, с помощью которой глобальный соблазн конкретизируется, прогрессивно и активно разоблачает себя, чтобы в конечном итоге показать свое чудовищное истинное лицо. - Цитируемое признание этой терзаемой души, открытой как раны, это тщетная попытка самовосхваления, которая демонстрирует необходимость превзойти всех людей даже с помощью низости, начальным мотивом демонической банализации. Конец этой жизни, поучительной как всякая чрезмерность, показывает прогрессивный взрыв виновности, которая полностью заполняет психику и не оставляет места никакому другому чувству.

Что касается банализации в ее *титанической* форме, ее исторические представители рассматривают господство над миром с помощью политической власти. Они представляют собой комбинацию банального и банализированного типов. Идеалистический фанатизм - идея, что нужно выполнить миссию - встречается достаточно часто. Но чаще всего именно сущность животной природы мешает приливу виновности по отношению к интригам и к неизбежным жестокостям. Может добавляться другая причина: удача. Соблазнительное господство "титанического" типа может стать очень сильным, если обстоятельства соответствуют. Так как он

объединяет в себе две самых глубоких тенденции человеческой природы: тенденция восторгаться идеалом и тенденция пробуждать инстинкты. Именно комбинация этих двух тенденций создает фанатизм ложным идеалом. Если исторические обстоятельства ему благоприятствуют, банализированному человеку, доведенному и доводящему до фанатизма, может удастся соблазнить массы, особенно, если в этот исторический момент, видение настоящего идеала слишком запутанно, чтобы оно могло победить предлагаемый ложный идеал. Банализированный человек, остервенелый, доведенный до фанатизма своим ненасытным ложным идеалом, опьяненный своим успехом, соблазненный соблазнитель, распространит на весь мир свои демонические намерения. Он найдет очень эффективное средство, чтобы подавить свою гигантскую вину. Так как разрушая мир, он убеждает себя в том, что он послан провидением, чтобы выполнить миссию по улучшению мира. Пока существует мир, любая улучшающая жалость, основанная на тщетных и виновных проектах, на проектах, которые являются экзальтированными фантазиями, замаскированными в разумные предложения, превратится в соответствии с неизменным законом магического круга в разрушительное обвинение, в инквизицию, которая будет считать себя фанатически оправданной, подавляя малейшее сопротивление ложному идеалу, для "блага" мира в крови мира.

Привлекательность ложного идеала банализации проявляется не только в практической жизни. Ложное оправдание доходящее до ложной идеализации может также быть теоретическим и даже философичным. Мы процитируем только достаточно свежий пример Ницше, губительное влияние которого на наше время значительно. В данном случае снова выражается жажда крупного темперамента, сопровождаемая нервным ослаблением. Чрезмерно экзальтированный аффективный взрыв характеризуется двумя амбивалентными тенденциями: самоуверенность животной силы, и экстатическая сентиментальность, доходящая до лиризма. Снова нервный человек, ингибированный своей виновностью, видит спасение только в неистовстве и в своем тщетно экзальтированном воображении, поза сверхчеловека, кричащего, что человек из элиты должен посметь все сделать, все себе позволить.

Важно различить банализацию от банальности.

Банальность - это не болезненная слабость, а слабость биологическая. Она является врожденной слабостью жизненного порыва, а не ослаблением, вызванным злоупотреблением наличной силы.

Банальность как таковая - это естественное состояние, лишённое нервозности и банализации. Однако существуют *банальные люди*, которые проявляют признаки нервозности и банализации, которые стремятся к задаче, которая превосходит их силу, или наоборот, даже не употребляют их силу от природы относительно слабую. Задача, к которой *нервный банальный человек* остается дефективным и конвульсивным, является присоединение к Обществу. Его неосуществимый идеал - это достичь нормального уровня данной цивилизации. *Банальный банализированный человек*, напротив, попадает под нормальный уровень, не делая никаких усилий, чтобы достичь его. И в том, и в другом случае велика опасность того, что субъект, неспособный держаться на социальном уровне, становится правонарушителем, вплоть до преступности.

Банальный человек без психической деформации - тот, кто смог установить гармонию между своими желаниями, который смог развить свои качества, который выполнил жизненную задачу, в соответствии со своими жизненными силами - остается оправданным перед жизнью, несмотря на то, что его желания имеют только слабую культурную направленность, что его видение только слабого размаха, что его способности, даже развитые, не позволяют ему достигнуть очень высокого культурного уровня. Он получил меньше способностей, но и его жизненная задача, задача развить свои способности, менее тяжела. Он легче достигает радости жизни, но она никогда не будет иметь большой размах. Однако, он останется более утешенным жизненным спектаклем, чем нервный или банализированный человек, которые получили больше способностей, но которые их разбазарили или разрушили вместо того, чтобы их развить.

Только понимая эти отношения между банальным, нервным и банализированным человеком, раскрывается самая глубокая жизненная правда, истинный смысл жизни, присущая жизни справедливость, ответственность индивидуума за жизнь, основной принцип терапии.

Какими бы ни были полученные способности, человек подчиняется биологически имманентному императиву их развивать. Он должен прибавить к своему дару заслугу. Это задача жизни. Человек наслаждается жизнью в той мере, в которой он выполняет

эту задачу. Жизненная радость - это чувство жизненной силы в полном действии, основного желания в свободной функции. Она является ощущением жизненного порыва, которым оживляется человек, который он должен раскрыть и развить. Чем сильнее дар, тем сложнее задача, но тем она глубже. Раскрытый и развитый жизненный порыв, станет противоположностью нездоровой экзальтации: энтузиазма по отношению к жизни, самой интенсивной радости, чувства, что удовлетворил жизнь, и чувства удовлетворения от жизни. Это основной успех, внутренняя судьба, независимо от второстепенной и внешней судьбы, судьба, хозяином которой является или должен являться человек. Это ответственность перед жизнью.

Человек становится виновным перед жизнью, если он не берет на себя ответственность. Внутренняя удача - даже в случае внешнего успеха - превращается во внутренний провал. Это витальная вина. Жизнь наказывает виновного, отбирая "дар", который он не заслужил, разрушая его основные способности. Человек сам исполняет законный приговор: он становится его собственным исполнителем. Пренебрегая развитием своей способности, своего порыва одушевления, он разрушает его посредством подсознательных путей, законы которых ускользают от него. Это имманентная справедливость жизни.

Наказание заключается во внутреннем разрушении, которое проявляется в двух формах: нервозность и банализация. Посредством этого внутреннего разрушения, способность восторгаться жизнью потеряна. Она заменяется конвульсивным и тревожным энтузиазмом, мучением нервозности, или отсутствием всякого энтузиазма, скуки или отвращения, которые сопровождают все формы банализации.

ИММАНЕНТНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ИДЕАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ, ОБЯЗАТЕЛЬНО БУДЕТ НЕДООЦЕНЕН В СООТВЕТСТВИИ С ТЕМ, ГДЕ ЦАРИТ БАНАЛИЗАЦИЯ. Так как, несмотря на то, что нервозность (которая несет в себе чувство жизненной потери в форме виновности), банализация предполагает потерю смысла жизни и ее идеала. Она также является формой ложной оценки. Но, в противоположность нервозности, банализация отрицает внутренние ценности. Она ищет удовлетворения сверх подробностей материальности, которые даже удовлетворенные в здоровой форме неспособны заполнить жизнь, являясь только необходимым средством обеспечить ее основу. Банализация, таким образом, предполагает полную неспособность понять глубокий смысл жизни. Ничто не является таким важным, как настаивать на этой жизненной ошибке, самой распространенной и

самой фундаментальной, даже рискуя повториться. Банализация - это полное изменения направления смысла жизни и ее идеала; замена истинного идеала ложным, самым ошибочным. Банализация старается заменить жизненный энтузиазм эйфорией. Но будучи парезийным состоянием, психическим состоянием слабого напряжения, эйфория, чтобы поддерживаться, чтобы не превратиться в свою амбивалентную форму (скуку), требует все более сенсационных возбуждений. Она, следовательно, содержит в себе, как любое извращенное состояние, принцип своей собственной воображаемой экзальтации, принцип своей болезненной прогрессии. Банализация хочет обмануть жизнь, заменяя радость наслаждением, внутренний успех - внешним успехом. Но она лишь обманута своей собственной хитростью. Она не сможет избежать имманентной справедливости жизни. Никакой внешний успех не может помешать внутреннему провалу. В соответствии с тем, насколько человек внутренне разгромлен, разрушен, внешняя цель его преследует. Он ее преследует, и он гоним ею. Иллюзорная цель снова ускользает от него; едва достигнута, она раскрывается как недостаточное средство обеспечить окончательное удовлетворение. Когда каждая внешняя цель достигнута, она является этапом к новым целям, которые не менее неудовлетворенные. Обманутый человек хочет только преуспеть и он никогда не преуспевает. Внешняя цель, ошибочный идеал, идол банализации, становится тиранической и навязчивой; идол пожирает человека. Его тираническая навязчивость является только лишь аналогической и амбивалентной котрформой экзальтированной задачи нервного человека. Витальная вина, разложенная у нервного человека на тщетную виновность, воображаемую и многочисленную, разлагается у банализированного человека на активно внешнюю жадность, но не на чисто воображаемую и увеличенную: тщетность его амбиции и мука его неутомимых забот.

Справедливость, свойственная жизни, не позволяет себя обмануть. Не больше чем нервный человек, банализированный человек не избегает ее. **МОРАЛЬ ПРИСУЩА ЖИЗНИ БЕЗ ДРУГОГО СЛЕДСТВИЯ, ЧЕМ РАВНОВЕСИЕ И ГАРМОНИЯ.** Терапия может быть только выражением этой правдивой морали, выражением, которое чтобы быть заключительным, должно распространяться на подсознательные и сверхсознательные реакции. Терапия не имела бы значения, если бы она не могла помочь человеку выполнить жизненную задачу, развить свои способности, чтобы заслужить в соответствии со своей основной силой, то, что каждый человек ищет в глубине своего существа: радость жизни.

Мотивационная психология, чтобы прийти к терапевтическому применению, должна быть способна определить истинную мораль, смысл жизни. Даже по этой причине, она отличается от любой философской морали. Она не навязывает правила; она формулирует закон. Она показывает скрытый мотивирующий закон, который управляет действиями вплоть до малейших сверхсознательных последствий, так же как и в их малейших подсознательных последствиях. И не только действия, но также и малейшие мысли, проявления воли, малейшее чувство. Она ставит человека перед жизненной и основной ответственностью. Она ему предоставляет выбор.

Это метод науки, потому что это метод жизни.

5. Побуждения

Экзальтированные желания, первые признаки психического расстройства, также как и естественные желания, деформацией которых они являются, принадлежат, как уже было указано, к трем областям: телесные потребности, душевные потребности, потребности рассудка. Каждая из этих трех жизненных потребностей порождает бесконечные желания.

Но для того, чтобы найти три области, которые включают разнообразие желаний, необязательно начинать изложение - как это было сделано - с основного феномена, возбудимости, которая с одной стороны является загадкой, и из которой, с другой стороны, происходят вожделение, направленное к миру, причина всех жизненных особенностей. Исследование велось от оживляющей тайны к предсознательным и сознательным возбуждениям, желаниям. Оно также доходило до конкретных явлений психической жизни человека: мотивирующие намерения. Однако, представляется возможным проследить эту дорогу в обратном направлении, начиная с самого биологически примитивного явления, элементарных побуждений, чтобы подняться с этого биологического основания до вершины сверхсознательной жизни, образа Тайны, которая образуется в человеческом рассудке. Следуя этим пояснительным путем, следует расширить биологическое основание, которое до этого места было представлено в виде набросков, и без которого исследование мотиваций не имело бы солидной базы.

Существует три органа, вожделение которых толкает организм искать удовлетворения во внешнем мире. Желания этих трех органов лежат в основе всех человеческих желаний. Этими тремя

органами являются: желудок, половые органы и мозг (со своими "щупальцами" нервами и органами чувств.) У самых примитивных существ, эти органы еще не развиты, но уже можно выделить функции, которые эволюционным путем создадут эти органы (питание, размножение, потребность в ориентации). Потребность в ориентации, которая через эволюцию нервной системы, приведет к формированию мозга, самого утонченного органа является центром даже развитой возбудимости человека. Его функция ориентации, оценивающий рассудок материальности и сексуальности обладает преобладающим значением. Три функции, которые толкают организм на поиск удовольствий во внешнем мире, образуют *элементарные побуждения*. (Термин "побуждение" выбран, чтобы избежать путаницы с термином "инстинкт". Инстинкты - это способ - различный для каждого рода - удовлетворения побуждений; способ охотиться на дичь, заботиться об уходе за потомством, и т.д.).

Два элементарных побуждения легко констатируются у любого живого существа, даже у самых примитивных животных: побуждение сохранения индивидуума, *питание*, и побуждение сохранения вида, *размножение*. Побуждение размножения превосходит, даже в соответствии со своей природой, эгоцентрическую потребность в питании, несмотря на то, что вначале сексуальность еще не прожита в форме аффективной связи, первого признака чувства любви, который усиливается в ходе эволюции, чтобы стать человеческой сексуальностью. Самое примитивное существо размножается раздвоением. Никакой связи не остается между клеткой-матерью и частью, которая отделяется от нее, чтобы стать автономным существом. В ходе эволюции,

деление раздвоением заменяется соединением самки и самца. Отделившийся потомок от тела самки остается для последней частью ее самой, с которой она связана аффективной связью и это доходит до такой степени, что она защищает потомка, даже ценой своей жизни, как если бы это была часть ее самой. Тенденция, согласно которой размножение превосходит индивидуальное и немедленное удовлетворение (оргазм), становится эксплицитной. Понимание биогенетических причин любви избавляет ее от сентиментализма. Заботы о потомстве, уже констатируемые у высших животных, образуют неотъемлимую часть побуждения размножения. В этих заботах оба родителя связаны сверх телесной связью. Уже у многих животных формируется семья, психобиологическая "ячейка" в жизни вида. У человека, у которого жизнь чувств достигает всего разнообразия, сами родители - в интересах побуждения и в соответствии с природой побуждения к размножению - должны оставаться связанными чувством, которое стоит над телесным соединением, из-за того, что созревание ребенка и его потребности в уходе и в привязанности расширяются на примерно двадцать лет. Только возможность психической деформации расстраивает у человека естественные чувства, происходящие из природы побуждения к размножению. Поскольку расстройство становится возможным, противоположность расстройству - это побуждение само по себе, возведенное в идеал. Идеалом биологически основанным на побуждении к размножению является мощность функции на всем протяжении. Идеал - это сила аффективной связи с одной стороны между родителями, и с другой стороны между родителями и детьми.

Побуждение к питанию, также содержит в зародыше, начиная со своего самого примитивного проявления свой собственный идеал, который проявится только на стадии человеческой эволюции, когда расстройство побуждения и его мощности становится возможным. Так как побуждение питания “хочет” только сохранения индивида, человеческие индивиды, в соответствии с биологической природой вида, формируют общество. Каждый индивидум, чтобы удовлетворить свою элементарную потребность сохранения и потребность сохранения своей семьи, к которой он аффективно привязан, зависит от социальной среды. Общий интерес всех членов общества требовал бы, чтобы питательное побуждение развивалось в здоровой манере, чтобы все индивиды были в равновесии, чтобы требования их материальных желаний не были бы экзальтированными. Возможность ингибиции или экзальтации побуждения, вредные для его мощности, делает так, чтобы равновесие общества оставалось идеалом, который всегда нужно восстанавливать. Пока этот естественный, биологический обоснованный идеал не стал директивным, расстройство социального равновесия остается жизненной опасностью для выживания каждого, опасностью, которая распространяется постепенно на всех индивидов, не только на тех, которые видят себя в невыгодном положении, но также и на тех, которые умеют удовлетворять в ущерб другим свои экзальтированные и эгоцентрические интересы. Побуждение самосохранения удовлетворяется только с помощью последующего эгоизма, который превосходя материальный интерес, включает интерес основного я, интерес основного желания и его требования гармонии, требования которое,

индивидуальным порядком, распространяется на связь между эго и алтер.

Гармоничное отношение между я и другим, что же это, если не любовь? Высшая цель сублимации желаний, высший эгоизм, любовь - это директивный идеал, осуществимый только в степенях приближения через эволюционные эпохи, необходимые для создания новой функции или нового органа: ясность внутреннего взгляда, способная предотвращать аффективное расстройство.

Любовь, скорее в своей сексуальной, чем социальной форме, быстро переходит в недостаток сентиментализма. Чтобы предотвратить это, речь идет о том, чтобы не забывать, что любовь - как все функции высшей психики - может быть определена только биогенетически начиная с его биологического корня. Как таковая, любовь является прежде всего потребностью в самоудовлетворении, и отсюда формой эгоизма в отличие от эгоцентризма. Любовь - это последовательный эгоизм. Она является крайним следствием эгоизма, потому что она включает удовлетворение основного я, удовлетворение основного желания, благодаря которому, все эго, все индивидуумы, призываются - с целью их окончательного удовлетворения - гармонично общаться. Поле удовлетворений эго также усилено и расширено, обогащено открытием к всеобщему. Сентиментальная любовь, напротив, требуя отказа от эго в пользу другого, на самом деле является только эгоцентрическим закрытием, ложным обещанием удовлетворения, тщетно экзальтированной задачей, отделенной от своего биологического основания, и отсюда даже неосуществимая. Сентиментальная любовь - это всего лишь поза,

слишком хорошее и ложно мотивированное намерение. Она является ложным самооправданием и выдает таким образом врожденный эгоцентризм.

Два элементарных побуждения содержат, следовательно, уже в самой примитивной форме, зародыш идеала, который эволюционно раскроется на человеческом уровне, чтобы противостоять возможному расстройству побуждения и его мощности. Побуждения питания и размножения, однако не содержат первоначально никакого принципа, который требовал бы, чтобы степень человеческой эволюции была бы когда-нибудь достигнута; они не содержат никакого указания даже для малейшей степени эволюции. Они являются только сохраняющимися, а не эволюционными сами по себе. Если бы существовали только эти два побуждения, жизнь не превзошла бы стадию примитивного существа. Примитивное существо питалось бы и размножалось бы, и оно осуществляло бы с этими двумя функциями все жизненные возможности. Чтобы побудить его к эволюции, нужно с одной стороны, чтобы удовлетворительное функционирование одного из этих элементарных побуждений было расстроено, а с другой стороны, нужно, чтобы существовала третья элементарная функция, третий природный толчок, *третье побуждение, побуждение к ориентации, приводящее к предусмотрительному и оценивающему рассудку*. Это третье побуждение обладает, из-за биологической необходимости, ограниченностью, целью которой является исправление расстройства двух элементарных побуждений, и это исправление - поскольку оно должно выйти за рамки функций, примитивно

данных элементарными побуждениями - является обязательно эволюционным.

Биологическая конституция, основанная побуждениями, является основой психической жизни. Следовательно, очень важно для психологического понимания, чтобы эта биологическая база была хорошо установлена и полностью приведена в порядок.

Проявления жизни, даже только животной не полностью ограничены борьбой за сохранение индивидуума и вида. *Жизнь, с самого начала самая примитивная, содержит эволюционный толчок.* К элементарным побуждениям питания и размножения, легко констатируемых у животных, добавляется уже predetermined в животной жизни, но легче различимое, преобладающее в человеческой жизни, третье побуждение: *побуждение не самосохранения и сохранения вида, а самоэволюции и эволюции вида.* Это эволюционное побуждение можно также назвать духовным побуждением, так как именно оно побуждает жизнь к сознательному и духовному проявлению, и оно побуждает сознательное существо, человека, к персонально эволюционному усилию, к усилию спиритуализации и сублимации желаний, происходящих из элементарных побуждений питания и размножения.

Эволюционный толчок приходит в действие начиная с происхождения жизни, как только существует жизненная угроза для питания или размножения. Вид претерпевает жизненную трансформацию. Эта трансформация заключается или в исчезновении или в эволюции вида. Чтобы выжить, вид должен приобрести новые формы реакции, а следовательно новые психические способности, которые внешне проявляются

посредством новых физических возможностей, морфологической трансформации. То, что первично, это вовсе не морфологическая эволюция, как бы показательна она ни была, а психическая эволюция, насколько секретно она бы ни происходила. Она не могла бы произойти, если бы оживляющий принцип живой материи не был бы с самого начала памятью, вызванной сдержанными и накопленными возбуждениями, неспособными быть немедленно удовлетворенными с помощью самой примитивной реакции, рефлекса. Именно эти неудовлетворенные возбуждения (начинающие интрапсихическую работу) начинают эволюционное усилие; и эта память, первый признак сознательной памяти (первое указание рассудка) является основной причиной эволюции. Под влиянием сдержанных и накопленных возбуждений, нервная система различается и с ней перцептивные органы, чувства. Внешний мир и внутренний мир отличаются и различаются в свою очередь. Они все сильнее разделяются и все сильнее возбуждают необходимость их концептуального и идеального объединения, основное желание, интенсивность жизни. Внешний мир, объектная реальность становятся миром, состоящим из различных и многочисленных предметов, все более разнообразных возбудителей; внутренний и субъективный мир становится областью желаний, все более многочисленных возбуждений, которые все более намеренно, все более сознательно требуют своего удовлетворения, своего соединения с многочисленными предметами внешнего мира. Появляется коррелят внешней реальности, сознательное я и его длительность во времени: сознательная память прошедших возбуждений и их

проекция в будущее время, предварение их будущего удовлетворения: проект.

Эволюционное побуждение, несмотря на то что оно является самым важным, менее заметно. Так как его последствия становятся очевидными только через эпохи мутации видов. Следовательно, его последствия не соизмеримы с немедленно испытанными проявлениями наших материальных и сексуальных потребностей. Но вся внутренняя жизнь, трансформация желаний, их энергетическая мутация является следствием непрерывающейся работы эволюционного побуждения, выработкой созидательного усилия, которое в конечном итоге неожиданно проявляется посредством мутации вида. Человеческий род индивидуализирован; каждый индивидуум представляет собой вид, если можно так выразиться. Эволюция, энергетическая трансформация желаний, их спиритуализация становятся индивидуальной задачей, жизненной задачей индивидуума, которую он должен выполнить сознательно.

Живое существо доходит с человеком на сознательный уровень эволюции. Человек сознательно признает, что он такой же, какой жил в прошлом и будет жить в будущем.

Поэтому, два элементарных побуждения (питания и размножения) расширяются в прошлом и в будущем.

Человек использует опыт прошлой жизни, чтобы предвидеть и интеллектуально удовлетворить потребности сохранения, благодаря прогнозированию будущего. У человека питание и размножение выражаются не только как импульсивное желание, удовлетворяемое с помощью инстинктов. К импульсивному и инстинктивному характеру добавляются умышленный характер,

который может быть удовлетворен только при помощи желаний, направляемых разумом, при помощи спиритуализированных и сублимированных желаний, ставших разумными мотивами, и именно это добавление, вызванное РАСШИРЕНИЕМ побуждений определяет разницу между животным и человеком, индивидуальную ответственность, человеческое достоинство.

Побуждение питания, расширяясь, становится СОЦИАЛЬНЫМ ПОБУЖДЕНИЕМ, которое также можно назвать материальным побуждением, так как оно обеспечивает с помощью интеллекта и его проектов будущее удовлетворение материальных потребностей. Проекты, чтобы быть здоровыми, должны не только принимать во внимание совокупность потребностей индивидуального организма, но также совокупность потребностей общества, социального организма, в котором человек является всего лишь ячейкой; следовательно, его спасение неразрывно связано с налаженным функционированием социальной жизни. Однако, при последнем анализе, - который, кстати, выявляет только очевидную правду - налаженное функционирование социальной жизни не зависит от общества в своем абстрактном аспекте, который является только языковым понятием, способом говорения, но реального и конкретного общества, состоящего из совокупности индивидуумов. Очевидная правда - это следовательно то, что социальный организм может функционировать здоровым, налаженным образом только в том случае, если жизнь ячеек (индивидуумов) налажена нормальным образом. Две задачи индивидуума, принимать во внимание совокупность потребностей индивидуального организма и учитывать целостность социального организма, в

действительности являются одной задачей. Есть только одно условие, при котором реальное и конкретное общество может налаженным образом функционировать, этим условием является то, что каждый индивидуум функционирует налаженно, то есть не экзальтирует свои потребности, старается реализовать свое истинное благо, здоровую гармонизацию всех настоящих потребностей организма. Причиной индивидуальной экзальтации является ложная мотивация, и ложная мотивация, следовательно, является причиной расстройства общества. Средством от расстройства социального побуждения, средством от экзальтации материальных потребностей не может быть улучшающая жалость, которая в соответствии с законом о ложной мотивации неизбежно ведет к тщетному и виновному обвинению. Улучшающая жалость - это только способ обогнуть настоящий идеал социального побуждения, который может быть только идеалом всей жизни, самой сложной задачей, которую человек под тысячей предлогов хотел бы избежать, задачей овладеть собой и развить свой характер и свои способности для собственного блага и для блага общества. Социальная задача - это ничто иное, как индивидуальная задача: организация внутреннего мира. Это вовсе не значит, что организация внешнего мира будет лишней; напротив она является глубокой необходимостью, но которая может совершаться только в зависимости от жизненной задачи и ее выполнения. Так как ничто не является столь бесспорным, как эта констатация: внешняя организация будет приемлема в соответствии с тем, что она будет основываться на правильном применении. Это сводится к тому, что внешняя и разумная

организация будет осуществима только в той мере, в которой она будет основываться на правильной мотивации.

Побуждение размножения расширяется и становится **СЕКСУАЛЬНЫМ ПОБУЖДЕНИЕМ**. Размножение, расширившись, человеческая сексуальность, понятая во всей своей потенции, включает окончательную связь с партнером по выбору. Она, следовательно, включает способность правильного выбора, позволяющего угадать в основном дополнительного партнера, родство которого пробуждает надежду реализовать смысл жизни в общем усилии, чтобы вместе достичь радость жизни. Сексуальная любовь, понятая таким образом, соответствует, следовательно, самой глубокой потребности человеческой души; она является формой основного желания. Эта истинная любовь является противоположностью банальной связи, основанной только на утилитарных рассуждениях; но она также находится в отличие от сентиментальной экзальтации, обычно называемой любовью, и которая вместо того, чтобы рассматривать реализацию идеального я посредством обоюдной помощи, находит удовольствие в совместной экзальтативной идеализации, сопровождаемой взаимными разочарованиями и постоянными и разрушающими обвинениями. Только теплота чувств, приводящая к слиянию душ, может создать здоровую семейную атмосферу, условие выполнения другой идеальной задачи расширенного побуждения: воспитание потомства. На человеческом уровне, оно должно выполняться с помощью правильного воспитания. Дополняя телесное создание потомства, оно приводит к созданию здоровой души ребенка, к созданию

ребенка, психика которого не будет болезненно деформирована.

(1)¹

Расширение двух элементарных побуждений добавляет, следовательно, к чисто телесным потребностям, душевную функцию: социальный интерес для других, и интерес, сосредоточенный на сексуальном партнере: любовь.

Что касается питания, оно остается, несмотря на свое расширение в социальное побуждение, сосредоточенным на материальной потребности, которая удовлетворяется посредством усилия к социальному положению и к материальному обладанию, *запасу* в форме денег. Но не только материальная и индивидуальная потребность, расширенная самое большое - как уже в случае животных - на членов семьи, должна быть удовлетворена, чтобы побуждение питания было в здоровой манере расширено, это даже не только потребность племени любого суженного общества. Потребность в удовлетворении расширяется на материальную ситуацию всего человеческого общества. Это окончательное расширение старается сделать из материальной необходимости духовный принцип. Оно возводит материальное требование на высший уровень проблемы, на уровень духовного состояния, идеи-проводника, которая требует своего формулирования, все более и более разъясненного. Это решение принципа материальной проблемы, если оно справедливое (если оно основано на истинном понимании и на правильной мотивации) окажется действенным не только для организации материальной ситуации индивидуума. Идеал также будет

Юль Дьель, Принципы воспитания и перевоспитания, Neuchatel, Delachaux & Nestlé, 2-е издание, 1969 год.

направляющим для более сложных организмов, семьи, племени, родины и даже для самого сложного организма: совокупности людей. Посредством расширения побуждения питания, ставшей человеческой проблемой жизни общества, человек выходит из примитивного и инстинктивного эгоизма животного состояния, чтобы научиться, с императивной необходимостью своего реального блага, вливаться в цивилизованное сообщество, основанное на разделении труда. Профессия, с помощью которой индивидуум заботится о своих материальных потребностях, является в одно и то же время задачей к обществу, частью жизненной задачи, которую надлежит выполнить. Однако можно сказать, что социальное побуждение, несмотря на расширяющуюся спиритуализацию, занимается телесной потребностью.

В здоровой манере расширенная сексуальность, напротив, принципиально является душевной функцией. Среди всех других душевных функций (объединение с помощью чувства) она является самой основной и самой глубокой. Расширенные побуждения: *способность жить в обществе* (расширение питания), *сексуальная любовь* (расширение размножения), и *духовность* (расширение эволюционного усилия), соответствуют, следовательно, трем фундаментальным потребностям, разное удовлетворение которых составляет жизненную задачу; они соответствуют *потребностям тела, души и рассудка*.

Эволюционное усилие уже в своей самой элементарной и предсознательной форме, несет в себе принцип своего собственного расширения, необходимость стать сознательным и духовным побуждением. Именно оно придает двум другим

перед которой любое объяснение должно отступить. Она - метафизический факт жизни. Констатация этого факта не имеет ничего догматического; *“существование” Тайны является основой жизни, которое предшествует любому объяснению, которое, само по себе всего лишь одно из модальных проявлений жизни.* Существование необъяснимой возбудимости очевидно. Термин *“возбудимость”* является абстракцией, термин *“тайна”* включает в себя чувство: высший ужас, которым охвачен человек, когда он поддается искушению подняться до источника любого существования. Ошибка догматической метафизики не заключается в констатации тайны, а наоборот, в отрицании тайны, то есть в попытке умозрительно объяснить тайну, а значит устранить ее настоящий метафизический характер и настоящее метафизическое чувство: высший ужас, истинную религиозность. Любая попытка объяснения, любая спекуляция о тайне превращается высший ужас в сомнение.

Две амбивалентные формы метафизической спекуляции - это спиритуализм (вера в абсолютный Дух) и материализм естественных наук (вера в абсолютную Материю).

Абсолют не существует во временном существовании, где все лимитировано и относительно, как дух, так и материя.

Эволюционное побуждение, толкая человека к более и более углубленному пониманию жизни, заставляет его сделать себе образ тайны, мифически названный *“Бог”*. Тенденция тщетно путать антропоморфизированный образ с тайной, неизбежно пробуждает амбивалентную тенденцию отрицания не только гипостазированного образа, но и очевидность тайны. Эти две амбивалентные тенденции являются самой фундаментальной

причиной нервозности (морализирующая конвульсия к абсолютному идеалу) и банализации (ослабление всякого усилия к идеалу). Они являются причиной этого - если можно так выразиться - сверхиндивидуальной, вызванной культурной деформацией эпохи, в которую включен индивидуум.

Во все времена человеческий род сверхсознательно проецировал идеал, загадочно присущий жизни. Эта проекция сверхсознательного воображения является мифическим сном различных народов, основой их культур. Мифические изображения вопреки их очевидному разнообразию имеют общее правдивое основание, так как то, что человеческий дух проецировал - за ту сторону очевидного существования - это его собственная потребность ориентации по отношению к смыслу жизни. Антропоморфная проекция - является идеалом рассудка. Она идеал рассудка, находящегося на пути эволюции, и вся реальность проекции заключается в этой идеальности. Вне этого идеального значения, проекция рассудка остается тем, чем одушевляющий рассудок был вначале жизни: необъяснимой и метафизической тайной. Эта необъяснимая тайна имеет побудительное значение, она может придавать жизни ее высшую цель, из-за того, что эта тайна, задуманная как созидательный принцип, имеет с самого начала жизни видимый и явный аспект: эволюционный и одушевляющий порыв. Эволюционный порыв несомненно явный представляет собой другой аспект проекции: моральный проект. Так как жизненный принцип в своей явной форме, проявление тайны, эволюционный порыв имеет только одну разумную возможность удовлетворения: интрапсихическая работа с целью господства над сдержанными возбуждениями,

энергетическая работа, которая на человеческом уровне эволюции заключается в сублимации и спиритуализации желаний. Спиритуализация и сублимация, являются, следовательно, явным проявлением в принципе загадочного и метафизического смысла жизни, моральным принципом в себе.

С самых древних времен человеческий рассудок, постепенно осознающий эволюционное побуждение, которое загадочно и бессознательно одушевляет его, проецируя принцип своего одушевления по ту сторону видимой реальности, сделал из нее определяющий и законный идеал, высшую цель его возвышенного стремления, его морального проекта, его основного желания. Миф дал этому сознательному "откровению", этой бессознательной проекции, этому направляющему видению, этому сверхсознательному сну имя, называя его "Бог". Сознательно он мог только очень несовершенно выразить значение этого сверхсознательного видения. Он выразил его с помощью символического языка бессознательного сновидения. Но этот символический язык обладает всей правдивой безопасностью сверхсознательного представления. Миф символизировал тайну, названную Бог, персонифицируя ее. Из идеала, управляющего человеком, он сделал совершенно идеализированного человека, который бы управлял и направлял человеческую жизнь. Мифический сон представляет божество в виде человеческого рассудка сверхразмерного, наделенного направляющей волей и даже телом. Божества в мифах изображены надзирающими над людьми. Они их вознаграждают и наказывают. Для мифа, все эти символические выражения являются только образами, позволяющими говорить о тайне жизни, которая несмотря на то,

что она невыразима, однако выражается через все жизненные проявления в форме эволюционного принципа, расширенного в спиритуализированное побуждение на человеческом этапе. Но болезненная деформация духовного побуждения, виновная тщетность запутывает человеческий рассудок настолько, что он поддается искушению верить в невероятное, в антропоморфизированного бога, имеющего разум, волю, чувства и даже тело. Эта попытка устранить тайну при помощи антропоморфного объяснения вызывает ответную ошибку не менее чрезмерную, которая отрицая в свою очередь очевидность недоступной тайны, приводит к другой вере в невероятное, в идею инертной материи, которая чудесным образом одушевила бы, и путем механической эволюции “антропоморфизировалась”, чтобы привести к своему завершению, к человеку, такому какой он в настоящее время существует, патологически деформированному своими ошибочными мотивами, и извращенными многочисленными желаниями.

Очевидно, что человеческая жизнь в настоящей форме не может быть концом эволюции. Будущая эволюция может быть только продолжением прошлой эволюции к все более адаптивной ясности.

Человеческая жизнь - это совокупность трех потребностей (тела, души и рассудка) или - что одно и то же - трех расширенных побуждений (социального, сексуального и духовного).

Этот параллелизм позволяет описать эволюционную стадию, достигнутую в настоящее время не только исходя из трех групп желаний (тела, души и рассудка), как было сделано прежде, но также исходя из биологической базы расширения побуждений.

Фундаментальное препятствие эволюционной прогрессии заключается в недостаточном расширении, то есть в недостаточном проникновении материальности и сексуальности посредством распоряжающегося рассудка и его интроспективно оценивающей силы. Из-за слишком слабой спиритуализации, элементарные побуждения не трансформируются в полностью сознательную интенциональность. Их желания не соединяются с эволюционной жизненной задачей. Они уклоняются от духовного контроля, остаются импульсивными, воображаемыми; они экзальтируются против эволюционной задачи и мешают гармоничному составу психической жизни. Эволюционное побуждение само по себе, из-за своей неспособности господствовать над элементарными побуждениями, дезориентируются, усиливаются, экзальтируются. Создаются экзальтированные сублимации, но которые больше не являются суггестивными: появляется чрезмерная задача жизни, экзальтированная и неосуществимая задача, которая трансформирует желания в тревогу, и которая приводит к их подавлению, к их ингибции больше не контролируемой духовно, а извращенно экзальтированной, к их ложной спиритуализации, к их ложной интерпретации, к ложной мотивации, к их негармоничному разложению.

Жизненная задача, направляющий идеал могут быть определены биологически. Идеал заключается в преобладании - не только концептуальном, но и идеальном (умышленном и активном) - эволюционного усилия над социальным и сексуальным побуждением. Задача заключается в удовлетворении эволюционного побуждения, приводя другие побуждения в

соответствие с основным требованием. Биологически определенная задача заключается в создании гармонии между побуждениями, в гармоничном составе психики. Биологическая задача заключается в эволюции инстинктивной единицы, которой является животное, к сознательной единице, персональной, которая должна быть человеком. Задача заключается в создании личности. При помощи гармоничного расширения побуждений, человек становится сознательной единицей через время, личностью. По мере того, как побуждения гармонично расширяются, человек понимает и уважает себя как персональную единицу. Он понимает и уважает других как личностей.

Развить свои способности, в биологическом определении, означает: персонально реализовать эволюционный смысл любой жизни, удовлетворить своим персональным усилием, сознательным и добровольным усилием эволюционное побуждение любой жизни, смысл жизни. Развить, заставить эволюционировать свои способности означает: гармонично расширить побуждения и удовлетворить расширенные побуждения; влиться в общество и удержаться там при помощи своего материального усилия, что требует специализации способностей и склонностей, их обучения и их концентрации на ремесле или профессии; образовать эволюционную ячейку в обществе, семью; участвовать в социальном усилии к более возвышенному культурному уровню, образовывая себя, согласовываясь в ограничении персональных способностей, так как общество будет гармонично развиваться только при накоплении персональных усилий, оно будет развиваться только в

той мере, когда оно будет состоять из развитых, образованных, гармонично сформированных людей, ставших личностями.

По мере того, как эволюционное побуждение, ставшее сознательным, сверхсознательным, направляющим у человека, не удовлетворено персональным усилием, в этой мере возникает витальная вина, вызывая своим фатальным подавлением энергетическое разложение, извращенное окружение ложно оправдательной мотивацией. Биологически определенная, ложная мотивация, негармоничное разложение, разрушение духовного и эволюционного побуждения является признаком инволюции жизни, индивидуумов и обществ.

Витальная вина, начальная причина ложной мотивации, указывает на то, что элементарные побуждения недостаточны расширены. Проявляются регрессии к бессознательной жизни, к примитивному импульсу, требуя немедленного удовлетворения, большую часть времени несовместимого с последующим эгоизмом. В этом состоянии самовлюбленной регрессии, первым признаком которого является экзальтация воображения, теряется уважение, почтение и к себе, и к другим людям. Уважение разлагается на переоценку и недооценку, на виновную тщетность и обвиняющую сентиментальность. Субъект ищет, в ущерб собственной персональной единице и личности других, немедленное удовлетворение экзальтированных, увеличенных, жизненно лишним желаний. Человек банализируется. Или экзальтированные желания трансформируются в извращенно ингибиторную тревогу. Человек становится нервным. Биогенетическое формулирование постепенно присоединяется к интроспективному изучению психики.

Расширенные побуждения становятся намеренными, добровольными. Будучи сознательными и добровольными, человеческие побуждения с одной стороны более ясно отделены от других, чем животные побуждения, с другой стороны, они взаимопроникают и влияют друг на друга. Расширение заключается в проникновении животных побуждений с помощью эволюционного побуждения, ставшего предвидящим рассудком. Элементарные побуждения (питание и размножение), используя предвидение по отношению к будущему, в свою очередь расширяются. Они становятся социальным побуждением и человеческой сексуальностью, способными влиять друг на друга и объединяться в совместном усилии с целью обеспечить материальную базу семьи, которая могла бы быть названа сексуальной и восстанавливающей ячейкой общества. (Кстати, именно это взаимное проникновение расширенных побуждений подталкивает некоторые теории к объяснению функционирования человеческой психики, исходя из любого побуждения, придавая преимущество социальному побуждению или сексуальному побуждению.) Функционирование всех человеческих побуждений аналогично похоже из-за их общего расширения. Взаимное проникновение всех желаний и всех мотивов, происходящих из одного побуждения с желаниями и мотивами, происходящими из двух других побуждений делает так, что можно найти в функционировании любого побуждения объяснение функционирования других побуждений. Экономичность объяснения в конечном итоге будет расстроена, если не следовать указанию самой природы, данному расширением питания и размножения при помощи эволюционного побуждения, которое

само по себе расширено на духовное побуждение. Ошибка возникает тогда, когда пренебрегают разъяснительным преимуществом эволюционного побуждения.

Персонализирующая мощь духовного побуждения зависит от силы здоровой оценки. Любая сила характеризуется степенью ее интенсивности и направлением его развития. Критерий здоровья заключается в полноте интенсивности и в правильности направления. Эта индивидуально ограниченная мощь расширяющегося побуждения является причиной здорового формирования мощности двух других расширенных побуждений, способности жить в обществе и сексуальности. Постепенная немощность духовного побуждения заключается в основной неспособности выносить правду о себе самом, правду о причинах наших жизненных действий, мотивов. Неспособность здоровой оценки касается обещаний удовлетворения сексуального и материального побуждений. Вместо того, чтобы в здоровой манере расширять элементарные побуждения, ложная оценка экзальтирует и ингибирует их. *Постепенная немощность духовного побуждения является причиной постепенной немощности двух других расширенных побуждений.*

В соответствии с недостаточным расширением питательной потребности, субъект становится неспособным выполнять свои социальные функции. Он теряет естественное отношение к социальной ситуации материального порядка (бедность и богатство). Тщетно экзальтированная или ингибированная амбиция делает его амбивалентным по отношению к социальной задаче. Он презирает социальный ранг, и в тоже самое время, тщетно завидует ему. Он хочет разрушить социальные отличия, и

он преувеличивает их значение; он конвульсивно воплощает их в категории превосходства и неполноценности. Он считает себя превосходным и чувствует себя неполноценным. Его экзальтированная задача мешает ему сосредоточиться на социальной задаче и создать себе таким образом достаточно стабильную материальную базу. Он находит усилие недостойным; или усилие к богатству или к почетной профессии становится его экзальтированной задачей, которой он жертвует основные интересы жизни.

Немощность расширенного побуждения, его специфическая деформация, виновная тщетность также является причиной постепенной немощности расширенного сексуального побуждения. Она делает человека неспособным на любую глубокую и длительную связь. Тщеславный человек, с одной стороны, конвульсивно сосредоточенный на своей экзальтированной задаче, с другой стороны, воображаемо рассеянный на удовлетворение многочисленных желаний, постепенно неспособен на реализацию. Он будет стараться проецировать свою вину на партнера своей жизни. Он обвиняет его, в воображении или в действительности, в том, что он является препятствием, мешающим жить непринужденно, или чтобы удовлетворить свое навязчивое желание более или менее сексуальной авантюры, или чтобы удовлетворить свой навязчивый идеал, экзальтированную задачу. Разражаются непрекращающиеся ссоры, прерываемые сентиментальными или злопамятными примерениями, объединяющие партнеров в постоянно обновляющемся травматизме, в прогрессивном и взаимном разрушении, которое в конце концов не пощадит и ребенка,

прибавляя к немощности связи, немощность реализации своей воспитательной задачи.

Но постепенная немощность духовного побуждения передается не только побуждению размножения, препятствуя своему расширению, ингибируя силу связи души. Виновная тщетность ингибирует даже элементарную форму сексуального побуждения, телесную связь. Она ингибирует сексуальный акт и постепенно делает его бессильным. По отношению к тщетно экзальтированной задаче, по отношению к конвульсии идеалистического стремления, сексуальный акт подсознательно воображается как непростительное падение; он перегруживается воображаемой виновностью, тормозящей тревогой. Эта тревога является врожденной причиной импотенции мужчины и фригидности женщины. Неудовлетворенный акт разлагается на многочисленные желания, которые навязчиво представляются воображению. Удовлетворение, которое не могло быть получено при помощи концентрации - настоящий признак потенции - ищется посредством рассеивания в форме сексуальных приключений. Это самая часто встречающаяся сексуальная деформация. Однако, может произойти так, что приключение более или менее ингибировано, что любой подход к другому полу перегружен робкой виновностью, таким образом, что желание остается более или менее в воображении. Даже случается так, что экзальтированное желание полностью трансформируется в экзальтированную тревогу, в морализирующее отвращение, и что всякое сексуальное проявление, реальное или воображаемое, ингибируется. Состояние полного подавления сексуальности четко отличается от состояния полной сублимации. В случае

морализирующего подавления, энергия не освободилась и не является наличной для самой жизненной продуктивности, рассматривая гармоничное я. Энергия, напротив, является аскетически конвульсивной. Полное подавление сопровождается скрытым чувством жиненной неполноценности, чувством посягательства на элементарную витальности. Может произойти так, что эта витальная вина еще подавлена, и что продолжается только тщетность без границ быть лучшим, чем весь мир, чтобы победить природные потребности, что побуждает безмерное обвинение, направленное против мира, который предоставлен также деградирующим искушениям. Это полное превращение сексуального желания в тщетное удовлетворение доказывает (более четко, чем не смогли бы это сделать промежуточные состояния), что в конечном итоге торжествующая тщетность является причиной подавления. Полное бессилие сексуальности скорее редко встречается. В большинстве случаев, искушение сексуального приключения остается в воображении или реально. (Сексуальное приключение в своей банальной форме не является, как в форме невроза, конвульсивным усилием, чтобы доказать себе и снова доказать себе глубоко затронутую витальность и тревожно наблюдаемую, но пошлым развлечением.) Когда нервный человек, разрываемый между своими сексуальными стремлениями и своими экзальтированными искушениями, хочет сосредоточиться на духовном или высшем приключении, то именно соблазнение сексуальной авантюры захватывает его мышление; экзальтированное воображение рисует обещания сексуальных удовольствий в соблазнительных и конкретных красках, перед которыми высшее наслаждение, изощренная радость рассудка

кажется слишком абстрактной, чтобы не быть принятой за убогость жизни. Но когда больной хочет отдать тело соблазнению его сексуально экзальтированного воображения, когда он пускается на розыски приключений, то именно духовная и высшая радость принимает тем более конкретные и привлекательные формы, чем воображение наполнено виновной тревогой. Именно тогда обманутый рассудок, преследует и ингибирует нервного человека и будет его преследовать и ингибировать самым императивным образом, именно в самый решающий момент сексуального приключения. Больной человек, чувствуя себя под наблюдением и приговоренным рассудком, своим вниманием, пойманным своей виновностью, отвлечен от реальной ситуации. Экзальтированное воображение лишается сексуального характера именно в тот момент, когда весь организм должен был бы быть сексуализирован, именно в тот момент, когда человек должен полностью забыть свое духовное я, чтобы вновь стать невинным животным. Не будучи в достаточной мере сексуализированным, нервный человек не умеет придавать сексуальный характер партнеру. Партнер не становится сексуальным животным, он остается социальным персонажем. Желая быть абстракцией души другого, чтобы не быть обязанным связываться, чтобы пользоваться партнером только как средством сексуального удовлетворения, или чувствуя связанным в экзальтированной манере, сентиментально с другим, именно душа партнера становится страшным и непреодолимым препятствием. Нервный человек проецирует свою виновность, которой он навязчиво чувствует себя преследуем и наблюдаем, на партнера, и он чувствует, что наблюдаем и приговорен партнером, который

остался для него социальным персонажем, сознательным и критичным. Более или менее сознательно, нервный человек видит в партнере судью, который приговаривает воображаемое падение и реальную недостаточность. Любая попытка приблизиться может в конечном итоге ингибироваться этим навязчивым страхом, который угрожает полностью заполнить воображение и полностью лишить его сексуального характера. Вместо сексуального желания проявляются социальные заботы: боязнь, что "падение" будет узнана всем миром, что он будет приговорен и ненавистен, боязнь резонанса о его социальном положении и т.д. Извращенные толкования расширенных побуждений играют в полной мере. Попытка вырваться из оцепенения при помощи конвульсивного усилия концентрации пылкого и причудливого воображения на настоящей ситуации может привести только к примитивным и искусственным попыткам: к фантазиям или мазохистским и садистским практикам. Сексуальный акт в конечном итоге становится в действительности плачевным и отвратительным занятием, которым он ранее был в виновном и морализаторском воображении нервного человека. Но, чем больше отвращение будет таким образом реально основано, тем больше нервный человек одновременно останется искушаем и истерзан своей извращенной сексуальностью. Вместо того, чтобы быть естественной и удовлетворенной потребностью, сексуальность станет навязчивой и нерешаемой проблемой. Сексуальная патология (в форме морализаторского лицемерия и банализирующего неистовства) привлекает к себе внимание клинициста, который тем больше будет стараться видеть в этом центральную проблему жизни, чем легче больной признает свою

сексуальную немощность (слишком явно выраженную), чем секретная причина любого бессилия, тщетность, фундаментально жизненная немощность, немощность духовного побуждения, стагнация эволюционного побуждения.

Психическое здоровье заключается в свободном расположении психической энергии, чтобы она могла удовлетворить в полной мере в соответствии с изменяемыми жизненными требованиями, потребности каждого побуждения. Психическая болезнь заключается в неимении энергии в своем свободном распоряжении, в том, что не можешь разделить удовлетворить каждое из побуждений в соответствии с требованиями ситуации; она заключается в постепенной немощности трех побуждений. Именно потому что каждое побуждение остается постепенно неудовлетворенным, побуждения оспаривают энергию друг у друга, захватывают ее и конвульсивно фиксируют ее на своей потребности, экзальтированной и ставшей ненасытной из-за неудовлетворенности. В немощности каждого побуждения, содержится немощность других; так как бессилие одного побуждения становится причиной бессилия других. Из-за этой путаницы, было бы невозможно понять природу бессилия какого-нибудь побуждения, если не отдавать себе отчет в том, что психическая энергия в основном является эволюционной, и что это, следовательно, инволютивная стагнация энергии, которая является первопричиной любого бессилия побуждений, любой психической болезни.

Исходя из всех побуждений, экзальтированные желания, тревожные, ингибированные, подавленные образуют - чтобы употребить образ - в подсознании, конвульсивно компактную

смесь, количество *желаемой* тревоги, запас изменчивой тревоги, способной привязаться к любому возбуждению и ингибировать его разрядку, то есть вызвать частичное бессилие. В конечном итоге, тревожное желание осмеливается требовать своего удовлетворения только иносказательно, сознательно непонятным образом. Подавленная сексуальность может, например, искать своего измененного удовлетворения при помощи гурманства, булимии, клептомании и т.д. Основная причина изменения не будет носить сексуальный или материальный характер, а будет духовной природы. Она является следствием рассудка, относящегося к умопомешательству, который больше не умеет в здоровой манере оценивать обещания удовлетворения и сексуальности, и материальности. Причина тревожного колебания, которое фиксирует то сексуальную энергию на материальном, то материальную энергию на сексуальном заключается в недостаточном духовном расширении, в недостаточной способности устанавливать четкие различия между расширенными побуждениями. Колеблющаяся тревога может только мечтать об удовлетворении, и этот воображаемый сон, проникая в реальный мир, нелогически контрастируя с реальностью, является симптомом. Чтобы сформировать симптомы, желания всех неудовлетворенных побуждений застыли. Но это самое экзальтированное желание - и неся в себе, из-за жизненной и духовной необходимости, "наказание" любой экзальтации: невозможность реального удовлетворения - именно тщетность является первопричиной этого продвинутого выражения бессилия побуждений, которым является симптом. *Формирование симптома является ответом на любое тщетное подавление*

виновного желания: не только сексуальных желаний, но также и социальных желаний. Сексуальное желание чаще будет лежать в основе симптома, потому что оно чаще перегружено тщетной виновностью, тогда как экзальтация материальных желаний является, из-за условностей, скорее терпимой и даже часто ложно идеализированной. *Ошибка думать, что сексуальное или социальное желание, которое находится в подавлении, было бы определяющей причиной симптома. Оно решает только о форме симптома.* Подавленное желание предоставляет только энергетическую материю, необходимую для формирования симптома. Истинная причина не должна искаться в материи симптома, а в духе этой психопатической продукции, которой является симптом. Истинной причиной не является подавленное желание, сексуальное или социальное, а деформированный и подавляющий рассудок: тщетная вина.

Эта последняя причина психической болезни и каждого симптома не случайна, внешняя и условная, она является основной, внутренней и автономной в каждом индивидууме. Если не принимать эту внутреннюю основную и автономную причину, то любое объяснение психической болезни и ее симптоматического выражения становится невозможным. Так как самая фундаментальная проблема любого объяснения заключается в том, чтобы знать, откуда происходит так, что человек не может попытаться удовлетворить свои экзальтированные желания, так, чтобы эти желания не перегружались тормозящей виновностью. Откуда берется этот фундаментальный закон, в соответствии с которым любая экзальтация, противоположная здоровой жизни, а

следовательно противоположная смыслу жизни, несет в себе принцип своего патогенного торможения?

Психология станет естественной наукой, когда она сумеет решить эту проблему. Легко было бы предложить рациональное решение, которое проявило бы чувство виновности защит воспитания. Легко видно, что это предложение не приносит никакого настоящего решения, так как проблема преобразуется: воспитательные запрещения родителей происходят из запретов, перенесенных их собственными родителями, и чувствуешь, что вынужден вновь искать ответ на проблему, через прошлые поколения, до происхождения рода, откуда разветвляются различные культурные группы и их идеологические императивы морального порядка, основанные на древних метафизических видениях (анимистических, мифических, теологических догмах, философских умозрениях). Чтобы избежать этой ретроспективного демарша, слишком сложного для любого объяснения, которое хочет уклониться от биогенетического углубления рождения культур, велико искушение упростить проблему и родить чувство виновности цивилизаторской тенденции и цивилиности (нравы, обычаи, утилитарные институты), но которые в действительности являются только практиками, проистекающими из культурного видения.

Индивидуум должен влиться в общество, которое перегруживает виновностью экзальтированные желания. Создается наследственная тенденция к виновности, вновь оживленная и развитая в психике каждого ребенка родительскими запретами, которые передают каждому новому поколению правила социальной игры. Таким образом, в действительности с этим дело

обстоит хорошо. Но концепция объясняет только рождение условной виновности, в которой действие - легко констатируемое и не пренебрегаемое - является однако полностью недостаточным для создания психопатического симптома. Условная виновность едва способна помешать экзальтации материальных желаний; она полностью неспособна на сдерживание экзальтации сексуальных желаний, или на подавления, для нее одной сексуальных желаний, носящих отпечаток экзальтации. Однако она играет - в форме стыда и тревоги перед мнением других - вспомогательную роль в подавлении и в формировании симптома. Концепция, приводящая только к объяснению условной виновности, основана на недостаточном определении общества, пренебрегая основным аспектом, культурной основе и его биогенетическом укоренении. Она рассматривает только побуждения питания и размножения, расширение которых смутно подразумевается, и она полностью оставляет вне рассмотрения причину расширения и принцип любого объяснения, эволюционное побуждение. В соответствии с этой искусственной теорией, слегка устарелой, но которая формирует базу любой социологии, люди якобы объединились во время самой примитивной эпохи подразумеваемым соглашением, которое предписывало им не издеваться друг над другом. Общество было бы утилитарным агломератом индивидуумов, и понятая таким образом, вина могла бы быть только следствием нарушения полезных институтов. В действительности, общество на человеческом этапе эволюции, является эквивалентом рода на животном этапе: биологической формацией. Человеческое общество - это продукт эволюции, биологически также естественной, как и животные виды. Факт настолько очевиден,

что теория о соглашении, понятая в соответствии со своим истинным намерением, рассматривает его, так как соглашение не заключено в действительности: оно мало по малу формируется в соответствии с биологическими потребностями человеческого рода. Соглашение - это фикция, и теория хочет сказать, что толкаемые их жизненные потребностями, люди объединились, и что все произошло бы, как если бы они заключили разумное соглашение. Это все равно, что сказать, что жизненные потребности содержат эволюционный и разумный толчок. Эволюционное побуждение - в действительности включено даже в эту теорию. Губительная ошибка происходит из-за того, что слово "соглашение" наводит на мысль об умышленно заключенном договоре, и что в конечном итоге все решения основаны на этом непонимании.

Избегая путаницы, становится ясно, что важно различать между биологически укорененной виной - и поскольку любой биологический феномен в конце концов приводит к тайне - метафизически обоснованной, следовательно, между витальной виной и условной виной, эта последняя вызывается вследствие утилитарных институтов различных форм общества, исторически появившихся и исчезнувших. Это различие между культурой и цивилизацией. Культура является продуктом эволюционного толчка человеческого рода, которая продолжается через различные формы общества, тогда как цивилизация - это результат утилитарного прогресса, который также продолжается, но из-за прогрессивного сложения технических изобретений, из-за интеллектуальной организации, а не из-за биологически необходимой дифференциации социального организма. Истинный

смысл жизни - это культурная эволюция, а не цивилизаторский прогресс. Цивилизация является позитивно утилитарной и прогрессивной только в том случае, если она органично включена в культурный порыв. Витальная вина заключается именно в пренебрежении культурным порывом, эволюционным энтузиазмом, спиритуализирующим побуждением, биологическим, инстинктивным и бессознательным основанием любой жизни и сверхсознательной целью, направляющим идеалом человеческой жизни. Витальная вина - это признак потери инстинкта, который толкает жизнь образовывать сверхсознательное и директивное видение; вина заключается в желании заменить цивилизаторский и утилитарный прогресс культурным и направляющим идеалом. Это причина любого человеческого страдания : бунт утилитарного интеллекта против рассудка, разумного гида. Никакая техника и никакая организация не смогли бы помешать тому, что эта витальная вина не найдет свою витальную санкцию, возросшее страдание, вызванное разложением культурного организма, которым должно было бы быть общество. Это разложение культурного общества и его оценивающих суждений, его шкалы ценностей, производит на уровне индивидуумов нервное страдание или банальную эйфорию. Только банальная эйфория может заставить думать, что все будет лучше, но нервное страдание увеличит до момента, когда из-за своего собственного роста, его причина станет очевидной, снова избавится от подавления, сбросит маску как витальная вина: забытие рассудка, бунт интеллекта, увлеченного своим прогрессом. Только демаскированная возросшим страданием витальная вина, ставшая сознательным сожалением, вновь

ставшая направляющим порывом, культурным энтузиазмом, верой в жизнь, сможет победить банальную эйфорию, веру в прогресс.

Только жизненная энергия, вновь трансформированная из своей негативной формы (вина) в свою позитивную форму (порыв) будет иметь силу, способную доминировать над техническим прогрессом, основанном на знании законов внешнего мира, чтобы он больше не был разрушительной опасностью, а полезным инструментом, и чтобы организация социальной жизни, так как она базирована на знании законов внутреннего мира, основанного на знании истинных потребностей человека была по-настоящему спасительным обещанием.

Если напрасно приписывать происхождение вины социальным условиям, и причину вины, наказание, причину страдания, расстройству социального побуждения, то не менее тщетно искать происхождение вины преимущественно или единственно в расстройстве сексуального побуждения.

Жаль, что психоанализ совершает эту ошибку. Его основатель, понимая всю важность этой проблемы, попытался заменить теорию "соглашения" более общее принятую, псевдо-мифом, чтобы основать свою теорию на древнем происхождении виновности. В соответствии с этим мифическим умозрением, самое примитивное общество, характерное для происхождение человечества, якобы сформировалось из патриарха-предка, окруженного своим потомством. Предок - глава примитивной орды - запретил своему мужскому потомству любую сексуальную свободу по отношению к женщинам, подразумевая оставить за собой право на суверенное наслаждение. Виновность, якобы, родилась из-за того, что потомки, испытывающие чувство

неудовлетворенности, убили своего отца. Фиксированное на сексуальном желании, виновное отцеубийство осталось подсознательным воспоминанием, пересекая поколения до наших дней. Его выживание тем более очевидно, что любой ребенок - в соответствии с доктриной - заражен инцестуальными желаниями по отношению к родителю противоположного пола, и желаниями смерти по отношению к властному отцу. Последствия этой псевдомифической основы могут вкратце быть резюмированы таким образом: вина, якобы, не является духовным феноменом, а сексуальным феноменом. Она не является жизненно разумным чувством, так как ее происхождение - бунт против brutального утращения, тем более несправедливого, чем подавление сексуальности было бы - в соответствии с пансексуальной теорией - единственной причиной психических болезней. Потомство убитого предка-отца нашло вплоть до наших дней только одно средство избежать виновности: морализаторское лицемерие по отношению к убийственной сексуальности, подавление сексуальных желаний, подчинение запрету предка-отца, прототипа каждого отца в семье. С целью смягчения нравов, общество - делая из лицемерной слабости добродетель - перегрузило сексуальность запретами и табу, чтобы получить от этого морализаторскую псевдо-сублимацию. Из тенденции к подавлению сексуальности, вероятно родилась культура. Культура и с ней жизнь рассудка, были, вероятно, - поняты таким образом - заменителями сексуальности, субпродуктом подавления жизненной энергии, первоначально чувственной. Отклонение либидо от своей сексуальной цели было причиной всех психопатических деформаций. Фрейдистский психоанализ

предлагает как средство неистовства без виновности "магистрального либидо". (Да не будет принято за иронию то, что здесь всего лишь последствие сжатия в резюме.) Данное резюме хочет подчеркнуть не то, что можно назвать аморальность этой мифической конструкции, а ее непоследовательность. Так как могло бы быть, что жизнь аморальна, но следует это доказать последовательным образом. Только, поскольку в том, что касается моральности и последовательности любая критика легко находит контр-критику, способную в свою очередь установить свой морализм или свою непоследовательную аморальность, было бы предпочтительней обратиться к беспристрастному судье - если, правда, мифы могут им быть - и сопоставить этот псевдомиф с подлинными мифами, чтобы увидеть, что последние говорят нам о данной проблеме: происхождение вины и иерархия побуждений. (Решение уже находится в предыдущем толковании мифа о Прометее.) Виновность проявляется, начиная с происхождения человеческого рода, что впрочем признается мифом библейского Бытия, историей Адама.

В мифе о Прометее, вина - как мы это видели - вина заключается в бунте интеллекта против рассудка и в увеличении желаний. Вместо того, чтобы быть служителем развивающегося и директивного рассудка, вместо того, чтобы быть сознательным порывом к эволюционному рассудку жизни, предвидящий интеллект, Прометей, хочет удовлетворять только земные желания, и он подвергается наказанию, включенному в эволюционный закон, который управляет любой жизнью. Этот центральный мотив мифа перифразирован и варьирован параллельным мотивом: у Прометея, предусмотрительного

интеллекта, есть брат, Эпиметей, который символизирует в соответствии со значением имени, противоположность предвидению, помраченный интеллект, интеллект, потерявший свою предвидящую ясность. Однако, интеллект может быть замутнен только аффектом, следовательно именно увеличением количества желаний. Эпиметей, брат Прометея, означает, значит аффективное мышление. Интеллект взбунтовавшийся, против рассудка, забывая рассудок неразрывно связан, как брат с братом, с деформацией своего собственного сознательного и предвидящего качества, с аффективным помутнением, противоположным эволюционному порыву. Эпиметею, аффективному мышлению, (интеллект, потерявший свое сознательное качество) даже не удастся удовлетворить свои множественные и земные желания с помощью *проектов*. Теряя свое предвидение, интеллект регрессирует к воображаемому. Эпиметей женится на экзальтированном воображении, символизируемом Пандорой. Интеллект, помутненный, подвергается обольщению экзальтированного воображения. Пандора, лишенная души, но наделенная всеми очарованиями, обманчивое обольщение, была создана Зевсом и отправлена Прометею, чтобы наказать его за бунт. В соответствии с законом рассудка, обольщающий бич, экзальтированное воображение появляется по мере того, как интеллект хочет только удовлетворения земных желаний. Несмотря на то, что Прометей в достаточной мере может предвидеть, чтобы отказать Пандоре, экзальтированное воображение неизбежно находит средства, чтобы навязаться по мере того, как интеллект ослепляется в воображении. Эпиметей (аффективное мышление) женится на

Пандоре (экзальтированном воображении), думая, что получил самый ценный подарок. Он этим обманут. Из коробки (подсознание), принесенной Пандорой в качестве свадебного подарка, ускользают все пороки, которые распространяются по земле.

В соответствии с этой дополнительной темой мифа о Прометее, темой, которая только подчеркивает центральное значение, вина заключается в противоположности энтузиазма для рассудка, противоположности, которой является экзальтация воображения, и эта экзальтация неразрывно связана с увеличением количества желаний. Вина, следовательно, заключается в отрицании рассудка; *она является негативом рассудка. Неся свое наказание в себе, вина является самим рассудком, законом жизни, смыслом жизни, но который оборачивается против человека, когда последний действует против рассудка, против закона, против смысла жизни.* Обманутый рассудок становится внутренним обвинителем, чувством вины, духовным призывом, и если этот призыв не услышан, если он подавлен, то вина становится реальным наказанием, мучением: сцепление с землей и разгул порока. Но именно эти сцепление и разгул являются виной. Вина и наказание - это одна и та же вещь; вина несет в себе свое наказание. Вина производит наказание, и наказание, пока бунт продолжается, приводит к усилению вины и снова вызывает, следовательно, наказание до такой степени, что мучение, по мере того, как оно становится невыносимым, разъединяет виновную психику, или принуждает ее принять вину на свою ответственность, то есть духовно и сублимационно заглаживать ее. Создается порочный и магический круг, у которого нет другого выхода, как примерения

с рассудком. Вина и наказание являются проявлениями эволюционного побуждения, персонифицированного мифом в форме божества (Зевс).

Это значение настоящего мифа, несравнимо более существенное, чем любой псевдо-миф, который человек мог бы искусственно создать, еще глубже выражен в иудейско-христианском мифе. Следовательно, интересно вкратце пересказать значение этого мифа, говорящего о создании человека и его судьбе, чтобы наглядно показать его совершенное согласие с мифом о Прометее, согласие, которое не вызвано никаким взаимным влиянием.

В мифе Бытия, интеллект персонифицирован Адамом. Эволюционное стремление привело к наступлению человеческого рода. Миф выразил это эволюционное происшествие символическим языком: Бог создал человеческое существо по своему подобию, и оживил его своим дыханием. Божественное дыхание изображает рассудок, уже не только инстинктивно, а ясно предвидя по отношению к будущему. Интеллектуальное предвидение - это эволюционный шаг, но оно содержит риск: оно может стать причиной падения, мотивом инволюционного отступления. Также как и в греческом мифе о создании человека, сосредоточенном вокруг Прометея (символ предвидящего мышления), иудейский миф Бытия, также выражает основную проблему, чередование взлета и падения, проблему в которой сосредотачивается судьба человека, целого человечества. Оживленный "божественным дыханием", сознательно предвидящим рассудком, человек вышел из животного состояния. До падения, он еще живет в животном Раю, в состоянии основной невинности, которая защищает его от виновного расстройства,

ставшего однако латентной возможностью. Так как, став сознательным животным, человек предоставлен выбору и своей ответственности: или он послушается эволюционного рассудка, ставшего основным желанием; или, он использует предвидение, чтобы жить только для земных наслаждений. Он банализируется и испытает "смерть души", "смерть" божественного дыхания, которое его оживило. (В греческом мифе, "дыхание" заменено "искрой", огнем, похищенном у Зевса.) Также как и Адам является - как Прометей - персонификацией интеллекта, также и Ева - как Пандора - является персонификацией воображения, способного экзальтироваться. В мифах всех народов, и также в мифе Бытия, мужской принцип обозначает интеллект, который должен спиритуализироваться; женский принцип символизирует материю, землю, привязанность к земным желаниям. Две тенденции должны объединиться и образовать вину, посредством которой реализуется смысл жизни: гармония между рассудком и материей. Но этой гармонии противопоставляется принцип соблазнения и гибели, принцип Зла, "Принц Зла", Сатана, символ демонической власти воображаемой и тщетной экзальтации. Говоря на психологическом языке, экзальтация воображения - это деградация предвидящего интеллекта. Сатана - это падший ангел. До своего падения, он был Люцифером (носителем огня), интеллектом в позитивной форме. (Свойства сознательной психики - и среди них ясный интеллект - символизируются ангелами, которые окружают трон "Бога-Рассудка"). Падение Люцифера-интеллекта заключается в тщетности, которая склонила его к желанию занять место Бога. (В иерархии психических функций, гармонизирующий рассудок удовлетворяет основное

желание; интеллект умеет удовлетворять только множественные желания. Экзальтация многочисленных желаний похищает у интеллекта его предвидящее качество и делает из него принцип аффективного ослепления, демона обольстителя.) Сатана изображает чрезмерность тщетной экзальтации. Персонификация витальной вины, он являет собой также персонифицированное наказание, так как став падшим рассудком, демоном, он отброшен за пределы возвышенной сферы, в ад (символ подсознательного и его виновного мучения). Дух зла, падший интеллект пытается отклонить человека от эволюционного порыва, нашептывая ему тщетные обещания экзальтированного воображения: бегства к многочисленным желаниям и обманчивые оправдания (ложные мотивации). Постоянный символ тщетности во всех мифах - это змея, магически ужасное животное, укус которой смертелен. Сатана появляется в мифе в виде змеи. Яблоко - характерное для земных плодов - является символом земных желаний. Только одна вещь запрещается человеку, выходящему из животного состояния, оживленному дыханием эволюционного рассудка, и эта запретная вещь - это отйти от эволюционного рассудка, умножить и экзальтировать свои желания, отведать плод яблони. Яблоня - это дерево знания, символ интеллектуализации, запретный плод которой (губительное последствие) - это бунт против эволюционного рассудка, искушение забыть рассудок и привязаться только к многочисленным материальным и экзальтированным желаниям: "Отведай плод от этого дерева и ты будешь равен Богу", это ложное обещание, обещание соблазнителя. Обольщение, нашептанное духом зла, нездоровым рассудком, содержит две формы тщетной экзальтации,

тщеславной экзальтации, из которой состоит экзальтированное воображение: экзальтация к рассудку (быть Богом) и экзальтация к земле (сесть яблоко). Адам поддается на обольщение. Он ест запретный плод. Он поддается опасности, присущей интеллектуализации. Он совершает ложный выбор. Он выбирает землю; он забывает призыв рассудка. Это забытие является витальной виной, тщетным бунтом интеллектуализированного существа против эволюционного стремления, которое оживляет животное, забытие направляющего идеала, который должен был бы воодушевлять человека. Вина содержит в себе наказание. Человек изгнан из Рая животной невинности. Поддаваясь искушению земных желаний, он становится рабом земли: в поте лица он должен зарабатывать себе на хлеб, чтобы удовлетворить свои многочисленные желания. Это наказание содержит возможность средства и возможность экзальтации вины. Люди будут оспаривать землю, они будут воевать друг с другом: из витальной вины возникнет расстройство социального побуждения. Но интеллект - это первый уровень спиритуализации. Он поможет людям смягчить страдание от наказания. Они изобретут инструменты, чтобы удовлетворять свои многочисленные желания и они начнут организовывать их совместную жизнь, они заключат "пакт". Создадутся и будут прогрессировать техника и организация. Появятся институты и зародится условная вина. Но ни условная вина, которая подтолкнет человека к желанию улучшить земную организацию, ни техника, не смогут облегчить человека. Они обратятся против него и станут только средствами усиления социального сражения и страдания, пока интеллектуализация не сумеет предотвратить

свой ложный выбор, пока человек будет упорствовать в в своей витальной вине, в тщетном бунте, экзальтируя в воображении свои многочисленные желания вместо того, чтобы их приводить в гармонию, вместо того, чтобы удовлетворять свое основное желание, желание внутренней организации, образованности, духовного и сублимационного формирования. Миф Бытия не только указывает, что витальная вина, падение Адама является причиной условной вины; он также указывает на то, что витальная вина лежит в основе сексуального стыда (который, в свою очередь экзальтируясь в воображении, становится сексуальной виновностью, причиной ингибиции, бессилия, сексуального страдания). Из-за ложного употребления интеллектуальной функции, которая возвышает человека над животным, побуждения питания и размножения недостаточно расширены. Расстройство духовного побуждения является причиной искажения социального побуждения и сексуального побуждения.

Ложный выбор Адама символизирует ложный выбор людей: Адам представляет всех людей, он символизирует - как и Прометей - человечество. Его ошибка - это "первородный грех" человеческой природы. Снова и снова, через поколения, человек подвергается обольщению экзальтированного воображения и его тенденции к ложному оправданию, к ложной мотивации. Никакое спасение не может существовать для человека, вне его сопротивления этому искушению, в соответствии с его силой. Спасение не заключается, конечно, в вербальной вере в миф, а в его понимании и в том, чтобы прожить истинный смысл, символически спрятанный.

Гармония между расширенными побуждениями, идеал может приближаться только по мере того, как социальное побуждение и сексуальное побуждение контролируются духовным побуждением, таким образом, чтобы все желания, исходящие из побуждений, имели одинаковое направление и не пересекались, не истощались и не превращались в напрасные конфликты.

Энергия желаний контролируемых таким образом, может стать продуктивной, и врожденно жизненная продукция - это здоровое формирование психики, персонализация, персональная единица характера.

Это производство требует *постоянного эволюционного усилия* : усилия влить в персональную единицу каждое возбуждение, происходящее из внешнего мира, так чтобы возбуждение не нарушало психическое равновесие, так чтобы она не стала травматической.

Человек, ставший личностью, человек, который не истощен внутренними конфликтами, не поддается внешним конфликтам. Уверенный в своей идеальной боеспособности, он не познает тревоги: ни тормозящей тревоги, ни агрессивной тревоги. Он не будет жалеть себя и он не будет обвинять; он не будет тщетно отражаться и не почувствует себя виновным. Объединенный в себе самом, удовлетворенный собой, он объединится с "миром на человеческом уровне", которая из-за эволюционного усилия сама является неотъемлимой частью космического порядка. Он удовлетворит жизнь и получит удовлетворение от жизни. Жизненный идеал является императивным только потому, что он указывает единственную дорогу и общую цель: усиле, чтобы

реализовать основное удовлетворение, гармонию здорово расширенных побуждений.

Гармония между побуждениями, координация желаний, которые отсюда влекут, не только является задачей настоящего момента, но и черезвременной задачей, постоянно обновляемой, так как гармония всегда снова побеспокоена.

Восприятие единицы я через время является сознательным состоянием. Эта *концептуальная единица* воспринимается с помощью интроспективного мышления, которое вспоминает об индивидуальном прошлом, и постигает будущее. Единица я, не только констатируемая мышлением, но постоянно активно обновляемая интроспективным и самоконтролирующим усилием воли, *идеальная единица*, деятельность, из-за которой человек остается верен самому себе несмотря на время, представляет собой не только его индивидуальную единицу, а и персональную.

Она является не только думаемой единицей, но и практически прочувствованной радостным чувством соответствия с императивом биогенетической гармонизации и сверхсознательно имманентной человеческой психике. *Сверхсознание, определенное биогенетически, является эволюционным побуждением, ставшим на человеческом уровне этическим императивом.* Его сверхсознательное существование не понято биогенетически, ни более, ни менее захватывающее, чем инстинктивность, предсознательный рассудок, который диктует животному, что он должен делать с целью удовлетворительного выживания. Человеческий род, предоставленный нерешительному выбору сознания и инволютивному искушению подсознания, был бы неспособен жить без выживания эволюционного побуждения и

его требования гармонизации. Откуда следует, что витальная вина человека является, по биогенетическому определению, сверхсознательным чувством недостаточного эволюционного усилия.

Из этих констатаций следует заключение фундаментальной важности.

Поскольку человеческая психика является в совокупности и вплоть до мельчайших подробностей *биогенетическим явлением*, все проблемы человеческой жизни - индивидуальные и социальные - должны изучаться в биологической терминологии эволюции и инволюции. Это требует того, чтобы необходимое интроспективное исследование внутреннего размышления дополнялось изучением *биогеизиса*, не только сомы, но также и особенно изучением *биогеизиса психики*. (1)²

Как может быть необходимо изучать совокупность существующих особенностей и совокупность эволюционных модификаций, не забывая, что среди этих особенностей находится *волнение перед загадочным аспектом* всех модальных форм явного существования, также как и различные до-научные формулировки волнения перед тайной, исторически задокументированные символизмом мифологий.

Все, что существует во временности, будучи беспрочно изменяемой модальностью, включая нас самих и объяснительный рассудок, рассудок в общем берет на себя функцию ориентации, принимая ее ограниченную компетентность, навязывая себе изучение совокупности существующих явлений за исключением

любой метафизической спекуляции (абсолютный разум или абсолютная материя), но включая внутреннее размышление, которое является постоянной интроспекцией, самой характерной чертой человеческого вида. Его единственное спасение не заключалось бы в эволюционной задаче сделать интроспекцию более и более ясной? Анализировать при помощи своего рассудка секретные мотивации сверхсознательно и подсознательно спрятанные, чтобы дойти до их сознательного контроля и, если возможно, умышленно?

Интрапсихические сложности эволюционной самомодификации думающего вида увеличились из-за того, что этическое сознание каждого человека расстроено условным псевдо-сознанием исторического происхождения (а вовсе не биогенетического), состоящего из предрассудков и суеверий, из которых нравы, обычаи и социальные институты, являются так сказать мешающим осадком. Конечно, существует во всех социальных классах, во всех последующих поколениях, люди с мощным порывом. Но в недостаточной степени направляемые в их секретных намерениях, они рискуют провалиться в слишком хорошие намерения, определенно высказываясь за одну из многочисленных господствующих идеологий, которые можно все объединить в две формы экзальтации: спиритуализм и материализм.

Эти ложные оценочные суждения, эти ложные идеалы и идеологии являются коллективными экзальтированными задачами, так как экзальтация характеризует не только проекты сами по себе неосуществимые, а также и задачи, обещание удовлетворения которых оказывается обманчивым, сразу тогда когда проект нашел свою реализацию.

Идеологии, которые можно объяснить за счет экстра-индивидуального источника (социальные традиции), влияют на уже не на персональное сознание, а внешне предоставленное, коллективное и извращенное, извращенную мораль. Она вызвана, также, конституцией человеческой природы, ее биогенетической тенденцией к тщетному подавлению вины, к разрушению жизненного сознания, к разрыву персональной единицы, гармонии между побуждениями и желаниями. Именно эта сверхиндивидуальная тенденция производит в эпохи, в которых культурный порыв ослаблен, этот прирост индивидуумов, персональное сознание которых банально разрушено, или индивидуальное сознание которых, сознательное я, дислоцировано, которые, следовательно, подвергаются нервной деформации. Тенденция предков к разрушению персонального сознания (основное желание гармонизации) не что иное, как “наследственный грех”: рассредоточение основного желания на многочисленные и экзальтированные желания, рассредоточение, сопровождаемое ложным коллективным и идеологическим оправданием. Она является ложной мотивацией, действующей через поколения. Отсюда следует коллективная тревога. Нервозность можно определить как дезориентацию между основной формой и исторической формой сознания; банализация может определяться как ориентация единственно направленная к ложному идеалу: подчинение публичному мнению, которое - в декадентных эпохах - видит в цинизме единственное средство против морализма.

Безличное, а значит извращенное сознание разрушает жизненные идеал, гармонию между побуждениями.

В области *социального побуждения* человек использует себе подобного, порабощает и подчиняет его, чтобы удовлетворить потребности экзальтированных и бесполезных материальных желаний.

В области *сексуального побуждения*, мужчина и женщина прельщаются друг другом (два партнера пользуются друг другом, возбуждают друг друга), чтобы удовлетворить экзальтированную сексуальную потребность, потребность только телесную.

В области *духовного побуждения* (наука, искусство, религия) ложная мотивация использует других, получает из этого выгоду и тщетно подчиняет их. Она не обращается ни к душе, ни к рассудку другого человека. Нервный человек, подобно банализированному, не выражается достоверно: он хочет производить впечатление. Тщетность склоняет его хотеть казаться, украсить одной из протворечивых идеологий, разрывающих душу и рассудок индивидуумов, мешая им стать персональными единицами.

Совокупность этих извращенных отношений, вызванная то морализаторским подчинением правилам социальной игры, то циничным бунтом, вызывают категориальные ощущения ложной мотивации.

Персональное сознание, напротив, стремится к жизненному идеалу, психическому здоровью, гармонии побуждений. Его способы реализации являются противоположностью сентиментального обвинения: проекция разумного желания, верная оценка желаний и деятельностей; и противоположностью тщетного и виновного бунта: разумное изменение и принятие неизменного.

В области *социального побуждения*, проекция разумного желания, реализация желаний с помощью *проектов* заключается в том, что можешь приобрести внешнее условие материальной свободы: *снабжение* (деньги) и социальное положение, не будучи обязанным употреблять всю свою энергию на эту элементарную задачу, не делая идеальной цели из того, что не является средством создания материальной базы, на которой должна бы строиться жизнь. Идеал принятия заключается в умении приобретать материальную свободу не внешнюю, а внутреннюю, сокращая как можно возможней материальные потребности, чтобы сберечь энергию, и чтобы быть таким образом способным сосредоточить ее на цели, носящие более интенсивное удовлетворения, свойственные жизни души и рассудка.

В области *сексуального побуждения* проекция разумного желания заключается в том, чтобы мочь изменить в основном дополнительного партнера. Инстинктивная безопасность выбора скомпрометирована и разрушена экзальтацией воображения, которая делает из сексуального наслаждения средство развлечения. Идеальный выбор никогда полностью не осуществим, и принятие заключается в том, чтобы не требовать ни столько от партнера, как от себя самого невозможного совершенства, терпеть недостатки друг друга, мочь поддерживать, через осложнения повседневной жизни, выбор партнера, в умении жить в союзе души, который не менее является плодотворной мощью, чем телесное единение, в умении сексуально сосредоточиться, намагнититься, образовать с дополнительным существом супраперсональную единицу, и привести таким образом не только к телесному созданию ребенка,

а к полному зачатию, которое включает образование души и рассудка ребенка посредством воспитания.

Способность жить в обществе и сексуальность, являясь расширенными побуждениями, одушевленными рассудком, содержат духовную задачу, естественную и элементарную, приводящую к биологически глубоким удовлетворениям. Эти два расширенных побуждения, взаимопроникаясь духовным побуждением, три побуждения объединяются в усилие расширения. Это гармоничное взаимопроникновение, гармоничное расширение, иначе говоря самое фундаментальное создание, формирование характера является основной задачей, которую каждый человек должен быть в состоянии возложить на себя. Эта задача, фундаментальная для каждого человека, заключается в создании с помощью персональной силы истинных чувств, интерчеловеческих свободных и неконвульсивных отношений; понимать других людей как личностей, то есть как живых существ, имеющих существование совершенно независимое от приятных или неприятных возбуждений, происходящее от ложной мотивации других. Не позволять втягивать себя в круг ложной мотивации, причины персонального и коллективного разрушения. Только в соответствии с этой идеальной боепособностью, с этой истинной мужественностью, человек становится способным на социальный инстинкт и сексуальность не условные, а персональные, и он становится персональным центром, свободным и постоянным, неся свою точку гравитации в себе самом.

За пределами этой задачи, общей и фундаментальной для всех людей, существует собственно духовная продуктивность.

В области *духовного побуждения*, проекция разумного желания заключается в умении создать духовные ценности, увеличить культурный уровень, и следовательно радость жизни. Если и есть относительно мало людей, способных выполнить в плодотворной манере эту дополнительную жизненную задачу, то это потому, что люди редко умеют концентрировать свою энергию; они ее нервно конвульсируют или банально рассредотачивают. Духовное производство однако превосходит идеал действенный для каждого человека, так как энергия, даже сосредоточенная, может оставаться недостаточной для осуществления этой дополнительной задачи. Идеал принятия заключается в том, чтобы не желать конвульсивно сподности духовной производительности, и не отворачиваться от любого духовного усилия разочарованной завистью. Уметь отказаться от производства, не впадая в конвульсивное презрение жизни рассудка. Развить в себе чувствительность, чтобы мочь наслаждаться произведенными ценностями. Истинная рецептивная продуктивность заключается в недовольствовании затрагивать область рассудка и тщетно верить в то, что понимаешь идею или реализацию идеала. Она заключается в старании реально понять и все более глубоко; в восторжении идеалом, чтобы реализовать его в соответствии с лимитом своих сил: что, кстати, является самым верным средством пробуждения активно продуктивной силы в той мере, в которой она существует и без тщетного поощрения, конвульсивного и тормозящего.

Резюмируя выше сказанное, можно сказать: жизненная задача, которую каждый человек должен выполнять, для своего основного блага заключается во включении в общество

(социальное побуждение); в основании здоровой ячейки в обществе, семьи (сексуальное побуждение). Делая это, индивидум как можно эффективнее будет участвовать в духовной задаче (эволюционное побуждение). Общества будут улучшаться только в случае, когда чрезмерность ложной мотивации не передается от поколения поколению посредством неправильного воспитания.

Тщетная вина заключается в нежелании выполнять эту *общую задачу*, в вере в то, что являешься исключительным существом, призванным исключительно для того, чтобы выполнить *дополнительную задачу* : увеличение культурного наследия в одной из его областей: науки, политики, искусств, религий.

Жизнь не в первую очередь нуждается в талантах, ни даже в исключительных рассудках, а в здорово сформированных характерах, основанных на *развитии порывов*.

На человеческом уровне, эволюционная задача доверена порыву каждого индивидуума.

Конечно, судьба индивидуумов зависит от социального влияния, и в первую очередь от патогенного влияния искусственных идеологий, предлагающих разнообразие экзальтированных задач, банальных, потому что распространенных через мир, и которые являются всего лишь различными формами псевдо-духовного карьеризма, тщетно навязчивыми и патогенными. Карьеризм экзальтированных задач на самом деле является невротическим признаком провала порыва. Самая решительная неудача, являясь банализмом, материальный карьеризм любой ценой, даже ценой смерти порыва.

Любое качество может быть выбрано, чтобы изображать превосходство. Потребность настолько навязчива, что при помощи обратного перемещения и самого неожиданного, при помощи недовольства основными неосуществимыми качествами, негативизма - любая слабость, любой недостаток, усиленный воображением (все формы сексуального и социального бессилия), может стать маской виновной тщетности, маской духовного и культурного бессилия. Даже полное социальное бессилие, преступление, даже полное сексуальное бессилие, подавление любого сексуального желания, могут тщетно приниматься за самое неопровержимое доказательство совершенного превосходства. Есть только одна маска, которую тщетность никогда не выбирает: бессилие духовного побуждения, глупость. *Так как именно глупость, экзальтация аффективного мышления, тщетность хотела бы замаскировать.* И именно это отупение - которое выражается потерей памяти, невозможностью концентрации - банализированный нервный человек наблюдает с увеличенным волнением. Может случиться так, что ему удастся - особенно если у него есть способности, превосходящие средние - замакировать тревогу вспышками конвульсивной продуктивности, которая изображает скорее оригинальность ложного рассудка, которая скорее хочет *эпатировать*, чем оплодотворять. Также может произойти так, что нервный человек, из-за отказа, проваливается в абулию, банализированный - в депрессивное состояние, которое может доходить до меланхолии (особенно в период менопаузы, когда наслаждения, которые составляли смысл его жизни, начинают покидать его). Эта покорность отуплению являются патологическими средствами, используемыми - в силу

абсурда - для маскировки и извинения перед сами собой и перед другими потери - более и более явной - способностей, потери часто тревожно вызванной болезненным самонаблюдением и самопроникновением ипохондрии. Эта покорность патологическому отуплению является негативным выражением изнуряющей экзальтированной задачи, и которая кстати продолжается скрытым образом в секретном воображении. Нервная леность является только окончательным бегством от слишком тяжело поставленным испытанием, тщетной задачей превзойти всех других.

Послкольку экзальтированная задача превосходства других может проявляться уже в школьном возрасте, то только в форме психотической деменции взрослых способности могут утонуть в разрушении. Возможно, что это будут некоторые формы юношеского невроза - особенно если к этому прибавляется тревога ослабления - которые превращаются в гебефреническое отупление, в раннюю деменцию.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Психологический подсчет

Четыре тенденции ложной мотивации образуют между собой многочисленные амбивалентные отношения. Но каждая из них поливалентна, что означает, что она в свою разлагается на бесчисленные производные. Все извращенные тенденции и все производные остаются включенными в одну единицу, в которой они представляют всего лишь различные аспекты: витальная вина. Эта начальная единица является причиной того, что, несмотря на амбивалентное и поливалентное разложение, извращенные чувства остаются аналогически связанными. Разложение показывает совершенную регулярность, законность.

Сгруппированные в четыре доминирующие тенденции, бесчисленные производные зовут друг друга. Ни одна не может существовать независимо от других. Каждая из производных, являясь только другим выражением витальной вины (из-за того, что человек может жить в состоянии психической дисгармонии), многочисленные производные могут заменять одна другую и это прожитое замещение является игрой обманчивого воображения (тщетность может заменяться злобным обвинением и обвинением посредством сентиментального альтруизма).

Но поскольку эти навязчивые замещения, в силу их общего укоренения, вынуждены следовать по законной дороге аналогичных и амбивалентных связей, объяснительная реконструкция этих обманчивых замещений обнаруживает правду о подсознательной жизни. Объяснительная реконструкция должна показывать метаморфозы ощущений. Они требуют этого замещения, так как в глучинах, одно означает другое, все другие, одно является эквивалентом другого, всех других. Разложенные чувства нервного человека образуют таким образом уравнения, пропорциональные отношения, образующие психологический алгоритм, расчет, который заставляет искать и находить неизветсные (не наблюдаемые производные), чтобы дополнить таким образом производные, доступные наблюдению, потому что проявляемые наглядными реакциями.

Чтобы детально изучить этот психологический алгоритм, достаточно изложить - но также необходимо и расширить - то, что уже было сказано о четырех амбивалентных

тенденциях ложной мотивации, тенденциях, которые, из-за поливалентности каждой из них, могут называться: *категориями ложной мотивации*.

Каждое психическое качество способно превратиться в тщетную форму, виновную форму, сентиментальную форму и в обвинительную форму.

Уважение, например, разлагается на тщетную переоценку себя самого, на виновную недооценку себя самого, на сентиментальную переоценку других, на обвинительную недооценку других.

Доверие разлагается на тщетно экзальтированное доверие к себе самому, на экзальтированное недоверие к себе самому (виновность), на сентиментально экзальтированное доверие к другим людям, на обвинительное недоверие к другим.

Терпение разлагается на экзальтированное терпение и экзальтированное нетерпение к себе самому и на экзальтированное терпение и на экзальтированное нетерпение к другим.

Любовь разлагается на экзальтированную любовь и на экзальтированную ненависть к себе самому и на экзальтированную любовь и на экзальтированную ненависть к другим людям. И так далее для других качеств.

Если вообразить категории ложной мотивации, образующие углы квадрата, то можно получить схему аналогичной связи и амбивалентной противоположности.

Легко нарисовать квадрат ложной мотивации, прибавляя к нему диагонали.

Точка пересечения диагоналей указывает на разлагающееся качество. Тщетность, помещенная в схему слева над виновностью, указывает на экзальтированное желание обладать качеством; виновность указывает на экзальтированную тревогу лишиться его.

Обвинение и сентиментальность (помещенные в схему справа) указывают на проекцию на другого тщетных или виновных чувств. Сентиментальность, помещенная над обвинением является, следовательно, экзальтированным желанием, чтобы другие - и особенно те, с которыми субъект связан - обладали качеством, так как приятно жить с людьми в основном квалифицированными и образованными. Обвинение указывает на экзальтированную тревогу, чтобы другие не обладали качеством, чтобы они не обладали никаким качеством, и чтобы они, были опасными.

Проекция экзальтированного или тревожного желания по отношению к своей собственной качеству, возвращается к нервному человеку в форме экзальтированной тревоги, касающейся мира. Видно, что эта тревога является прогрессивной, так как чем

сильнее виновная тщетность, тем сильнее будет обвинительная сентиментальность, экзальтированное желание, чтобы к тебе обращались с уважением: поиск жалости. Чем сильнее это сентиментальное требование, тем сильнее будет также тщетная досада на малейшую грубость, разочарование, которое пробудит все более экзальтированное обвинение. Круг вращается неустанно и поостоянно усиливается, без того, что можно сказать, что одна категория является причиной другой. Категории являются только рамками фантазий, которые усиливаются взаимно посредством взаимодействия; истинная причина, реальная причина, будучи тщетной виной, тот факт, что человеческий рассудок замаран оправдывающей ложью.

Посредством сентиментального обвинения, тщетная виновность, проецированная в мир, возвращается нервному человеку в форме экзальтированной тревоги перед мнением и реакцией мира. Она становится привидением, кошмаром, который ужасает его. Причина, которая превращает события в травматизмы заключается, в действительности, в самом больном. Но эта экзальтированная тревога по отношению к миру амбивалентна: она содержит в себе экзальтированное желание, что мир опасен и неприятен, желание, чтобы мир был виновен, чтобы мочь из-за этого тщетно торжествовать, чтобы можно было уважать себя как превосходного. Обвинение, в этом аспекте, только форма тщетности, и тщетность принуждает к обвинению. Обвинение и тщетность, несмотря на то, что они являются амбивалентно противоположными, остаются аналогично связанными. Также и с виновностью и сентиментальностью, так как чем сильнее экзальтирована сентиментальная переоценка других людей, тем сильней подсознательное чувство неполноценности, экзальтированная недооценка себя самого, виновность.

Этим аналогиям, которые, в соответствии со схемой, составляют горизонтальные соединения, соответствуют связи в диагональном и вертикальном направлении. В том, что касается диагоналей, сентиментальность и тщетность с одной стороны, и обвинение и виновность, с другой, находятся в аналогии: тщетность является сентиментальностью, перемещенной на себя самого; виновность - это обвинение себя самого.

Конец главы

Каждая психика является миром сама по себе, которая в законной возможности содержит всю извращенную и возвышенную мотивацию, без этого было бы необходимо, чтобы случайно каждый мотив становился бы явным.

Аналогическое и законное соединение между мотивами такое, что когда каждый мотив ставший психической реалией и являясь живой реалией, пробуждает резонанс всех других возможных мотивов, заставляя их до определенной степени жить и вибрировать. Это живое соединение существует не только между извращенными мотивами, оно также ведает отношением между извращенным и возвышенным в форме уже не амбивалентной, а *антитетической* законной связи.

То, что мотивации с извращенной тональностью пробуждают антитетический резонанс с возвышенной тональностью, не является удивительным. Это пробуждение вызвано возникновением виновности, вызванной анализом. Целью анализа является сделать так, чтобы подвергшийся лечению психоанализом был способен выносить чувство вины, а не подавлять его. Виновность - это не что иное, как возвышенный резонанс, связанный с извращениями несмотря на их тщеславное оправдание. Осознание губительных последствий тщеславной псевдо-возвышенности уменьшает подсознательно суггестивную силу ложных обещаний тщетности и усиливает таким образом сублимационный резонанс виновности, спасительный резонанс, который понемногу восстанавливается от своего подавления. Поскольку тщетность является подавленной виновностью, то единственным способом разрушить ее, является освобождение чувств вины от чувства неудовлетворенности с помощью разъяснительной работы их осознания. Разъяснительная интроспекция и интроспекция болезненно подавляющая являются диаметрально противоположными, но однако антитетически связанными в размышлении каждого, которое является ни чем иным, как постоянной трансформацией возвышенного в извращенное и извращенного в возвышенное. Эти трансформации были бы невозможными, если бы извращенное и возвышенное не были бы антитетически связанными при помощи резонансов, конкретно прожитых в форме удовлетворительных чувств псевдо-удовлетворительных ощущений, одновременно экзальтирующих и ингибирующих. Нервный человек не полностью лишен сублимационной интроспекции. Его болезнь заключается в том, что он слишком легко подвергается смешению возвышенного и псевдо-возвышенного, так как не существует такого извращения, которое тщетность не могла бы трансформировать в псевдо-возвышенность. Тщеславный человек чувствует, что он

псевдо-возвышенно резонирует и думает, что он возвышенно живет. Он принимает виновное страдание своей псевдо-возвышенности за знак превосходства и обвиняет других за то, что они не так интенсивно испытывают возвышенное, как он. Следует устранить именно эту видимость возвышенности с помощью ежедневной работы интроспективного разъяснения, противостоящего непрекращающимся приступам обвинительной и сентиментальной тщетности. Благодаря предвидящему опыту, психическое поле будет достаточно обработано, чтобы могли прорасти истинные сублимационные оценки.

Истинная возвышенная жизнь представляет собой не страдание, а завершение. Она остается идеалом, позволяющим только асимптотический подход. Но даже если возвышенность была бы совершенно реализуема, то все равно она оставалась бы связанной с латентным резонансом извращенной мотивации. Этот резонанс не проявлялся бы в форме аффективной раздражительности. Освобожденный от извращенной аффективности, резонанс стал бы возвышенным чувством, добротой, благожелательным согласием: объективированным предварительным сознанием всех извращенных возможностей человеческой природы, принятием всех извращений других людей. Возвышенность и извращенность связаны аналогией и контрастом, поскольку одна является или очищенной формой другой, или деградированной формой. Именно поэтому знание человеческой природы, ее возвышенных и извращенных возможностей, становится доступно только в той мере, в которой человек старается постепенно освободиться от ослепляющего извращения с помощью скромной работы ежедневного режима.

Боевой подход неосуществимого возвышенного идеала одновременно является прогрессивной реализацией идеала стиритуализации, которая предполагает глубокое знание человеческой природы. Этот идеал, в котором объединяются спиритуализация и сублимация, является антитезой ложных мотиваций: идеал включает возвышенный аспект, в противоположность виновной тщетности, скромную гордость; он также содержит ясность рассудка, противопоставляемую подавлению. Высшая и духовная боеспособность, к тому же является противоположностью сентиментальной жалости и злобного обвинения; она включает снисходительное понимание всех человеческих слабостей.

Бесчисленные извращенные круги таким образом антитетически связаны с возвышенными кругами и с их производными. Этот факт придает значение

психологическому подсчету. Он позволяет охватить в едином и законном аналогическом развитии все функции психики, и подсознательные и сверхсознательные.

Но поскольку извращенные чувства вызваны разложением энергии, виновным омертвлением, создавая "мертвую силу", которая происходит из амбивалентного подергивания, возвышенные чувства имеют тенденцию объединяться в одно и единственное чувство, сосредотачивающее всю энергию. Можно называть это чувство терпением, справедливостью, любовью и т.д., это всего лишь различные грани.

Следует ясно различать два аспекта благотворного предвидения: утилитарное предвидение (маленький подсчет) и сублимационное предвидение (большой подсчет). Подсчет удовлетворения был бы только педантичностью, если бы он довольствовался рассмотрением только губительных и будущих последствий, которые непреклонно проявятся на внешнем и социальном плане. Это предвидение необходимо. Но тревога перед условными требованиями производит только мотивы слабого размаха, рискующие остаться добрыми намерениями, предназначенные на обвал, если только они не будут ригидно возведены в морализаторские принципы. Тревога неспособна подавить желания в разумной манере. Только более сильное желание, чем совокупность многочисленных желаний, только желание истинной и персональной самогармонии в состоянии создать возвышенные мотивы в достаточной мере сильные и повелительные, чтобы их самостоятельность могла эффективно противостоять соблазнительным обещаниям экзальтированного воображения.

Большой подсчет имеет два измерения. Одно, космического свойства, простирается до пределов жизни, до проблемы смерти и ее загадочных происхождений. Следовательно, он должен обязательно развивать метафизические и этические проблемы. Но этика не может найти своего решения без другого измерения большого подсчета: "микрокосмической" техники, способной исследовать "невесомые" подсознания, пыль ощущений, результат разложения этических чувств.

Тенденция возвышенных чувств объединяться в одно единственное чувство является основным желанием. Основное удовлетворение, рассмотренное большим подсчетом, заключается в возвышенной концентрации энергии, в новой концентрации многочисленных желаний, в радостном ощущении жизненной силы, усиленной на самом высоком уровне. Это удовлетворение основного желания является

окончательным удовлетворением жизни. Единственное чувство, в котором объединяются все возвышенные чувства - это полнота. Она является развитой основной способностью, а следовательно жизненной задачей, выполненной на высшем уровне, боепособным и победоносным принятием всей жизни, верой в возвышенно сосредоточенную персональную силу, уверенностью в то, что возможно господствовать над всеми возбуждениями таким образом, чтобы они не нарушали внутреннюю гармонию.

Радостью жизни является радость, которая извлекается из себя самого, из своей возвышенной силы. Она является самым естественным и очевидным идеалом. Ее другое имя - это любовь к жизни. Так как можно любить жизнь только в той мере, в которой есть сила ее возвышенно наслаждаться. Тот, кто сумеет удовлетворить основное желание во всей его широте, возвышенно удовлетворенный самим собой, найдет других приемлимыми. Он сможет их любить, несмотря на их недостатки. Он не испугается их извращенных реакций, и у него больше не будет потребности тщетно торжествовать над ними. Он полюбит жизнь во всех ее проявлениях. Следовательно, любовь к жизни состоит из истинной любви к самому себе, противоположностью тщетно экзальтированному самолюбию и противоположностью этой ненависти к себе самому, которой является экзальтированное чувство вины. Находя свое удовлетворение в возвышенной боепособности, любовь к жизни, к тому же, диаметрально противоположна сентиментальности к самому себе и к другим людям, в отличие от злобного обвинения, извращенного соответствия сентиментальности. Боепособность рассудка, основываясь на объективном понимании любой человеческой слабости, выполняется с помощью усилия (предпринимаемого через поколения) преодолеть понемногу слабости, благодаря выявлению их истинного укоренения в подсознательных мотивациях. Активная любовь самого себя и другого человека немыслима без активного поиска правды по отношению к самому себе и к другим, единственного средства, позволяющего преодолеть слабости и мобилизовать силы.

Несмотря на то, что любовь к жизни на своем высшем уровне расцвета неосуществима почти для каждого человека, она остается психологически обозначаемым идеалом, потому что она аналогически, законно связана с чувствами, оживляющими человека. Она - идеал, приемлимый для каждого человека, даже если он сознательно упорно отрицает этот идеал из своей природы. Идеал тем более приемлем для психически

больного человека, чем больше его извращенные чувства являются карикатурой, гримасой страдания, которое он испытывает из-за своего ослабления (нервного или банального), мешающего ему постепенно приближать директивный идеал, вершину жизненной интенсивности и витального удовлетворения, вершину радости.

2. Терапия и правила применения

А) Намерение анализа

Аналогическая и легальная связь между всеми мотивами - возвышенными и извращенными - является содержимым внутреннего размышления, которое бессознательно происходит в психике каждого человека. Разъяснительная интроспекция, ставя терапию в ряд *психологического подсчета*, наделенного предвидением и ясновидением, резюмирует смысл решающего функционирования: освобождение, что означает : оздоровление.

Этот метод поддается преподаванию. Но, для того, чтобы получить метод, недостаточно только выучить его, нужно его прочувствовать. Внешне из этого метода можно выучить алгоритм, формализм. Чтобы глубоко изучить математический подсчет, недостаточно знать его формализм, манипуляцию с формулами. Нужно прикинуть в его дух. К тому же, нужно быть прикинутым живым духом психологического подсчета, чтобы уметь его употреблять плодотворным образом.

Однако, дух мотивации можно найти только в собственной психике каждого человека. Каждый человек несет в себе дух ложной мотивации, его принцип, необязательно являясь нервным человеком; каждый человек имеет более или менее выраженную склонность к отрицанию своей ошибки, к ее подавлению, к ее разложению. Нервный человек отличается от психически нормального человека, более или здорового, только экзальтацией тенденции к подавлению. Мотив является внутренним "предметом" , и чтобы его наблюдать, необходимо победить тенденцию к подавлению, обычно самую распространенную тенденцию человеческой психики.

Если бы ложная мотивация, в разных степенях интенсивности свойственная всем, не проявляла бы никакой регулярности, то интроспекция навсегда осталась бы случайной и спекулятивной. То, что человек мог бы найти в своей психике, не имело бы никакой значимости для понимания психики другого. Если, напротив, мотивация, несмотря на видимость незаконной спонтанности, обладает секретной законностью, то

интроспекция должна обнаружить принцип этой законности, и когда этот принцип будет найден, отсюда будет следовать возможность объективной интроспекции, результаты которой будут приемлимы для всех. Любой человек, имея достаточный талант и зная принцип законности, который будет направлять его внутреннее наблюдение, сможет приступить к объективной и методической интроспекции. Станет возможным создание метода и техники интроспекции, которые будут способны развиваться при помощи усилия через поколения.

Однако, законный принцип любой мотивации - фундаментальная проблема методической интроспекции - заключается в амбивалентном разложении всякого подавленного мотива. Следовательно, этот принцип спрятан в подсознательной жизни, что заставляет интроспекцию, взятую в своем обычном смысле, не придавая значения подсознательной жизни, всегда оставаться незаконной и спекулятивной. Она по всей видимости казалась недостаточной и подозрительной для научного усилия. Когда же подобная интроспекция не ограничивается проникновением в сознательную жизнь, осмеливалась - не зная неизбежной опасности - пересечь порог подсознательной жизни, она даже рискует стать болезненной и тщетной, опасность вызванная именно законностью подсознательной мотивации.

Подсознательное - это не место, в котором прятались бы предметы, мотивы. *Подсознательное - это форма психического функционирования*, форма, которая имеет свой собственный способ реагирования, отличающийся от сознательного функционирования нелогичным и символическим выражением и навязчивым характером энергетического напряжения. Способ существования подсознательного заключается именно в этом особенном свойстве психике отвечать при помощи нелогичных и конвульсивных реакций на ложно оцененные возбуждения. Сами подсознательные мотивы являются такими реакциями; они являются нелогичными действиями. Будучи действиями, они постоянно находятся в состоянии энергетической трансформации. Но эти трансформации законны, и именно поэтому сознательное может приостановить непрекращающийся поток подсознательной мотивации и может разделять его на различимые мотивы. Таким образом - пользуясь пространственным образом, чтобы говорить о подсознательном в котором прячутся мотивы - можно сказать, что подавление заключается не в желании управлять сознательным взглядом на тот или иной мотив. Мотив, в соответствии с этим образом, исключен из этого

зрительного поля, что не мешает тому, чтобы он продолжал существовать и проявляться энергетически.

Чтобы избежать ложной психологии, которая повсюду видит невысказанные мотивы, было предложено правило - *никогда не искать мотивы, если признак их действия не дает примечательного. Не следует избегать экзальтированная реакция, которая возникает в отношении с возбуждением. И это правило доказывает, что к испытываемому в настоящее время возбуждению относятся реактивные детерминанты, происходящие из ложной мотивации, вступающей в игру. Следовательно, важно обнаружить и назвать навязчивые мотивы, чтобы получить взвешенную реакцию. Это правило дополняется другим, не менее важным правилом. Там, где констатируется личность, никогда не следует ее объяснять изолированным, произвольно найденным мотивом, а категориальной совокупностью ложной мотивации ее непрекращающимся потоком. То есть, каждый законно возможный мотив нужно признать за действующий. Произвол проявляется тогда, когда скорее допускают один мотив, чем другой. Принятие всех возможных мотивов - это произвол, так как это не что иное как принятие законной связи между мотивами. Знание аналогичной законности, которая единственно может предоставить совокупность мотивов, дает одновременно возможность признать преобладание одного или другого мотива в соответствии с обстоятельствами. Методическое правило, следовательно, заключается в том, чтобы никогда не довольствоваться изолированным мотивом, а искать аналогичные связи и их амбивалентные противоположности во всех категориях ложной мотивации, то есть в замыкании круга ложной мотивации.*

Психологический талант всегда существовал. Он заключался в том, чтобы более или менее интуитивно найти тот или иной скрытый мотив. Каждый нервный человек обладает этим талантом, так как скрытый мотив не всегда исключен из его поля зрения. Спорадически он его видит. Но вид его мучителен для него: и он сразу же отводит взгляд. Он подавляет. Но увидя мотив, он знает, что мотив существует. Он только отрицает его существование в нем самом. Он не только подавляет его, но и проецирует узнанный мотив как существующий. Он подозревает других людей, и произвольно интерпретирует все их реакции, даже самые логичные, с помощью этого

подозрения. В этом случае речь идет именно о тревожной и болезненной интроспекции, которая характеризуется подавлением и проекцией. *Эта тревожная интроспекция, следовательно является даже причиной болезни.*

Методическая, объективная и лечебная интроспекция обязательно располагается в противоположность этой субъективной и тревожной интроспекции. Чтобы быть объективным по отношению к самому себе, необходимо не суживать "поле зрения": не тормозить и не проецировать свою ошибку, а осмелиться смотреть ей в лицо и принять ее. Вина, которую каждый может в себе найти, терзает любого человека, на разных степенях интенсивности. Аналогичные и амбивалентные проявления, законные для психики, являются законными и для психики всех других людей. Они представляют собой закон человеческой психики, сам дух ложной мотивации, предмет психологического и научного исследования. От человека к человеку варьируются модальности индивидуального созвездия. *Методическое наблюдение одновременно является и прямо пережитым опытным исследованием.* Человеческое существо несет в себе лабораторию, в которой осуществляется или должно осуществиться первостепенное условие любого научного исследования, основанного на наблюдении и на опыте: беспристрастность, самообъективация субъекта. Методически ища свою вину, избегая ее подавления и ее проекции, освобождаясь от комплекса, человек изменяет созвездие наблюдаемого предмета, своей психики, и очень быстро отдает себе отчет в освободительном результате, который проявился даже в его деятельности. Это самая неопровержимая экспериментальная проверка. Методическое знание человеческой психики, психологии мотивов может прогрессировать и стать наукой, наделенной техникой терапевтического применения только тогда, когда человек осмелится сделать из своей психики предмет наблюдения и научного и психологического эксперимента, тогда, когда будет разрушена анафема против интроспекции.

Законность психического функционирования заключается в законе сверхсознательной гармонии, в котором амбивалентная дисгармония является только специальным случаем.

Принцип законности, антитетическая связь, существующая между правильными и ложными мотивами, имеет существенное значение не только для обязательно интроспективного метода. Тот факт, что извращенные чувства сохраняют резонанс, виновное воспоминание о здоровых и естественных качествах (разложением которых

они являются), имеет капитальное значение для терапии. Именно этот факт делает ее возможной. Так как он позволяет вновь обращать извращенные чувства в здоровые и естественные качества. Поскольку связь между извращенными чувствами и здоровыми качествами заключается в чувстве вины, то перестройка извращенных чувств в здоровые качества может производиться только при помощи освобождения от комплекса бесчисленных форм виновности, которые все тщетно спрятаны. Однако любое эмпирическое избавление осталось бы более или менее недейственным. Больной человек должен - если это возможно - достичь понимания чувства своего заблуждения, законную связь всех своих искаженных мотивов, сверхиндивидуальный состав, сверхсознательный закон, который управляет всеми деталями индивидуального и подсознательного разложения, от которого он страдает.

Чтобы вылечить больного человека, следует доказать правильность психологического подсчета. Если исходить, при случае ежедневных происшествий, каждый раз из новой точки пересечения аналогий, методическое объяснение сможет обойти вокруг индивидуального созвездия психики и исследовать ее глубоко. Речь идет о том, чтобы наглядно показать бесконечную изменчивость живых и энергетических отношений, в соответствии с которыми болезненные мотивы соединяются и укореняются, бесконечную обратимость, в соответствии с которой самые извращенные, самые вредные, самые деформирующие и искажающие ощущения остаются связанными с самыми соответствующими жизни, здоровым и отрадным стремлениям возвышенными чувствами. Возвышенные чувства могут являться только антитезой извращенным ощущениям; псевдо-возвышенность содержит скрытое отражение возвышенного. Таким образом, сентиментальность является экзальтацией истинного чувства: по меньшей мере указанием на неосуществимую потребность того, что можешь чувствовать с и для другого человека. Тщетность нервного человека, имеет как всегда действительное составляющее, стремление к духовной и возвышенной сфере: конечно, еще более духовно конвульсироваться в тщетное усердие к идеалу, чем полностью от него отвернуться. Обвинение имеет настоящей составляющей потребность в идеализме, стремление к лучшему и более справедливому миру. Виновность нервного человека является доказательством того, что стремление к возвышенным чувствам не угасло.

Нервный человек видит только идеальные составляющие своих чувств, и принимает себя за высшее существо. Он чувствует себя непонятым и обвиняет мир, который его

не понимает. На самом деле, другие люди констатируют только дефективное и сенсационное выражение мутной составляющей чувств нервного человека, его экзальтированные или ингибированные, парализованные реакции. Они не принимают во внимание жизненно трагическую ситуацию человека, раздираемого внутренне, привлеченно то идеалом, то извращением; они видят только гротескную ситуацию человека, исключенного из мира, из жизни, из реальности, сражающегося в узком кругу колдовства, магическое направление которого является творением его собственного воображения, и существует только в самоубеждении этого удивительного узника, вынужденного, в соответствии с непреложным жизненным законом, наказывать себя самого при помощи вины, ответственным за которую он не хочет признавать себя, постоянно крича о своей невинности.

Чтобы помочь больному человеку выйти из этого круга, нужно протянуть ему руку. Следует ему показать, что то, что он ищет в воображении, и то, что он должен активно искать - это направляющий идеал, но, что из-за своего ложного подсчета, он приходит только к извращению. Нужно обнажить сверхсознательные причины, и подсознательные следствия его положения. Тщетная экзальтация заставляет его думать, что он незапятнан, или что он должен таким быть. Эта экзальтация показывает ему любую ошибку, которая запятнана невыносимым чувством вины, и навязчиво заставляет его отклонять всю ответственность за свои поступки, которые - так свойственно человеческой натуре - не могут всегда быть совершенными. Эта экзальтация заставляет его постоянно подавлять свое экзальтированное чувство вины, которое кажется ему эксклюзивным, единственным и невыносимым.

Чтобы вывести нервного человека из этого окружения, необходимо снова разрушить порочные круги его ложной мотивации, которые непрестанно рисуются его экзальтированным воображением. Но даже и во время лечения его навязчиво преследует необходимость в оправдании. Постоянно снова принимая за точку отчета ежедневные события, на которые он среагировал недостаточным образом, которые шокируют и травмируют больного человека, и толкают его воображение снова начать магическое окружение, необходимо обнажить законные ответвления его ложной мотивации до такой степени, чтобы он был убежден в законности наказания, которому он подвергается, которое он применяет к себе, чтобы он перестал применять его к себе, видя, что все повороты ложной мотивации можно предусмотреть, заранее

разоблачить при помощи психологического подсчета (поскольку ложная мотивация является только карикатурой справедливой мотивации, которая скрыта от него, потому что он прячется за ней под предлогом того, что он ее ищет). Больной человек должен в конце концов понять, что тщетные уловки его ложной мотивации не являются хитроумными изобретениями, а опасными навязчивыми идеями, не оправданием, а приговором. Самые различные пути объяснения объединяются и образуют одну единственную правду, закон жизни.

Больной человек должен понимать не только в теории причину своих страданий. С помощью психологического подсчета, он будет вынужден реально пережить это страдание, от которого он хотел избавиться себя в своем воображении. Он должен пережить его в сконцентрированной форме понимания правды о себе самом, чтобы перестать считать ее невыносимой, и чтобы больше не расценивать себя как единственного и исключительного человека. Только смело идя навстречу экзальтированной причине любого человеческого страдания, больной человек сможет излечиться от этого воображаемого страдания, которое распространялось на всю его жизнь, которая была под угрозой погрузиться в него. РЕАЛЬНОЙ ПРИЧИНОЙ ЭТОГО, БОЛЕЗНЕННО ЭКЗАЛЬТИРОВАННОГО СТРАДАНИЯ, БЫЛ БУНТ ПРОТИВ ОГРАНИЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СИЛЫ. Этот бунт был тщетной виной больного человека, его экзальтированной задачей, которая благодаря своему подавлению, разложилась на бесчисленные чувства вины, которые в свою очередь подавлялись и надели на себя маску тщетно воображаемых качеств. Больной человек не может выздороветь, не искупая своей вины: подавление; не вынося, что он разоблачен. Только ценой этого спасительного страдания он может примириться с самим собой, с жизнью и с ее законом. Так как перенесенное и преодоленное страдание является принципом любой эволюции, а следовательно и выздоровления. Перенести страдание - означает предоставить его интрапсихической работе и своей образующей и преобразующей силе. Страдание, перенесенное больным человеком, преобразуется в радостное ощущение своей собственной силы. Найти в себе силы признаться в этом, не только вербально, но и в подробностях своей реальной жизни, признаться в своей основной слабости, в слабости своего жизненного и эволюционного порыва, вместо того, чтобы подавлять эту слабость и делать из нее витальную вину, *это является единственным способом выйти из этого воображаемого и извращенного окружения, и войти в возвышенный и эволюционный*

круг, в котором усилие увеличивает силу, а сила увеличивает усилие. Интенсивность порыва в человеческом роде обязательно индивидуально дифференцирована. Без этой ограничивающей дифференциации эволюционный шаг, отличающий человека от животного - индивидуация - был бы невозможен. Индивидуальное ограничение порыва является биологической необходимостью, включенной в имманентную справедливость. Нужно ее принимать. Но принимать не означает покоряться. Принимать - означает: взять силу, данную как тправную точку для основного сражения, сражения против лжи ложной мотивации, эволюционного сражения, смысла жизни. Именно таким образом терапевтическое усилие объединяет духовное понимание и высшее принятие. Терапия рассматривает стиртуализацию и сублимацию страдания, расцвет силы, противоположной подавлению и проекции, противоположной конвульсии силы или ее банальному ослаблению. Терапевтическое усилие является совершенной антитезой болезненной деформации и ее причин. Перенести страдание того, кем являешься, искупить свою вину, перенося его - именно это и является двигателем выздоровления.

Уже было подчеркнута, что методическая интроспекция должна выполняться тем, кто по-настоящему хочет понять дух психологического подсчета. Но, с более сильным основанием, можно сказать, что методическая интроспекция является обязательной для того, кто намеревается помочь другому преодолеть ложные мотивации, кто подразумевает употребить психологический подсчет в терапевтических целях. Аналитик должен прежде всего быть способен проанализировать самого себя, чтобы не быть только моралистом. Как и любой человек, у психолога есть свои недостатки, и он может ошибаться. Анализ, которому он подвергся не освобождает его раз и навсегда от свех своих собственных слабостей. Не претендуя на совершенство, и не навязывая его дургому, важно, чтобы он оставался на динамичном пути относительного совершенствования. Не достаточно - как это поддерживает психоанализ - того, чтобы аналитик сам предварительно подвергся анализу; он должен быть в состоянии себя анализировать, постоянно контролировать себя самого. Если причина психической деформации заключалась в сексуальных травмах, перенесенных в детстве и в сексуальных комплексах, вызванных присутствием этих травм, то может так случиться, что губительное и подсознательное воспоминание об этих травмах может навсегда искорениться при помощи дидактического анализа. Но поскольку

причина болезни заключается в виновной тенденции, присущей человеческой природе (тщетность), то эта виновная и тщетная тенденция должна постоянно контролироваться и ей должно оказываться сопротивление. Думать, что навсегда избавился от этого - при помощи кратковременного вмешательства - означало бы больше, чем когда-либо быть его жертвой. Цель терапии заключается именно в избавлении психики от ранее накопленных разрушений; но самая благотворная эффективность терапии состоит в том, что она придает способность и наслаждение от постоянного и освобождающего контроля, контроля, который является противоположностью скрупулезного и ингибирующего наблюдения нервного человека, контроля, который в конечном итоге уже не является витальным принуждением, и интенсификацией жизни при помощи самого основного сражения из всех существующих: обогащение жизни при помощи самого глубокого смысла, который она может содержать.

Мотивационная психология отличается от всех других областей науки тем, что ее методический принцип, интроспекция, является витальным вмешательством. Терапевтическое применение также представляет собой витальное вмешательство; оно включает жизненную ответственность за другого человека. Никто не имеет права брать на себя эту ответственность, если он не выполнил условие, необходимое для любого научного исследования: наблюдение и экспериментирование, которые в этом витально специальном случае, являются наблюдением глубинно живущих мотивов, экспериментированием над своей собственной психикой.

Этот внутренний контроль за применимой теорией является - не говоря об общей очевидности ее необходимости - необходимым по четырем причинам:

I) Чтобы быть вправе навязать другому страдание, от собственного разоблачения, нужно уметь самому переносить это благотворное страдание. Нельзя просить другого витально себя контролировать, если сам не имел опыта возможности подобного контроля, и не испытал его целительного воздействия.

II) Чтобы проникнуться духом психологического подсчета, нужно уметь преследовать мотивацию о себе самом, чтобы приобрести уверенное чувство легальности бесчисленных связей между мотивами, которое каждый человек имеет склонность прятать от себя. Человек, тщетно принимающий себя за исключение, думающий, что он избежал ложной мотивации, был бы бесспорно самым неспособным к методическому исследованию законной мотивации. Любой человек в большей или

меньшей степени совершает ложные реакции, вызванные ложными мотивами. Любой человек имеет поползновения тщетности, сентиментальности и обвинения, с помощью которых он старается спрятаться, подавить свою вину. Не подавлять свою вину, означает понять существование этих поползновений, патогенного зародыша. Понимание помогает предвидеть законность их извращенных связей и таким образом создать детерминанты, призывающие освободиться от них с помощью настойчивого самоконтроля.

III) Этот постоянный контроль и постепенное освобождение от аффективной необъективности являются необходимыми для того, кто хочет помочь другому контролировать себя и освободиться от извращенных связей. Объективным образом видеть то, что происходит в психике другого человека возможно только при условии пронизательности по отношению к себе самому. Тщеславное ослепление на свой счет делает тщеславно слепым то, что происходит у другого. Терапевтическое вмешательство рискует таким образом стать отказом в чувстве ответственности, насилием над другим человеком при помощи произвольных интерпретаций, тщеславным удовлетворением, триумфом над другим человеком. Оно могло бы вызвать неизлечимую рану надруганного тщеславия больного человека. Оно представляло бы собой витальную опасность.

IV) Эта витальная опасность угрожает некомпетентному и неосторожному терапевту. Нет ничего другого на свете, кроме жизненной откровенности, что могло бы придать психотерапевтическую компетентность. Каждый, кто захочет присвоить себе компетенцию без этой искренности, без усилия к самообъективации, будет витально наказан за отсутствие чувства ответственности, он будет признан жизнью виновным. Вместо того, чтобы лечить больного, он будет заражаться от него, будет вовлечен в магическое окружение. Он станет жертвой тщеславия, управляющего миром. Терапия - это сражение против тщеславия, а тщеславие - это демоническая сила. Именно в себе самом терапевт должен ее победить, чтобы суметь победить ее в другом. Тот, кто будет думать, что окончательно ее победил, будет ее жертвой. Тщеславие никогда окончательно не побеждено, но неустанное сражение против ее нападков делает возможным обнаружение ее обычных убежищ и предпочитаемых масок, что позволяет предупредить другого человека, поддержать его и помочь ему витально. Быть терапевтом означает взять на себя ответственность перед жизнью. Тот, кто отступает перед этой обязанностью, не может быть терапевтом, или же он будет им только для

того, чтобы самому стать больным (или банализированным человеком, который занимается больными прежде всего для того, чтобы извлечь из этого материальную выгоду).

Б) Намерение больного

Подобно тому, как каждый человек несет в себе чувство ошибки по отношению к смыслу жизни (несмотря на то, достигла ли или нет его деформация патологического порога, находится ли он в состоянии лечения), каждый человек несет в себе в виде чувства, живущего в нем, указание на лечебное средство.

Каждый человек, которого касается достаточно интенсивное страдание или довольно мучительный провал, когда подрываются основы его актуального психического созвездия, почувствует тщетность своих многочисленных желаний и ту незначительность, которую они принимают, когда перед угрозой крушения, слышится основное желание. Жизненный порыв готовится к перестроению психической жизни. Экзальтированное воображение рушится; а реальность становится явной. Намечается отношение, противоположное подавлению.

Видя, что он находится на исходе своих ложных средств защиты, человек уменьшает свои притязания. Его тщеславие рушится. Он понимает, в приливе своего жизненного порыва, очевидность ошибки, которая спровоцировала шок, или очевидную слабость, которая мешает ему его переносить. Он чувствует, что у него нет другого выхода, чем поменять коренным образом свое ложное отношение к жизни. Его намерение здраво.

Все знают добрые намерения. Каждый человек также знает конвульсивные усилия, которые поддерживают их и которые обычно обрекают их на провал.

Банализированный человек, эйфорично довольный собой, не страдающий от своей недостаточности, никогда не испытывает в сильной мере потребность изменить свою жизнь, чтобы вовлечься в бесплодные сражения, которые вызываются слишком хорошими намерениями в нервной психике. Его жизненный порыв слишком мал, чтобы шок мог пробудить его; его основное желание больше не возбуждено. Он будет искать только внешние средства.

Намерение изменить недостаточную жизнь является однако одним из самых витальных чувств. Не рождение чувства, а конвульсивное и напрасное усилие решает о распространенной неплототворности хороших намерений.

Однако, у нервного человека часто уже рождение намерения является болезненным чувством. Намерение нервного человека не пробуждает в достаточной степени его основное желание, жизненный порыв. Оно в конечном итоге только экзальтирует его воображаемую виновность. Нервный человек тщетно отражается в своем едва пробудившемся намерении. Усилие для его реализации рискует остаться тщетным. Хорошее намерение нервного человека не является реальностью; оно часто представляет собой всего лишь тщеславную фантазию.

Но если, напротив, намерение, вызванное страданием, доходящим даже до жизненных корней, может в действительности пробудить основное желание (жизненный порыв, который у нервного человека трансформировался в витальную вину), то эта вина, возникшая от подавления, проникнет в него. Он будет чувствовать себя целиком обвиняемым жизнью, и это постепенно пробудит искреннее желание оправдаться. Он больше не будет сдерживать свое желание изменить внешнюю видимость, свой способ действовать. *Любое изменение поведения в конце концов окажется невозможным, пока секретно продолжают искаженные мотивы;* так как эти продолжающиеся ложные мотивы в конечном итоге будут определять действие и сделают усилие конвульсивным и тщетным. Человек, в достаточной мере подорванный шоком, чтобы его тщетное оправдание рухнуло и его витальная вина могла выйти из своего укрытия, будет испытывать позитивное превращение своих желаний, определяющих его действия. Многочисленные и паразитарные желания исчезают, их ложная переоценка становится очевидной, рушатся основы этих ненужных желаний и категории оправдывающей ложной мотивации (если только крушение стремлений и экзальтированных амбиций не вызовет тревогу заброшенности, суицидальные идеи). Энергия, до настоящего времени находившаяся во власти многочисленных желаний, освободится и снова сконцентрируется в основном желании. Может случиться так, что эта трансформация, эта внутренняя революция приводит к благоприятному и радикальному изменению всего психического созвездия, даже без терапевтического вмешательства. Но, как правило, нервный человек, предоставленный самому себе, будет экзальтировать свою воображаемую виновность, которая в свою очередь пробудит другие тенденции ложной мотивации вместо того, чтобы заставить их исчезнуть. Нервный человек снова еще больше конвульсируется. Провал его намерения изменить жизнь только ухудшает его состояние.

Экзальтация виновности, ложное морализаторское стремление изменить свою жизнь периодически повторяется в каждом нервном человеке; она почти всегда предшествует ухудшению его состояния, вызванному досадными событиями. Именно морализм слишком хороших намерений, а вовсе не событие является истинной причиной аггравации. Плачевный провал конвульсивного усилия увеличивает отчаяние и рискует вызвать массивное увеличение этой патогенной причины, которой является ложное самооправдание. Можно легко увидеть, что слишком хорошее намерение и его крушение не представляют собой не что иное, как самое характерное проявление любого нервного состояния: чередование напряженного усилия к подъему, за которым следует падение.

Нервный человек, поскольку он постоянно несет в себе, в более или менее экзальтированной форме, свое ложное чувство вины, постоянно находится в состоянии хорошего болезненного намерения. (Даже в периоды реального или воображаемого падения его преследует напряженное намерение, экзальтированное стремление. Именно оно ингибирует его попытки неистовства, и появляется в конечном итоге, требуя ответного напряженного усилия к подъему.)

Четыре тенденции ложной мотивации: подавленная виновность и сублимации, тщетно, сентиментально, обвинительно экзальтированные в сумме являются только выражением этого воображаемого намерения, которое становится плохим из-за того, что оно слишком хорошее. Бессильное намерение представляет собой другое название для тенденций ложной мотивации. Если не бояться игры слов, на общем корне слов "намерение, тенденция, напряжение", то можно сказать, что намерение - это впечатление, то что пропитывает психику, что ее характеризует, тогда как тенденции - это выражение. Намерения и искаженные тенденции являются выражением экзальтированного напряжения желаний - а следовательно экзальтированного воображения - проявлением психической энергии, конвульсивной амбивалентным образом (морализм-аморальность) и ставшей бессильной.

Слишком хорошее намерение является не суггестивной сублимацией в полном смысле слова. Оно представляет собой жизненное недомогание больного человека; оно является конвульсивным желанием изменить свою жизнь и выполнить свою задачу. Она - причина его навязчивых угрызений, его неуверенности в том, что касается "дозволенного" и "запрещенного". Ее симптомы и делирии выражают только это конвульсивное намерение или конвульсивное усилие избавиться от этого.

Экзальтированное намерение появляется у больного каждый раз, когда его страдание, экзальтированное травмой, кажется ему невыносимым, и оно исчезает, когда пропадает внешний и временный возбудитель его страдания. Нервный человек делает кратковременное морализаторское усилие, чтобы изменить свои поступки, но делает только недостаточное внутреннее усилие, чтобы избавиться от постоянного источника своего страдания: экзальтированных желаний. Он ингибирует стремление бегства от своих амбициозных желаний (материальных и сексуальных) при помощи желаний, стремящихся к возвышенной сфере, вместо того, чтобы очиститься от обеих форм экзальтации. Морализм конвульсивно уничтожает виновные действия вместо того, чтобы освободиться от скрытых мотивов, намеренность которых продолжается в негативной форме навязчивого сожаления, которое рано или поздно взрывается, требуя запрещенного действия, все сильнее перегруженного чувством вины. Поскольку невыносимое чувство вины снова подавляется, то магический круг вновь формируется и сужается.

Когда нервный человек ищет лечения, то он находится в состоянии конвульсивного, воображаемого и тщетного доброго намерения. Речь идет о деконвульсации его намерения, чтобы сделать из него позитивное, живое намерение. Как уже было подчеркнуто, сама природа указывает это лечебное средство; так как когда намерение не является болезненным, а истинным и жизненным, то оно представляет собой не что иное, как справедливый и действенный мотив, противоположность подавлению, вызванному ложной мотивацией.

Чтобы деконвульсировать намерение больного, чтобы достичь его стойкости, следует на месте второстепенного и внешнего страдания, на месте внешней и случайной травмы, которая легко забывается, пробудить постоянное и внутреннее страдание, основное страдание, мучительное и благотворное чувство вины, освобожденное от комплекса, которое не будет иметь другого выхода, как сублимационное разложение.

Речь идет о том, чтобы отвлечь внимание больного от его напряженного усилия к действиям, и сосредоточить его на детерминантах его извращенных поступков: на его экзальтированных желаниях и на основе его экзальтированных желаний, категориях ложной мотивации.

Необходимо успокоить воображаемое и тщетное намерение, морализаторскую экзальтацию чувства вины. Пока намерение является ложным и театральным, больной амбивалентно останется лицом к лечению.

Но было бы капитальной ошибкой успокоить ложную мотивацию, внушая больному, что он не виновен, это его лишь бы банализировало. Речь идет о том, чтобы успокоить ложное чувство вины, показывая больному, и каждый раз снова ему доказывая, тайное происхождение всех его болезненных состояний: витальной вины. Нужно искать эту истинную вину - слабость по отношению к жизни и ее задаче - в глубине каждой ежедневной травмы.

Основная сложность, которую предстоит преодолеть с помощью лечения, заключается в том факте, что навязчиво повторяемые взлеты и падения, слишком хорошие намерения, обреченные на провал, являются не только индивидуальными ошибками оценивающего рассудка. Биологически укрепленные в рассудке вида, вызванные аффективным ослеплением и недостаточным объяснением экстрасознательных мотивов, ошибки ложной мотивации встречаются в каждом культурном цикле и в каждом социальном сообществе. Они конкретизированы в ложном коллективном оправдании в форме царящих идеологий: морализма и аморальности. Эти амбивалентные идеологии поддерживают нездоровую амбивалентность индивидуумов и становятся, в ситуации лечения глубокой причиной сопротивления. Больной человек боится быть вовлеченным в эксперимент, изолирующий его, противопоставляющий его всем попыткам моарлизаторского и аморального псевдо-освобождения.

Больной человек, даже если он ищет поддержки, все равно защищает от терапевта свою болезнь, свою уязвимую тщетность. Сознательно он надеется на выздоровление, так как он слишком сильно страдает от своих амбивалентностей, и сознательно он слушает терапевта; но подсознательно, он сопротивляется. Он не хочет выздоравливать, так как боится быть лишенным своей воображаемой единственной и исключительной значимости, своей чувствительности, своей продуктивности, своей оригинальности, которые являются всего лишь признаком его противоположного конформизма. Подсознательно нервный человек сопротивляется изо всех сил своего тщеславия. Это подсознательное сопротивление создает из терапевтического эффекта центральную травму; именно благодаря ей вся болезненная интерпретация, ложная мотивация концентрируется на терапевте, атакуя или его характер, который предпологаемо должен быть совершенным, или лечебную концепцию, которая многими принимается за теорию.

Терапия не могла бы достичь цели, если бы терапевтический шок не сосредотачивал бы ложную мотивацию на терапевте, создавая, если можно так выразиться фиксационный абсцесс.

3. Контакт

Больной человек приносит в терапевтическую ситуацию четыре тенденции ложной мотивации. Ситуация определяется не только - как это поддерживается психоанализом - сопротивлением и переносом, то есть обвинением и сентиментальностью, но и совокупностью категорий ложной мотивации.

1) *Определение с помощью виновности.* - Больной человек знает, или по меньшей мере способен признать свою амбивалентную склонность, с одной стороны к экзальтации своих чувств вины, и с другой стороны к их подавлению. Он экзальтирует свои чувства вины, потому что он чувствует, что здесь прячется что-то правдивое: витальная вина; он подавляет свою виновность, потому что чувствует, что эта тенденция к самообвинению лжива, что она содержит что-то искаженное: экзальтацию. Больной человек знает о своем чувстве вины не сознательным и логическим образом, а в виде своего экзальтированного страдания. Он страдает от того, какой он есть, не отдавая себе отчет в этом внутреннем и неистощимом источнике своего страдания. Следовательно необходимо перевести его ложное чувство вины, его экзальтированное страдание на язык психологии, который способен определить, что истинно в его виновности, а что обманчиво. Речь идет о том, чтобы разложить обманчивую и амбивалентную конвульсию: театральную экзальтацию, которая требует подавления, и заставить больного признать, что истинного содержит его чувство вины: витальную вину (в принципе ложное отношение, не принятие своих границ). Он признает ее, понимает ее и принимает ее. Он принимает ее, потому что именно факт поиска терапии является признаком того, что он слишком страдал от извращенного рассудка, которым он одержим, чтобы не испытывать облегчение от присутствия на своем поражении. Этот акт понимания и принятия в принципе даже является условием выздоровления; он представляет собой потенциальное выздоровление. Разумеется важно, чтобы этот акт не был только вербальным, но чтобы он эмоционально проникал во всю сущность, доходя до подсознательных

глубин и до степени сверхсознательного подъема, на который больной человек по мере своей деконвульсии проявит себя способным.

Поскольку именно псевдо-виновность привела больного к лечению, даже если и в амбивалентной манере, то именно трансформация этого ложного чувства вины в витальную вину, привяжет анализируемого к лечению. Лечебное превращение искаженного чувства вины в истинную вину делает привязанность (вначале испорченную амбивалентным сомнением) подлинным и длительным. Пробудить витальную вину, следовательно, является способом войти в витальный и глубокий контакт, в здоровый перенос между аналитиком и больным. Самая серьезная ошибка, которую можно совершить, это желание установить контакт, экзальтируя ложную виновность, или банально ее успокаивая. Контакт, может быть установлен легче таким образом, но аналитик неизбежно испытает шок при возвращении тщеславия больного, которое рано или поздно разрушит слишком поверхностные лечебные отношения. Витально глубокий контакт, основанный на том, что глубже всего спрятано и ускользает от понимания, основанный на витальной вине, может быть установлен только при помощи психологического подсчета. Подсчет позволяет заранее знать основную и законную структуру деформации, в которой индивидуальное и случайное созвездие является только особым случаем. Чтобы понять каждый индивидуальный случай, не обязательно в деталях знать историю происшествий, историю травм. Эта индивидуальная и случайная история в достаточной мере прояснится - как мы это увидим позже - при помощи расшифровки сновидений. В некоторых случаях можно - если больной испытывает необходимость говорить и довериться - поговорить об истории его юности. Но в основном, предписывается - после достаточного ориентирования в прошлой и настоящей ситуации - открыть психику больного, выбить при помощи шокового удивления его сопротивляющуюся тщетность, обрисовывая ему общую картину ложной мотивации и ее категорий, с уверенностью в том, что увлеченный до глубины души, анализированный человек будет познавать себя в этом. Пробуждается его самый насущный интерес, он видит, что его понимают и разгадывают, он доверяет. Он привязан к лечению, и может от него избавиться только ценой настолько сильной экзальтации своей виновности, и настолько решительного подавления - важность которого он начинает понимать - что он не легко на это решится. Но несмотря на то, что тщетность частично отступила перед этим шоковым удивлением, видя, что она разоблачена, она еще далеко от того,

чтобы быть полностью побежденной. После первого периода, часто наполненного энтузиазмом, появляется шок от возвращения тщетности. Тщетность укрепляется, если можно так выразиться на второй линии защит, и там баррикадируется. Она начинает сопротивление, концентрируясь на терапевте, обвиняя его, недооценивая его. Именно с этого момента, начинается истинная работа освобождения от комплекса: терпеливое доказательство при помощи психологического подсчета, доказательство, заключающееся в анализе ежедневных травм и в их сокращении, чтобы раскрыть основную и внутреннюю причину, вину больного: тенденцию ложно мотивировать все, что он делает, и все, что с ним происходит.

2) *Определение при помощи обвинения.* - Чтобы могло произойти понимание этой вины и принятие себя самого, как виновного и ответственного, необходимо прерывать любую возможность извращенного облегчения, которое изыскивается посредством проецирования вины. Но речь не идет только о том, чтобы помешать анализируемому человеку проецировать свою вину на окружающую среду, также важно достигнуть того, чтобы вина не проецировалась в прошлое: в детство, на родителей. Лучше, чтобы обвинение, пока оно в достаточной мере не приостановлено, сосредотачивалось на терапевте. Внешняя причина болезни - последовательные травмы - распространяется по всей жизни больного вплоть до событий его самого раннего детства. Его родители сами были нервными или банализированными людьми и не сумели дать ребенку духовную пищу и пищу для рассудка, в которой он нуждался, чтобы развиваться здоровым. Также больной человек ненавидит часто подсознательно и смертельно своих родителей, ненависть не является малейшей причиной его чувства вины, и она часто скрыта чрезмерной сентиментальностью по отношению к ним. Как только разоблачается связь его страдания с ложным воспитанием и травмами, полученными в детстве, больной человек, если ему это позволить, будет склонен к разрядке, обвиняя своих родителей, или же, *амбивалентно*, и в силу своей сентиментальности, он будет защищать их с ожесточением и сопротивлением, которые только бесполезно усложнили бы лечение, если прямая атака была испробована в результате чрезмерной важности, придаваемой травме, полученной в юности. Внешние причины болезни уже в прошлом, и не могут быть изменены. Последствия этих случайных причин, детерминанты - воображаемое бегство от реальности и тенденция к ложной мотивации - еще свежи в деформированной психике, они если можно так

выразиться, являются осадком прошлого; они присутствуют, живут, а следовательно доступны и могут изменяться. Только атака на эти живые детерминанты может начать процесс выздоровления. Но ошибочно было бы думать, что таким образом можно полностью избежать сопротивления, обвинения, направленного против терапевта. Сопротивление анализируемого является следствием его раненого тщеславия. Чем сильнее тщеславие, делающее уязвимым, тем интенсивнее сопротивление. Однако, тщеславие никогда не является так интенсивно негармоничным, как при лечении. Оно будет направлена против терапевта, и постарается восторжествовать, недооценивая его. Техника терапии, кроме ее теоретических основ, заключается в умении предотвращать вред от недооценки. Размер тщеславия больного не зависит от терапевта; от него зависит способ борьбы с тщеславием, чтобы победить его, независимо от степени его распространения. Вполне понятно, что техника и теоретическая наука не должны разделяться; наука предоставит лучший инструмент для техники. Психологический подсчет, намеренно употребленный, должен в принципе победить любую форму тщеславия (за исключением его бредовой эволюции, которая делает его непригодным для концентрации и понимания). Но никакой терапевт не сумеет реализовать идеал. В некоторых довольно редких случаях - особенно если страдание, вызванное чувством вины, не глубоко, не достигло еще своего пика и если рана от тщеславия (терапевтическая необходимость) ощущается слишком сильно - то может случиться так, что девалоризация наступает раньше, чем устанавливается достаточный контакт, позволяющий контролировать и сдерживать сопротивление. Больному может удастся с помощью своих уловок победить свое чувство вины, вызванное бегством от духовной и возвышенной сферы, которую открывает ему терапия. Он сумеет удовлетворить свой тщеславный триумф над терапевтом, спасаясь от терапевтической ситуации, с помощью бегства.

Практика показывает, что эта опасность - которая не является случайной, а в основном вызвана природой болезни и терапии - почти всегда преодолима. Обычно, можно сказать, что терапия, которая не борется открыто - даже с необходимой ловкостью - с центром психической деформации, с ложной мотивацией, а которая довольствуется атакой на внешние и случайные причины, травматические события, произошедшие в детстве, встретит на своем пути сопротивление, еще более опасное для контакта. Оно не будет вызвано только тенденцией к обвинению и к девалоризации (следовательно к психической деформации анализируемого): оно будет иметь естественный компонент,

который легче защищается больным. Объяснение прошедших травм и их отношения с символическими остатками (нынешними симптомами), вместо того, чтобы быть законным, будет более или менее спекулятивным. Анализируемый, недостаточно убежденный, найдет удовольствие в убеждении, что он в первую очередь защищает не свое тщеславие, а объективное явление, отношение в семье родитель-ребенок, рассматриваемое и ошибочно принимаемое за табу правилами приличия, но неправильно растолкованное психоанализом как псевдо-мифологию только сексуального характера. При помощи атаки на случайную причину (предполагаемую сексуальную травму), сопротивление будет менее сосредоточенным, но более оправданным, и неподозреваемое тщеславие будет продолжать укрепляться в новых убежищах. Лечение рискует стать нескончаемым, и если больной не прекратит его, то велика опасность, что он впадет в бесплодное внутреннее обсуждение, которое будет продолжаться, не находя выхода, в ретроспективном воображении больного. Вместо того, чтобы успокоиться, воображение в конечном итоге экзальтируется вокруг терапевтической травмы, которая побуждает анализируемого тревожно пережить прошлое, чтобы обнаружить в нем предполагаемые причины его настоящих слабостей. Психологический расчет и его законы, напротив, не оставляют в конечном итоге анализируемому никакого поля для воображаемых дискуссий. Настоящая техника терапии заключается в сосредоточении сопротивления, чтобы как можно быстрее и как можно решительнее преодолеть его. Опасность, которую включает феномен сопротивления можно победить только при существовании верного средства постоянного наблюдения и контроля за ней. Однако, если психологический расчет употребляется правильно, то сопротивление больного в достаточной степени тормозится, чтобы не проявляться сознательно. У него не существует никакого другого средства проявления, кроме подсознательного выражения. Оно все больше скрывается даже от воображения и в конечном итоге полностью концентрируется в сновидении больного. Средство его контроля, извлечение из его подсознательного убежища, следовательно, заключается за пределами психологического расчета, в толковании сновидений. Вполне понятно, что сопротивление, поскольку оно не представляет ничего иного, как обвинительное тщеславие, сосредоточенное на терпевте, составляет основную проблему лечебной техники. Решение этой технической проблемы можно детально изложить только при помощи развития двух теоретических вопросов, которые остается рассмотреть: один - толкование сновидений; и другой -

значение и важность травмы. Но, прежде чем приступить к этим вопросам, следует закончить изложение отношений, созданных аналитическим контактом, определенным четырьмя тенденциями ложной мотивации.

3) *Определение с помощью сентиментальности.* - Чем дальше продвигается лечение, тем лучше больной освобождается от своей ненависти и от своего обвинения (даже от своей ненависти ранее подавленной и затрагивающей семейные отношения, так что необязательно заниматься исключительно этим). Это уменьшение ненависти является признаком того, что нервный человек начинает понимать и брать на себя свою актуальную вину, которая не является случайной и внешней, а основной и внутренней, его ложное отношение к жизни. Он меньше подавляет. Он меньше проецирует и меньше обвиняет. Но понимание и принятие своей вины еще очень хрупки, чтобы он подсознательно не искал других уловок. Он находит их в сентиментальности. Его ненависть и его обвинение были только потребностью в экзальтированной любви, в которой он нуждался с юности. Его желания экзальтировались потому, что он не нашел у своих родителей духовной пищи, истинной любви, строгой нежности без капризов, душевной теплоты. Его желания убежали от реальности еще в детстве из-за экзальтированного отказа или из-за экзальтированного удовлетворения (избалованный ребенок). Отказ от недисциплинированности, требуемый воспитанием не был реальным и сублимативным, а подавляющим притворством. Тайно, на протяжении всего детства, больной продолжал удовлетворять свои желания при помощи воображаемого бегства от действительности. Экзальтированные и реально неудовлетворенные желания ребенка амбивалентно расчленились на экзальтированную потребность ласки (экзальтированная и воображаемая сублимация) навязывая, под страхом виновности, подчиняющую покорность воспитательным запретам, и на потребность в немедленном удовлетворении (причины упорного неподчинения). Наметились тенденции к возвышению и к падению. Но любое экзальтированное и неудовлетворенное желание конвульсируется и трансформируется в тревогу. Бунтарское непослушание ребенка содержит зачатки агрессивной тревоги. Последняя раскроется в дальнейшем в постоянное обвинение, которое является ставшей негативной потребностью в нежности. Чем больше терапия настаивает на том, чтобы больной реализовал или сублимировал свои желания, вместо их экзальтации или воображаемого удовлетворения, как он это делал в детстве, тем сильнее обвинение,

агрессивная тревога, ненависть, вызванная прошлой фрустрацией любви, будет иметь тенденцию превратиться в начальную форму, в экзальтированную потребность любви и уважения, в возросшую сентиментальность, процируемую на аналита-перевоспитателя. Это можно понять, так как по мере того, что он доверяет, что чувствует, что его понимают, верит, что объективная связь должна установиться. Терапевтическая ситуация как объективная и объектирующая связь не достаточна уже для него. Для него, бывшего ребенка, жаждущего ласки, каждая связь между людьми - и особенно перевоспитывающий контакт - должен являться воссозданием любви и уважения. Стойкое обвинение, направленное против аналита, по мере трансформации в сентиментальную приверженность лечению, в конечном итоге угрожает вновь стать тщеславием. Больной думает, что никакой другой пациент так не понял как он, не имел такой же способности также ясно в себе видеть, как он. Он требует комплиментов сверх меры, чтобы с ним обращались как с любимцем. Следует очень внимательно отнестись к этим указаниям, которые выражаются при помощи поведения и особенно посредством сновидений. Нужно расценивать их как случай объяснения при помощи психологического расчета. Не принимая их во внимание, разочарованная сентиментальность рискует стать тщеславным бунтом. Сентиментальность - это только маска сопротивления. Терапевт, который будет защищаться против сентиментальности больного, более или менее аффективно отталкивая ее, добьется только ее новой трансформации в ненавистное обвинение. Но не менее сильная ошибка уступить сентиментальности, и заставить себе вовлечься. Аналитик рано или поздно увидит, что он сведен к роли сообщника, который для спасения контакта должен, по воле больного, льстить и культивировать его тщеславие. Не существует другого способа разложить сентиментальность, как свести ее к помощи психологического расчета к реальной способности душевной связи. Концентрация сентиментальности на терапевте - это благоприятный знак, если она используется сознательно. Она указывает на то, что больной готов разрешить руководить собой, что переход - условие продуктивного сотрудничества - установлен, даже если и в еще недостаточной форме. Важно, чтобы аналитик имел достаточно человеческой теплоты, чтобы помочь больному трансформировать озлобленность, субъективно подогреваемую или охлаждаемую в подлинные и объективные чувства, обеспечивая субъекту в стадии выздоровления, лучший шанс установить сердечный контакт с каждым и теплую связь со своими близкими.

4) *Определение при помощи тщеславия.* - Можно получить это объектированное чувство только следуя до конца за порочным и inferнальным кругом, который стягивает психику больного, атакуя сентиментальность, которая у больного для него самого: тщеславие. Сопротивление, даже если оно принимает форму обвинения и сентиментальности не что иное, как тщеславие. Контакт, пока виновность не полностью трансформировалась в переносимую витальную вину, сам по себе остается тщеславным, он остается стойким. Больной амбивалентен по отношению ко всему; он амбивалентен по отношению к болезни, но также и к терапии и к выздоровлению. Он желает выздороветь, то есть стать другим, но желая остаться тем, кем он есть; он защищает извращенное существо в нем, которое он конвульсивно, тщеславно любит. Все эти гримасы обвинения и сентиментальности по отношению к терапевту одновременно означают конвульсивную любовь к извращенному я: они являются мольбой, чтобы прекратить терапевтическое преследование; оно не обязательно, он уже все знает, он уже излечился. Но эта мольба является подсознательной; любое существо, сознающее свою болезнь стремится лучше понять. Подсознательное сопротивление, следовательно, является признаком тщеславного и центрального отношения, которое заключается в том, чтобы вообразить при малейшем успехе, выполнение решающего усилия, исключительно точного и вообразить, что заслуга превосходит заслуги всех других людей. Именно таким образом при малейшем прогрессе, больной рискует впасть в самовосхваление, которое подчиняет его до такой степени, что замедляет прогресс. Он перестает двигаться вперед, он регрессирует. *На каждом шагу, победа над тщеславием угрожает трансформироваться в тщеславие над победой.* Никогда не будут обращать внимание на эту опасность. Ее губительное последствие заключается в том, что каждое новое обострение рискует быть перегруженным чувством вины тем сильнее, чем надежда окончательного выздоровления была тщеславнее экзальтирована. Чрезмерное чувство вины представляет собой форму тщеславия. Оно является точной мерой разочарованного тщеславия. Из этого уравнения следует, что эти две формы тщеславия взаимозаменяемы. Но из напрасной игры этих перестановок не следует никакого лечебного прогресса. Терапия продвигается по мере того, как анализируемый может контролировать сам экзальтацию своей надежды, а следовательно опасность обострения; но он не сумел бы это делать, если бы, предварительно терапевт

неоднократно не предвидел бы опасность, до того как обострение не начнется (то есть временное появление того или иного симптома). Именно толкование сновидений дает возможность такого предвидения, так как сны выражают все, что происходит в самом секретном воображении, до того как секрет может принять точную форму в повседневных мечтаниях. Следовательно, толкование сновидений позволяет не только контролировать сопротивление, но и предвидеть его. Временное обострение какого-либо симптома, вызванное рецидивом виновного тщеславия объявляет о себе в сновидениях достаточно длительное время до реального рецидива, который проявится в точный момент, когда под шоком неблагоприятного события, рухнет тщетная надежда. Обострение и экзальтированная виновность являются для больного предлогом в разочаровании в терапевтической работе, способом обесценить терапию, они являются формой сопротивления, направленного против терапевта - но которая часто выражается только при помощи уменьшения порыва по отношению к терапии - рецидивы (при условии, что экзальтация чувства вины добавляется) являются испытыванием, стараемым тщеславием больного с целью избежать терапевтического преследования, демонстрацией бесполезности усилия.

Напротив, когда тщетное чувство вины не привязано к провалу, и рецидив сопровождается осознанием ошибки, возросшего порыва к усилию, то вполне понятно, что рецидив не является симптомом сопротивления, а более или менее естественным происшествием. Именно потому что больной больше не отвечает на это при помощи тщеславной и виновной конвульсии, рецидив сам содержит первую надежду на выздоровление. Никакая ошибка не была бы более серьезной, чем упрекать больного в его рецидивах, быть из-за этого обиженным. Эта обида - контр-перенос - происходит у терапевта только в том случае, когда он смутно и аффективно чувствовал сопротивление больного, вместо того, чтобы объективно распознавать причины этого, если терапевт слишком неопытный не доверяет своему расчету. если толкование сновидений не смогло распознать мотивы возросшего сопротивления, способного трансформироваться в рецидив, то сам терапевт должен принять ошибку под свою ответственность и не существует никакого другого способа исправить ее, как спокойно возобновить работу, стараясь пробудить больного от его тщеславного самогипноза, обращаясь к сознательному существу в нем. Следует, следовательно, объяснить и вновь объяснить подсознательные причины каждой новой тщеславной стагнации, каждого обострения, которое как и любой другой симптом исчезает как только его

мотивы стали сознательными, как только магический круг разорван и его опора, ложная мотивация разрушается. Исчезновение симптомов происходит исключительно при помощи выявления их основных причин, которыми являются мотивы. Это исчезновение - это следствие расчета удовлетворения. По мере того, как больной учится связывать свое патологическое страдание с ложными мотивациями, которые определяют его, уменьшаются соблазны тщеславных удовольствий вследствие того, что они признаются как образующие виновных неудовлетворений. Вредное определение, вызванное многочисленными тщеславиям уменьшается, и на его месте проявляется благотворная решимость побороть чрезвычайное тщеславие и его ложные обещания удовлетворения, чтобы прийти к уже не воображаемым и обманчивым удовлетворениям, а к реальным, взвешенным и длительным.

Следовательно, терапевтическая ситуация характеризуется тем фактом, что она становится для больного центральной травмой вокруг которой сосредотачиваются и образуются ложные подсознательные тенденции. Ложные тенденции, с помощью которых больной до настоящего времени хотел бороться с жизненной травмой, с травмой, которую представляла для него жизнь. Анализ - это первая травма, которую больной охотно переносит, и которую постоянно может контролировать терапевт. Анализируемый постепенно лучше учится идти навстречу этой центральной травме, а следовательно навстречу каждой жизненной травме не только с разрушительными силами подсознания, но и с конструктивными силами сознания, направляемыми пониманием имманентного этического императива, сверхсознательно предвосхищенным и биогенетически основанным.

Чем дальше продвигается лечение, тем исчезают конвульсирующие амбивалентности. Терапия становится для больного жизненной необходимостью. Это первая жизненная необходимость, которую он умеет удовлетворять, и которая наполняет его естественной и деконвульсивной радостью. Жизнь теряет для анализируемого свой травмирующий характер. Он перестает ее ненавидеть или конвульсивно любить. Он начинает в здоровой манере ей наслаждаться.

Чтобы терапия могла стать этой травмой, распространяющейся на жизнь, необходимо, чтобы больной принес рассказ о своих ежедневных травмах, о настоящих событиях, о ситуациях которые нашли его дефективным, которые раздосадовали его, вызвали его раздражение, ранили его, и которые рискуют экзальтировать его воображение бегства

и его оправдывающую ложную мотивацию, его ложно интерпретируемые фантазии. Вовсе не нужно, чтобы травмы были драматическими событиями - если однако больной предоставлен им, их оценка очевидно необходима - но преимущественно это будут мелкие ежедневные происшествия, незначительные на вид, едва уловимые факты, не содержащие вглубине никакой злобной энергии, не более чем раздражение, поверхностные - которые еще больше, чем большие события - часто воспринимаются как облегчение - поддерживают дрожание психики больного.

Это все время новое объяснение подсознательного действия в конечном итоге справляется с ложным оправданием и увертками, с бедным и обманчивым стереотипом ссылаемых мотиваций. Анализируемый учится лучше избегать ложные реакции. Необходимость конвульсивно успокаиваться при помощи тщетного ложного оправдания уменьшается. Ложная мотивация становится ненужной. Она даже уступает в своей фиксированной форме симптома. Она может быть сведена к степени, уже не патогенной, позволяющей симптому, лишенному своей пищи, разложиться, распасться.

Как заключение: Анализ - это травма для тщеславия больного. Именно в этом заключается его эффективность. И эффективность была бы еще больше, если бы подсознательно категориальное сопротивление постоянно не усиливалось бы тревогой перед публичным мнением и его осуждающими лозунгами в соответствии с которыми интроспективный самоконтроль всего лишь потеря времени и энергии, эгоцентричности, которая отвлекает от участия в социальной жизни (понаблюдайте за его пупком). Правда в том, что время и энергия теряются при помощи озлобленного пережевывания одного и того же, и что самая высокая степень участия в социальной жизни - это устранение озлобленных чувств, необходимое условие общительности.

Без коллективного основания сопротивления, анализ бы с легкостью продвигался. Так как анализ умышленно учит анализируемого всему тому, что он сверхсознательно знает сам, индивидуальному созвездию его сопротивлений. Доказательством тому служит, что он выражает их ежедневные вариации при помощи символики своих ночных сновидений.

4. Сновидение

Тщеславное сопротивление сосредоточено в выражении сверхсознательной жизни: в сновидении. Подсознательная реакция больного по отношению к терапевтическому вмешательству должна контролироваться посредством толкования сновидений.

Сон, продукт воображения, является признаком того, что экзальтированное воображение помешало господству над ежедневными возбуждениями, что сознательное не смогло выполнить свою естественную функцию, которая заключается в первом пересмотрении возбуждений, в глобальной попытке упорядочить их, чтобы облегчить интеллектуальную проекцию возбуждений, формирование проекта. Именно потому что ежедневное воображение не сумело реализовать свою естественную цель (господство над возбуждениями), психика, которая остается в состоянии возбуждения, продолжает свою работу во время сна. Сон, который можно охарактеризовать посредством исключения сознательной функции, является одним из *бессознательных* состояний, в котором воображение выражается на метафорическом, символическом, онейроидно скрытом языке. Символизм сновидения, подобно мифическим символам, загадочно выражает в форме головоломки, мотивирующие намерения (намеренное содержание, общее у воображения с другими психическими функциями - интеллектом, рассудком, волей и т.д.). Функции, в их совокупности, представляют собой интрапсихическую работу. Дневное размышление старается господствовать над сдержанными возбуждениями, желаниями, или с помощью их реализации, или посредством их оценки, которая должна привести к гармонизации. Дневное размышление продолжает и в ночном сновидении свое усилие гармоничного освобождения и определяет таким образом значение приснившихся образов, в которых ложные и правильные мотивации перепутаны. Поскольку психологическому подсчету свойственно отделять ложное от истинного, то психологический подсчет является ключом к толкованию сновидений.

Возможность толкования сновидений является одним из важнейших открытий психологии. Это открытие - заслуга психоанализа. Однако, психоанализ утверждает, что ключом к толкованию сновидений является понимание сексальной символизации. Сновидение больного - в соответствии с психоанализом - выражает при помощи сексуальной символизации преимущественно травмы, полученные в детстве.

"Сексуальные комплексы" сами представляют собой болезненные симптомы. Они являются сложными скоплениями ложных детских интерпретаций реальности. Они должны анализироваться как любой симптом, вместо того, чтобы рассматриваться как

ранее существовавшие сущности. То, что прячут комплексы (сложность типичных ответов на травмирующие ситуации детства) - это то, что скрывает любой симптом: девиация естественных желаний и их ложная оценка, ложная мотивация: тщеславие, вызванное чувством вины, и сентиментальность, вызванная обвинением. Они искажают все человеческие отношения, а также отношения между родителями и детьми. Вопреки сексуальной интерпретации (Эдипов комплекс) психоанализ содержит истинную причину психической болезни, ложную мотивацию. Он говорит о ревностном обвинении, направленном против одного из родителей; о сентиментальности, которая искала нежность в форме союза с родителем противоположного пола; о виновности, полностью сексуализированной; и ему также знакома форма тщеславия, нарциссизм.

Индивидуальная психология Адлера говорит о виновности в виде чувства неполноценности, о тщеславии в форме сверхкомпенсации, об обвинении в виде недооценки и осентиментальности в форме поиска жалости, которую больной хочет получить при помощи своих симптомов.

Все элементы настоящего понимания находятся в психоаналитических теориях, которые слишком усложнены, особенно у Фрейда псевдо-мифическим измышлением, заботой которого является доказать преобладание сексуального побуждения. Эта сексуализированная символизация в конечном итоге приводит к полному непониманию эволюционного и духовного побуждения с культурной функцией.

Ничто не является столь ошибочным, как объявить - как это делает психоанализ - что подавление детской сексуальности является причиной любого культурного усилия. НИКАКОЕ ПОДАВЛЕНИЕ НЕ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К СУБЛИМАЦИИ. ПОДАВЛЕНИЕ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ ТОЛЬКО К РАЗРУШЕНИЮ, КОТОРОЕ МОЖЕТ ДОХОДИТЬ ДО ПСИХОЗА.

Тот факт, что истинная тема сновидений, ложная мотивация, содержится в скрытой форме в психоаналитической теории, объясняет каким образом может быть возможно, что психоанализ при помощи своей искусственной и сексуализированной символизации мог основать лечебное вмешательство на попытке объяснения сновидений.

Существует метод проверки, в принципе очень простой, чтобы различить подлинную символизацию от искусственно добавленной символизации.

Постоянное значение подлинной символизации, психологический подсчет, должен быть способен на толкование сновидений любого человека, который излечен или

неизлечен. Так как лечение посредством психологического подсчета ничего не добавляет к подсчету, который бессознательно совершается в психике каждого человека. Объяснение сновидений при помощи мотивирующего подсчета должно, следовательно, быть в состоянии наглядно показать, что любое ежедневное мечтание и любой ночной сон содержат следы нынешних воображаемых бегств (материальных, сексуальных и псевдо-духовных) и их ложных оправданий. Отсюда следует, что исключительно сексуальный нюанс, который констатируется психоанализом, не находится в подлинном символизме сновидения, а что он добавляется посредством ассоциаций анализируемого, привыкшего искать в своей прошлой жизни сексуальные происшествия, которые, как предполагается, являются травмирующей причиной его нынешнего состояния. Критерий предложенной проверки заключается, следовательно, в том факте, что каждое сновидение должно объясняться без прибегания к ассоциациям (несмотря на то, что ассоциации часто полезны и позволяют расширить объяснение, при условии, что они - вместо того, чтобы быть свободными, не находятся под влиянием подчинения сексуализирующей доктрине). Не добавляя никакой искусственной символизации к истинной символизации, сновидение излеченного нервного человека не может существенно отличаться от сновидения невылеченного нервного человека, и даже от сновидения любого человека. Сновидение излеченного нервного человека самое больше может отличаться некоторым уточнением психологического подсчета.

Проверка, которая предлагается для оправдания введения ложной мотивации на месте сексуальной символизации, употребляемая психоанализом как ключ к толкованию сновидений - является документацией, необходимым для этой проверки, и которая может быть предоставлена только посредством толкования достаточного количества сновидений вылеченных и невылеченных субъектов, что показывает, что все сновидения содержат одну и единственную тему символизации - конфликт мотивов. Можно позволить, чтобы не опираться только на утверждение, привести за неимением более подробного доказательства, пример, полученный при толковании очень короткого сновидения, но выбранного в надежде, что его толкование сможет пробудить чувство достаточно серьезной вероятности, чтобы серьезно принять во внимание.

Проблема, возникающая при толковании сновидений, заключается в том, чтобы найти каким образом метафорическая вариация данного сновидения выражает постоянное значение всех сновидений, ложную мотивацию.

Вот фрагмент сна. Он был сделан больным после примерно двенадцати сеансов. Он выражает поддержку лечения больным. Ошибочно было бы думать, что эта поддержка окончательна.

Человек, видящий сон, вооружен тростью или дубиной. Он хочет ударить дубиной, но это всего лишь стеклянная палка.

Пациент приводит как ассоциацию, что речь идет о раненом солдате, который опирается на трость. Он прибавляет, что его не нужно расценивать как героя. Истинные герои - это те, которые анонимно работают на заводах.

"Человек, смотрящий сон, видит себя вооруженным тростью." По ассоциации - это трость раненого солдата.

Больной отождествляет себя с солдатом, раненым в ногу. Невроз - это форма адаптации к жизни. Больной плохо адаптирован. Он чувствует, что в нем есть что-то неправильное, он хромает. Но "хромает" у нервного больного не его настоящая нога, а его израненная душа, которая определяет его недостаточную походку в жизни, его нездоровое поведение. Раненая нога (позднее мы остановимся на этом подробнее) символизирует, следовательно, израненную душу. Трость поддерживает раненую ногу солдата; а израненную душу нервного больного, опора, помогающая ему как хорошо, так и плохо идти по жизни, поддерживает его одновременно экзальтированная и ингибированная вера, его тщеславие.

Человек, не имеющий привычку толковать сновидения, может сказать, что тщеславие здесь введено произвольно. Но однако вполне понятно, что никто не заставляет видящего сновидение представлять себя в виде раненого человека, только его собственное воображение о себе самом. Однако, раненый человек - это ослабленное существо, и его собственное воображение говорит ему, что он ослабленное существо, это может быть только признанием его собственное слабости, его чувства вины. Эта слабость, это израненная душа компенсированы тростью. При помощи своей трости, ему не только удастся идти; он умеет защищаться. Его трость - это оружие, дубина. Он воин. Он раненый солдат. Следовательно, он храбро защищался, и его ранил враг. Признание своего чувства вины немедленно подавляется, трансформируется в обвинение. Причина его ослабления не заключается в нем самом, она вызвана врагом.

Опираясь на свою трость, он в достаточной степени тщеславен, чтобы представлять себя героем. Раненые солдаты, которых мы часто может видеть на улице (в момент первого издания этой книги) расцениваются как герои. Они представляют собой предмет жалости; больной же замещая их место, сам себя жалеет, и требует жалости, которая им оказывается.

До настоящего времени толкование было навеяно психологическим подсчетом. Оно не в достаточной мере подкрепляется деталями сновидения; оно глобально опирается на первый элемент. Вход в толкование всегда заставляет взламывать - если можно сделать такое сравнение - дверь сновидения. Все, что утверждает наглядный тезис, так это то, что дверь никогда не открывается с помощью взлома, а открывается естественным путем, с единственным существующим для всех сновидений ключом (подсчет мотиваций). Нужно, следовательно, посмотреть, помогает ли интерпретация первого элемента, достигнутая посредством знания ложных мотиваций, найти самым естественным образом значение других элементов, так чтобы толкование всех элементов - включая и ассоциации - поддерживали друг друга и образовывали психологически понятное целое, которое представляется как продукт воображения, в котором сновидение является загадочным выражением. Вот пример ассоциации:

"Не следует расценивать солдата как героя. Истинные герои - это скорее те, которые анонимно работают на заводах".

Если больной сентиментально идентифицирует себя с раненым солдатом, и тщеславно с солдатом, принимаемым за героя, то с другой стороны он амбивалентно противится этому отождествлению. Его тщеславие совсем не удовлетворено этим сравнением. Он девалоризирует солдата-героя. Он хотел бы, чтобы его уважали еще больше. Он не выносит того, чтобы эти простые люди, люди, принадлежащие к толпе, которой, как и любой нервный больной, он себя противопоставляет, были, в результате внешней и случайной раны, более уважаемы, чем он сам. Эти простые люди, даже если они и ранены, не являются героями по его мнению. Его рана внутренняя, основная и жизненная, но никто не отдает себе в этом отчет. Он, истинный герой, но в противоположность, солдату-герою, он спрятан в толпе. Он - анонимный герой.

Но это обвинение, с помощью которого больной, сентиментально и тщеславно идентифицируя себя с раненым солдатом, противопоставляет себя с уважаемым солдатом, это ничтожное обвинение выражает одновременно и чувство вины. В соответствии с обвинением, настоящие герои - это не те, кто берут в руки оружие, и

занимаются разрушительной войной, а те, кто анонимно и непритязательно делает свою работу, созидательную работу. Простая и созидательная работа - это именно такая работа, которую больной, высоко себя ценящий, отказывается делать. Он приговаривает себя сам, он выражает обычно подавляемое чувство вины, тщеславно обвиняя раненого солдата, с которым он себя отождествляет. Он сам является раненым солдатом, но который не заслуживает завидной славы; он сам является воином, который не может считать себя героем. Чтобы по-настоящему уважать себя, он должен отказаться от своих тщеславных притязаний, от разрушительной профессии, от войны, которую он ведет с миром. Он должен прекратить свое экзальтированное обвинение мира, и посвятить себя плодотворной, пусть даже и анонимной работе. Завод, в котором он должен работать вместо того, чтобы играть в раненого солдата, символизирует его собственную психику. На предыдущих сеансах он понял, что ему следует прекратить "изготавливать" при помощи интрапсихической работы тщеславно искаженное поведение; что он должен анонимно выработать в своем заводе-психике мотивы здорового поведения, истинное оружие для жизненного сражения.

Эту первую часть толкования можно кратко изложить по-другому: нервный человек идет по жизни, но он хромот. Он держится прямо только при помощи трости, опоры, то есть тщеславия. Пересекая жизнь он постоянно косо поглядывает вокруг себя, чтобы увидеть в достаточной ли степени его замечают, восхищаются им, жалет его; но он встречает только безучастные взгляды. Нервный человек находит аналогию между своим положением и положением раненого солдата; но эта аналогия всего лишь является его воображением. Он проецирует тщеславное усложнение своей больной психики в простую душу другого человека и думет, что этот человек, в действительности солдат и раненый, также тщеславно чувствует его положение, как нервный больной сделал бы это на его месте. Он подозревает, он обвиняет этого простого человека в том, что тот требует жалости, потому что сам на его месте требовал бы того же. На это воображаемое требование другого человека, видящий сон отвечает экзальтированным отказом на любое согласие, презрением. Но это - презрение, которое он испытывает по отношению к самому себе и к своей тщеславной сложности, невысказанное презрение самого себя, чувство вины.

Если эта первая часть сновидения содержит воображаемую и амбивалентную игру и контр-игру ложной мотивации, внутренний конфликт больной психики, то вторая часть сна подчеркивает: *трость - это также дубина.*

"Он хочет ударить дубиной, но это стеклянная палка."

Оскорбленный жизнью, гиперчувствительный и сентиментальный, нервный человек прямо держится только балагодаря своему тщеславию. Но его тщеславие, его поддержка - это оружие нападения, дубина. Именно его тщеславие заставляет его постоянно нападать на других, обвинять их. Его трость, выражающая тщеславие, становится дубиной, обвинением. Но чем больше он воюет с миром, нападая на других людей, тем больше другие люди, весь мир, жизнь становятся врагом, который ранит его таким образом, что опираясь на свою трость, он волочится по жизни, не находя ни ожидаемого восхищения, ни требуемой жалости. Его трость-дубина, поддержка и оружие нападения, неэффективна и представляет собой только стеклянную палку. Она ломается в его руках. Но он также является прозрачной. С помощью анализа его ложные способы защиты и нападения стали полупрозрачными, а следовательно ни для чего негодными, они распадаются: стеклянная трость разбивается. Человек, видящий сон, начинает понимать, что вся его жизненная адаптация была недостаточна.

Этот сон был выбран намеренно. Он не только служит примером для метода толкования, он находится на более интересном идейном порядке. Он позволит сопоставить Эдипов комплекс в психоанализе с мифом об Эдипе и наглядно показать при помощи этого сравнения всю ошибочность сексуальной символизации.

Мифы часто используют постоянную и типичную символизацию (например в мифах, растолкованных ранее: огонь, постоянный символ интеллекта; яблоко, постоянный символ земли.) Эти постоянные символы в мифах могут быть одинаково использованы индивидуальным сновидением, таким образом, что лицо, находящееся в состоянии бодрствования не имело ни малейшего представления о значении этих символов. (Эту возможность нельзя рационально объяснить. Толкование сновидений и мифов приберегает сюрпризы, способные пробудить что-то вроде ужаса перед жизнью и ее неподозреваемыми глубинами).

В только что растолкованном сновидении, раненая нога обозначает израненную душу нервного больного. Однако, нога, обозначающая душу, является одним из самых постоянных символов мифологии. Несложно определить аналогию, давшую начало этой символизации. Нога служит для ходьбы, душа должна продвигаться по жизни. Если душа израна, то человек не идет больше прямо, он хромает.

Эта типичная символизация - хромой человек, израненая душа, - является ключом к пониманию мифа об Эдипе, и не будет излишним подкрепить это значение примером, прежде чем основывать на нем толкование мифа об Эдипе, который приобретает основное значение для психоанализа.

Тезей, став подростком, должен поднять такой тяжелый камень, что никто не может его сдвинуть, чтобы найти спрятанные под камнем шпагу и сандалии, которые завещал ему его отец. Вполне понятно, что в литературном смысле, покрытая ржавчиной шпага и сгнившие сандалии, пролежавшие под камнем в течении двадцати лет, со дня рождения героя, не могут больше использоваться. Речь, следовательно, идет о нелогичности, о символическом выражении. Однако, во всех мифах, шпага обладает постоянным значением, она символизирует оружие рассудка (истинные оценки, правильные мотивации). Сандалии защищают ногу, символ души. Камень также представляет собой постоянный символ. Он символизирует земную тяжесть, тяжесть земных желаний, которые придавляют рассудок и душу. Ставший подростком Тезей должен доказать свое героическое призвание. Чтобы показать себя героем, бойцом рассудка, он должен победить земную тяжесть, земные желания (он должен приподнять непосильный камень). Он должен быть в состоянии постичь оружие мифического героя: спиритуализацию и сублимацию. Тезей должен завладеть шпагой, символическим оружием рассудка и сандалиями, которые будут защищать его движение по жизни и его ногу, символ души.

Если вернуться к предыдущему сновидению, то удивительно, что нервный человек, видя во сне свое положение, мог найти с помощью своего сна и своей ассоциации одну из самых древних символизаций: он выражает свое душевное состояние посредством раненой ноги. Но растолкованный сон представляет еще больший мифический интерес. Он не только содержит изолированный элемент мифической символизации, но и перифразирует миф об Эдипе.

Имя "Эдип" означает "хромой". Эдипу-ребенку обрезали ножные сухожилия. Символ обозначает, что его душа была изранена с самого начала. Теперь он может только хромать, он нервный человек: он представляет собой символ нервного больного. Его история символизирует историю всех нервнобольных. Эдип - это хромой человек, который передвигается при помощи трости, и употребляющий свою трость как дубину. Эдип убивает таким образом своего отца. (Если не вдаваться в подробности, то

интересно будет подчеркнуть, что тяжелая дубина является постоянным символом хитросплетений банализации).

Нервный человек, о котором идет речь, видя во сне свое состояние, воспроизвел - частично - историю Эдипа. (Действительно, параллель между индивидуальным сновидением и мифами своеобразна. Но эта особенность не является случайным происшествием; она представляет собой иллюстрацию глубокой родственности всех экстрасознательных проявлений.) Данное сновидение вновь приводит нас к основной проблеме психологии: витальной вине и ее истинному символическому выражению. Психоанализ, чтобы обосновать вину на сексуальности, воспользовался мифом об Эдипе. Сосредотачивая свою теорию на двух элементах этого мифа, он говорит об Эдиповом комплексе. Несмотря на то, что тезис преобладания сексуальности уже опровергнут вышесказанным, будет нелишним показать ошибочность предпринятого усилия для аргументации ошибочного преобладания сексуальности над истинным мифом.

Эдип убивает своего отца и женится на своей матери. Чтобы понять значение двух этих мифических элементов, не достаточно рассматривать их обособленно от всего мифа, как если бы они были реальными и несимволическими утверждениями. Нужно, напротив, включить их в совокупность всех мифических элементов и толковать миф целиком. Полное толкование мы не можем привести (см. *Толкование мифа об Эдипе (1)*)¹ Чтобы сопоставить миф об Эдипе с Эдиповым комплексом, достаточно будет подчеркнуть некоторые указания.

Даже рассматривая только эти два элемента и не давая их толкования, можно заметить, что имеется противоречие между мифом и комплексом. В соответствии с мифом, Эдип не убивает своего отца, чтобы жениться на матери, как инсинуирует комплекс. К тому же, комплекс, претендуя на приемлимость для обоих полов, трансформирует для причинных потребностей изолированные элементы и говорит о женской тенденции к убийству матери для того, чтобы выйти замуж за отца. Миф не содержит никакого указания, которое может оправдать подобную вольность. Последняя искажает миф, чтобы впоследствии иметь возможность сослаться на него.

Принять в мифе об Эдипе отца и мать за реальных персонажей без сомнения также ошибочно, как и вообразить в мифе о Тезее, о котором уже шла речь, что герой должен действительно приподнять камень, чтобы найти шпагу и сандалии. Также как и

Эдип, его отец и мать имеют символическое значение. Мифы не обладали бы культурным обоснованием всех народов, если бы в их символическом языке, они не умели бы изображать судьбу рассудка и души, их благотворное образование и опасную деформацию. Все типичные символы находятся в соотношении с этой постоянной и центральной темой. Уже в мифе о Тезее, шпага, оружие рассудка завещается отцом, а отец символизирует, следовательно рассудок. В мифе об Эдипе отец также является символом рассудка, символом спиритуализации, а мать представляет собой символ души, символ сублимации. Но родители не выполнили свою задачу, они обрезали ножные сухожилия ребенка (силу его души) и подвергли его опасности (покинули на превратности жизни); они являются причиной деформации души ребенка, они сделали из Эдипа хромого, нервного человека. Часто как в индивидуальных сновидениях, так и в мифах символы спиритуализации и сублимации могут одинаково выражать извращение, если они сопровождаются определением, указывающим на инверсию (например: светящийся огонь: рассудок; неуголимый огонь: извращение (Ад)). Смысловое раздвоение характеризует все экстрасознательное выражение; оно вызвано тем, что извращенный расудок всегда еще является рассудком, но в отрицательной форме. Отец Эдипа, будучи мифическим отцом, рассудком, также представляет собой извращенный рассудок. Также как и мифическая мать, символизирующая сублимацию имеет обратное значение. Она символизирует землю, привязанность к земле, земные желания. (*terra mater, Déméter*).

Оракул предсказывает Эдипу, что тот убьет своего отца и женится на своей матери. Оракул ссылается на мифических родителей. Однако, убить отца в духовном значении (убить рассудок: *развратиться*) и жениться на своей матери в возвышенном значении ("жениться" желание гармонизации: *сублимироваться*) психологически невозможно, также как и невозможно убить отца в извращенном значении (*освободиться от извращения*) и жениться на матери в извращенном значении (*впасть в неистовство, банализироваться*). Следовательно, остаются только два значения. Или Эдип может "убить" в нем самом (*преодолеть* при помощи правильных мотивов) *извращенный рассудок* и жениться на матери (земле) в возвышенном значении (*гармонизировать свои земные желания* (он может преодолеть опасность ранения "ноги" (навязанную его родителями) и *сублимировать* свою душу); или же он может "убить" в себе самом, но уже при помощи *экзальтированных мотивов*, извращенный рассудок,

¹(1) Поль Дель, *Символизм в греческой мифологии*, Париж Пайо, 1952 год.

изображаемый Лаосом. (Именно это он и делает в соответствии с мифом: он убивает Лаоса и извращенно экзальтируется к задаче спиритуализации). Экзальтация к рассудку после убийства Лаоса показана тем, что Эдип намеревается разгадать тайну Сфинкса, тайну жизни. Если бы его решение было бы полностью разумным, а не расстроенным стремлением к земным желаниям, то Эдип преодолел бы ранение "ноги", навязанное его родителями (первое из двух возможных решений реализовалось бы). Но со стремлением к очистительному рассудку неразрывно связано - в соответствии с законом об амбивалентности - ответное экзальтированное стремление к земным желаниям: он извращенно привязывается к матери-земле, он женится на земном желании, чтобы банально впасть в неистовство. Когда Эдип становится "королем банализации" то все бедствия разыгрываются при его правлении.

Отцеубийство и инцест символизируют витальную вину. Конец мифа является самым драматическим выражением жизненной ситуации нервного человека, жизненным приговором нервного человека. Этот конец выражает витальную вину, которая захотела увидеть свет, подняться в сознание. Она очевидна в глазах всех. Но скорее, чем ее увидеть, нервный человек вырывает себе глаза, он ослепляет самого себя (аффективное ослепление).

Толкование в общих чертах мифа об Эдипе, усиленное толкованием сновидения, которое частично перифразирует миф, показывает, что вовсе не сексуальная символизация скрывается за мифом. Иначе говоря: Эдипов комплекс не имеет ничего общего с мифом об Эдипе. Он является псевдо-мифической конструкцией.

Это становится еще яснее, когда миф об Эдипе, история нервного человека не заканчивается символизацией подавления. Миф имеет продолжение, которое четко показывает полный параллелизм между мифической мудростью и мотивационной психологией.

Эдип в конечном итоге находит мир в святилище Евменид.

Евмениды - это Ерини в благотворном аспекте. Они символизируют подавленную вину и ее симптоматический взрыв доходящий до безумия; они символизируют угрызения совести, душевные уколы. Между Ерининями и Евменидами существует такая же аналогическая связь, как и между угрызениями совести и сожалением. *Сожаление - это не подавленная вина (как угрызения совести), а признанная вина, сознательно переносимая. Угрызение совести - это подсознательная функция; сожаление - это*

сознательная функция. Одна - деструктивна, а другая продуктивна. Ериннии под видом Евменид символизируют угрызения совести, трансформированные в сожаление, спасительный принцип: признание вины. Мифический образ, показывающий Эдипа, укрывающегося в святилище Евменид, символизирует, следовательно, то, что нервный человек находится на пути к излечению, признавая свою вину, сознательно ее перенося и спиритуализируя ее.

Чтобы подчеркнуть углубленное значение мифа об Эдипе, можно позволить напомнить модификацию этой же темы, которая содержится в уже цитированном ранее мифе: Орест, виновный за убийство своей матери, находится во власти безумия. Миф выражает это, говоря, что он преследуется Эринниями, что ясно показывает, что миф знает неразрывную связь между подавленной виной и духовной болезнью. Храм Аполлона - это единственное место, где Орест может найти излечение. Святилище Эвменид в мифе об Оресте заменено храмом Аполлона, так как Аполлон является высшим символом спиритуализации, символом совершившейся спиритуализации. Он символизирует психический идеал; он является божеством гармонии и здоровья. Значение общей для мифа об Эдипе и мифа об Оресте темы становится от этого только яснее: на фронтоне храма написано: "Познай себя сам". Миф, следовательно, указывает на то, что есть одно средство, с помощью которого человек, преследуемый виной, угрызениями совести, человек, заболевший от рассудка (потому что его рассудок не захотел принимать вину), может излечиться: гармонизация психики, противоположность болезненному разложению. В соответствии с мифом, условием гармонизации является познание самого себя. Человек может познать себя самого только в том случае, если ему известны истинные мотивы своих поступков, то есть если ему удастся разоблачить их подсознательную маскировку.

Мифы являются коллективными сновидениями, откуда начинаются все культурные усилия (наука, искусство и религия). Мифы выражают правду, красоту и доброту. Они являются выражением жизненной идеи и жизненного идеала: смысла жизни, тремя формами гармонии.

Мифы не являются продуктами индивидуального и экзальтированного воображения, они - продукты возвышенного воображения, сверхсознательные видения. В душе примитивных народов, две противоположных возможности воображаемого развития,

возвышенная эволюция и извращенная инверсия воображения находятся в неопределенном положении. Примитивная душа, мечтающая о жизни, выражает все жизненные возможности: с одной стороны увеличение количества желаний, амбивалентное разложение энергии, причину витальной слабости, а следовательно тревоги и мучения; и с другой стороны, совершенную противоположность разложения, противоположность, которая антитетически связана с разложением: гармоническое составление жизни, концентрация энергии в основном желании, причине жизненной силы, а следовательно последней радости. Мифы рассказывают о основной жизненной опасности, символизированной дурными духами, монстрами (символ воображаемого бегства) и демоном (символ воображаемого оправдания), они говорят о жизненном идеале, развитых душевных качествах, которые символизируются чистыми духами, божествами. Мифы рассказывают о внутреннем конфликте, о духовном сражении. Мифический герой, единственный настоящий герой - это тот, который при помощи оружия, которое ему одолжили божества (символ сил спиритуализации и сублимации), сражается с опасностями внутренней жизни (аффективным ослеплением) и старается реализовать идеал (ясность рассудка). Большинство мифических героев не выдерживают сражения, что является самой правдивой символизацией положения человека в жизни.

Являясь коллективными сновидениями, мифы должны толковаться как сновидения индивидуальные. Имея один и тот же источник, что и индивидуальные сновидения (возвышенное воображение), и являясь экстра-сознательными продуктами, мифы должны использовать метафорическую символизацию, похожую на символизацию индивидуальных сновидений; они могут прятать под этим символическим выражением только постоянное значение индивидуальных сновидений, верную и ложную мотивацию. Психологический подсчет, ключ для толкования индивидуальных сновидений, должен быть и ключом к толкованию мифов.

Толкование достаточного количества мифов, полученных при помощи психологического подсчета, должно доказать, что каждый миф имеет точный смысл, и что этот точный смысл каждого мифа контролируется точным смыслом каждого другого мифа. Так как четкий смысл всех мифов дополняется и образует единственную правду, жизненную правду.

Подобное методическое толкование в конечном итоге обязательно будет убедительно, или должно быть таковым, для того, кто не закрыт для правды.

Помимо экспериментального и субъективного доказательства правдивости психологического подсчета, доказательства, которое любой человек может открыть в себе самом, толкование мифов будет экспериментальным и объективным доказательством психологического подсчета и его витальной законности, экстра-сознательно спрятанной, толкование будет проверкой эффективности теоретического обоснования терапии, основанной на искоренении ложной мотивации.

Однако, это доказательство - еще более широкое, чем то, которое могло быть основано на толковании индивидуальных сновидений - предоставлено толкованием достаточного количества мифов (см. толкование греческих мифов и мифов из цикла иудейско-христианских) (1). Остается узнать, может ли п-настоящему объективная критика придать этому толкованию скрытого смысла мифов убедительное значение.

5. Травма

Психическая терапия находится над любым другим медицинским вмешательством: она включает отдых для психики. Она представляет собой самое жизненное вмешательство из существующих, и для того, чтобы это вмешательство было оправданным, нужно чтобы оно соединилось не только с совокупностью терапевтических процессов, которые представляет собой медицина, но и охватила совокупность здоровых и нездоровых жизненных проявлений, чтобы она соединилась с единством жизни и ее смысла.

Разумное направление жизни может устанавливаться только при помощи видения основной цели, а это видение может быть разъяснено только посредством психологического подсчета; так как витальная вина, которая не должна подавляться представляет собой не что иное, как помрачение представления о цели. Связь между подсознательной деформацией и сверхсознательным образованием - основа подсчета - становится, в том что касается подсознательную вину, самой совершенной (законность) аналогией: так как разумная цель - это полностью освобожденная от комплекса и разложенная вина.

АНАЛИЗ ПОДСОЗНАНИЯ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАН С СИНТЕЗОМ СВЕРХСОЗНАТЕЛЬНОГО. Этот синтез не является спекуляцией, а неизбежным последствием. Теоретическая терапия обязательно приводит к самому четкому определению основной цели, идеала, а значит и смысла жизни, пересекая в своем исследовании границу, которая в привычной концепции медицинской науки

считается непреодолимой. Эта осторожность подходит медицине из-за того, что никакая другая область терапии не знает терапевтической цели в себе. Медицина рассматривает единственно практическую цель, для которой теория это только средство. Для психотерапии, напротив, отношение между теорией и ее терапевтическим применением перемещается: теория имеет значение в себе, полностью независимая от терапевтического применения, которая превосходит его намного. Терапевтическое применение должно однако рассматривать прежде всего практический результат, и следует подчеркнуть, что на практике, не всегда необходимо настаивать на идеальной цели. Часто, и почти всегда, речь идет только о том, чтобы восстановить равновесие пациента, чтобы он мог адаптироваться в среде, вновь приспособиться к текущим жизненным требованиям. Уменьшения тщеславия на условном уровне может быть достаточно. Но есть нервные люди, качества которых превосходят среду, и было бы ампутацией свести их к уровню среды. Их сопротивление не успокаивается пока самая нагущая проблема, проблема из жизни, которую они ложно решили, проблема идеала не найдет решения. Чтобы их качества могли бы стать поистину плодотворными, нужно успокоить их чрезмерное тщеславие. Оно может успокоиться только при помощи сопоставления со смыслом жизни, с идеальной жизненной целью. Воздержаться, из медицинской осторожности, от определения идеальной цели жизни, было бы, в том, что касается психотерапии, не только терапевтической неосторожностью, но и признаком бессилия.

Будучи вынужденной определить в терапевтической цели даже смысл жизни, наука о мотивах должна проникнуть в старую область философии. Психология упорядочилась и стала наукой только при помощи реакции моральной и даже метафизической спекуляции. Это усилие, чтобы упорядочить исследование, с одной стороны очень плодотворное, с другой стороны является бегством от высшей задачи психологии, которая заключается в том, чтобы задать человеческой жизни последний вопрос о смысле жизни. Чтобы психология мотивов была по-настоящему терапевтической, она не должна отступать перед этим вопросом. Поскольку этот вопрос - это следствие ее исследования внутреннего мира, она должна сама найти способ избежать прошлой спекулятивной опасности. Вопрос должен задаваться методическим образом.

Но это методическое усилие, открывая экстрасознательные глубины психики, раскрывая то, что каждый человек желает скрыть, рискует пробудить сопротивление,

которое однако кажется ссылается на условность, на общий смысл, для которого проблемой жизни прежде всего является проблема удобства и условностей.

Методическая мораль - ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЕЕ БИОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИММАНЕНТНОСТИ - противостоит условному морализму. Говоря о витальной вине и о ее подавлении, мотивационная психология раскрывает то, что условность неутомимо старается скрыть. Увиденная в этом аспекте, условность сама по себе является средством подавления. Она представляет собой безличную сознательность, принцип обезличивания. Игра условности заключается в том, чтобы никогда не говорить о ложной мотивации. Все знают более или менее расплывчато, что она существует, но она представляет собой табу. Вежливость навязывает никогда не упрекать открыто другого в ложных мотивах, различаемых в его поведении. Причиной этого молчаливого согласия не является терпимость, так как более чем очевидно, что увиденные ложные мотивы, часто используются в форме злословия. *Факт их смутного осознания одинаково проникает в болезненную интерпретацию секретных намерений и в ссоры, где нарушается правило вежливости, и где противники в состоянии гнева взаимно упрекают друг друга не только в их поступках, но и часто в их тайных мотивах.* Смысл существования псевдотерпимости по отношению к другому человеку заключается в необходимости установить, вопреки секретному существованию ложных намерений более или менее разгаданных относительного неуважения, которое отсюда следует, терпимое и пригодное социальное отношение. Правила приличия требуют от каждого человека не задевать тщеславие другого, говоря о его ложных мотивах, чтобы не вызвать его ответное нападение, чтобы он не принялся говорить о ложных мотивах этого "другого", который сам для него. Но ложная мотивация не убивается замалчиванием; она не прекращает свое существование. Она вызывает взаимные раздражения, постоянную агрессивность друг против друга, нетерпеливые и гневные взрывы; она проявляется при помощи подколов и в конечном итоге при помощи пушечных ударов: индивидуальные конфликты, возникают социальные конфликты. Все несчастья человеческой жизни вызваны этой игрой условного подавления; но неприятности легче переносятся, чем раненое тщеславие, намек на скрытую вину, на ложную мотивацию всех человеческих отношений. (1).²

Пока ложная мотивация, принцип зла, управляет человеческой жизнью из глубины своего подсознательного пребывания, идеал условной вежливости остается необходимостью, так как жизнь стала бы невыносимой, если бы не подавлялось бы взаимное обвинение, не покрывалось бы пеленой условной снисходительности, если бы взаимный упрек пользовался самым острым из существующих оружием: правдой. Правда о человеке и его ложной мотивации, употребляемая ложной мотивацией как способ тщеславного обвинения, стало бы самой ужасной ложью: окончательное подавление каждым своей собственной вины и полная проекция этой вины на других людей, которые сами, сентиментально взбунтовавшись, проецировали бы ее в свою очередь. На место секретного обвинения, часто лживого, но всегда должным образом замаскированного, установилась бы открытая клевета при помощи самой обманчивой правды, правды о других, но ложно мотивированной, мотивированной полной ложью о себе самом. Пропасть между людьми, ненависть, которая их разделяет, стала бы смертельной. Условная жалость для человека и его психических тягот, сентиментальность, при помощи которой люди дают себе взаимную снисходительность, кажется следовательно необходимой. Условность вежливости настолько предпочтительна обвинительной раскованности, что она создает иллюзию идеала. Но подавление во всех его формах, и также в форме вежливости, остается жизненной опасностью. Условная вежливость кажется идеалом, потому что никто не осмеливается реализовать истинный смысл жизни, настоящую вежливость, полное освобождение от своей собственной витальной вины, освобождение от не деликатности по отношению к другим, от сентиментального обвинения, виновного предлога тщеславия.

Условность приглашает человека к учтивости, которая заключается в абстракции от ложной мотивации других людей, и при этом условии, она дает ему право отвлечься от своей собственной ложной мотивации. Это правило поведения обладает однако социальным значением. Во все времена оно было идеалом цивилизованных обществ. (Рассматривая настоящее благородство, благородство характера, идеал искал своей относительной реализации в рыцарском отношении и в поведении дворянина (человека любезного, учтвого, благородного в полном смысле этих терминов: незлобного). То же самое значение можно найти в термине "gentleman".)

---

²П. Дьель, *Страх и тревога*, Париж, Пайо, 2-е издание, 1968 год.

Но условное правило несет в себе принцип своего собственного разрушения. Если люди абстрагируются от ложной мотивации, то она в конечном итоге выйдет через край и разрушит существующую культурную форму. Абстракция легко трансформируется в подавление, неизбежной парой которого является проекция. Психическая деформация обязательно появляется. Нервный человек - это человек, который считает себя *слишком хорошим*, чтобы играть только по правилам приличия. Вместо того, чтобы отвлечься от своей собственной ложной мотивации и от мотивации других людей, он подавляет свою ложную мотивацию и проецирует ее на других людей. Он воображает себя, реализующим идеал и это экзальтированное воображение является его витальной виной, причиной его недомогания.

Было бы напрасным желание вылечить нервного человека, навязывая ему соблюдение условного правила. Лекарство находится на более возвышенном уровне. Нужно наглядно показать нервному больному вплоть до малейших подробностей в чем заключается его отклонение от закона жизни и от условного правила, то есть его подавление и его проекция, нужно это ему доказать при помощи психологического расчета. Этот расчет, в противоположность правилу приличия, учит нервного человека не абстрагироваться от своей собственной ложной мотивации, что дает ему право больше не отвлекаться от ложной мотивации других людей. Но именно в той мере, в которой нервный человек учится больше не абстрагироваться от своей ложной мотивации, а подвергнуть ее расчету, признать ее, именно в той мере он и учится признавать ложную мотивацию других людей, подвергать ее расчету, понимать ее как естественный феномен, неизменный, и впоследствии принять ее. Напрасно бунтовать против ложной мотивации других людей: можно преодолеть ее только в себе самом. Она представляет собой почти естественное стремление человеческого существа. (Миф персонифицирует стремление и говорит об искусителе. Он - падший рассудок - символически: падший ангел, плохой дух, дух Зла.)

Но независимо от любой практической и терапевтической цели следует чтобы человеческий рассудок - в качестве своей понятийной функции - мог бы отдавать себе отчет в своей собственной тенденции к ослеплению. Она представляет собой ничто иное как регрессию рассудка к воображению, аффективное мышление, тенденцию человека доказать, с помощью неистощимых хитростей, обоснованность всего того, что он думает и желает, и скрыть то, что кажется ему мучительным. Навязчивая идея судить мучительным и нежелательным основное разъяснение, объяснение мотивов -

причина всех предрассудков. Самое главное предубеждение, самое соблазнительное искушение - это думать, что основная причина психической деформации не является внутренняя слабость, витальная вина, а внешнее происшествие, деформирующий шок, травма. Он старается убедить человека в том, что причина, ответственная за то, что с ним происходит не кроется в нем, а исключительно в других, в совокупности других, в социальной среде.

Эта концепция всего лишь аффективное оправдание, замаскированное в теорему. Но ложное теоретическое оправдание индивидуума, восхваляющее его безответственность, конечном итоге трансформируется - в соответствии с законом об амбивалентности - в девалоризацию. Поскольку вся ответственность проецируется на общество, индивидуум отстраняется от его значения подлинности и заявляет, что обусловлен социальными возбуждениями. Эта теорема - пережиток устаревшей психологии, не менее ошибочной, чем моральная и метафизическая спекуляция. Она является следствием психологии, основанной только на сознательных реакциях и на изучении поведения. Только анализ подсознательного и синтез сверхсознательного может избавить психологию от этой капитальной ошибки.

Эту ошибку поддерживает - кроме других фактов - тот факт, что возможно влиять на психическую болезнь при помощи изменения среды. Можно влиять на нее, но не излечить ее. Подобное влияние, конечно, стало желательным. Но, основанное на случайной причине (травме), благотворное влияние само по себе является случайным и временным. В каждой новой среде, стойкая внутренняя причина рано или поздно взорвется. Существует только одна среда, могущая быть поистину благотворной для больного: среда, которая не отвечала бы ложной мотивации при помощи ложно мотивированных реакций. Проблема среды сводится к проблеме ложной мотивации.

Было бы, очевидно, ошибочным считать, что влияние среды не имеет значения. Но ложная мотивация - это более важная причина и ее корни более глубоки. Она создает вокруг больного социальную среду, которая в действительности ужасна. Больной живет в реальности, магически деформированной его ложными агрессивными реакциями с нездоровым возбуждением, которое испытывает больной для мира. Магический круг не завязывается только в воображении в психике больного, он в действительности завязывается между больным и миром, и в конечном итоге именно мир кажется единственной причиной болезни. Он является случайной причиной этого, но только потому, что основная причина болезни, ложная мотивация, существует как в

мире, так и в самом больном. Таким образом ответ мира в действительности становится угрожающим, тревожным, травмирующим. Отсюда вытекает эта конвульсивная уверенность нервного человека и его загадочная улыбка, когда хотят ему доказать логически, что он ошибочно обвиняет мир в том, что тот является причиной его недомогания. Только психологическое доказательство может убедить его, и сможет разрушить магический круг.

Больной провоцирует травму. Несмотря на то, что этот факт уже был установлен вышеизложенным, не будет лишним проиллюстрировать его: нервный человек воображает, например, что кто-то хочет навредить ему. Эта фантазия может быть чистой интерпретацией. Она может основываться только на том факте, что другой не обошелся с ним в соответствии с его воображаемым значением, или еще что больной не доволен своим собственным отношением к другому. Его чувство вины, его тщеславие, его сентиментальность и его обвинение потревожены. Экзальтированное воображение бежит по кругу, закрывает его и подозрение, мимолетно воображаемое стало твердой уверенностью. Воображение ретроспективно находит доказательство подозрения: взгляд, слово, пустяк. При будущем удобном случае, больной будет обращаться с тем, кого он подозревает, как если бы у него действительно было враждебное намерение, которое он ему приписывает. Именно таким образом своим агрессивным отношением нервный человек пробуждает враждебность, и провоцирует то, чего он боится. Его тщеславие строит доказательство, что мир плохой. Он выстраивает доказательство, что ошибка не в нем, а в мире, доказательство того, что причиной болезни является травмирующая среда. Он нуждается в травме; он ее создает. Он использует ее, чтобы усилить свое обвинение, свою сентиментальность (жалость себя), свое тщеславие (превосходит других), чтобы спрятать свою виновность (невиновен). Именно таким образом каждый контакт с миром угрожает стать травмирующим событием, которое усугубляет болезнь, и кажется, следовательно, причиной болезни. *Но травма не является основной причиной. Она всего лишь случайное продолжение болезни, продолжение, которое в порочном круге, вновь становится причиной новых происшествий.*

Решительный момент - это не то, что происходит с человеком, а каким образом человеку удастся бороться, реагировать на возбуждения, исходящие извне. Любой человек предоставлен неприятным событиям, и вопрос заключается в том, чтобы знать, почему событие стало травмирующим для такой психики. Психика была

травмирована потому, что она была ослаблена в своем витальном сопротивлении, потому что она была конвульсирована, сжата магическим кругом ложной мотивации. НЕПРИЯТНОЕ СОБЫТИЕ - ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ; ТРАВМА - ЭТО ФАНТАЗИЯ. Она принадлежит воображаемому миру, и-магическому, магическому. Каждая психика по мере своего аффективного расстройства, магически, в воображении, аффективно провоцирует свою травмирующую среду. Потому что каждая психика затрагивается, травмирующая среда - это действительность для каждой психики. Основная причина этой магической реальности и всех ее симптоматических выражений - это естественный феномен в негативной форме: витальная вина и ее разложение на ложные мотивации.

Травма - это извинение больного. Каждое событие внешнего мира, даже шум, может стать травмой и извинением. Травма - это событие, заключенное в рамку экзальтированного воображения, деформированное ложной мотивацией. *Событие принимает чрезмерное значение, потому что нервный человек из-за своего тщеславия, считает себя чрезвычайного значения.* Именно по этой причине не только неблагоприятные события пробуждающие чувство вины и обвинение могут стать травмирующими, но и события внешне благоприятные, если они пробуждают ложную радость триумфа, сентиментальность и тщеславие. Любое благоприятное или неблагоприятное возбуждение может стать травмирующим для больного. Также и вожделенность мира, как и его лезть, неудовольствие, как и удовольствие, неудача, как и удача рискуют стать травматическими для человека во власти ложной мотивации.

Среда являясь травмирующей только применительно к слабой или ослабленной психике.

Психика ребенка слаба, и для ребенка семейная среда и ложно мотивированные реакции родителей становятся реальной травмой. Конечно, сложность выхода из порочного окружения велика, и также велика сложность выхода из порочного круга, который обвивает не только индивидуумов, но и поколения. Каждый новый индивидуум в своей юности частично деформирован средой до того, как он стал сознательным в своей ответственности человеком. Но ничто не благоприятствует индивидууму жалеть себя и отклонять конечную и основную ответственность. Жизнь не знает жалости, и делает в конечном итоге каждого индивидуума ответственным. Так как именно конечная цель эволюционной задачи жизни в том, чтобы найти,

преодолевая трудности, путь к превышению. Высшее достоинство каждого индивидуума - это быть испытанием, с помощью которого жизнь достигала бы выполнения своей задачи; это достоинство заключается в участии в эволюционной жизненной задаче преодолевая свои собственные трудности, даже если они вызваны деформацией полученной в юности.

Родители наказаны за их вину к жизни, за их деформацию, страданием; они наказаны за их вину по отношению к ребенку реакциями ребенка, от которых они страдают. На протяжении всей жизни, родители были вынуждены целиком нести ответственность за их жизненную слабость, за их банальную или нервную деформацию. Их тенденция обвинять своих собственных родителей не смогла уменьшить ни их ответственность перед жизнью, ни их наказание: страдание. Также и ребенок, ставший взрослым, недостаточный родитель, которым он станет, полностью будет нести свою собственную вину, свою собственную ответственность и свое собственное наказание, свое собственное страдание. Ничто не послужит ему извинением, обвиняя своих родителей. Вина всех других для каждого человека внешняя, случайная, и она не может ни извинить, ни стереть вину, свойственную каждому индивидууму, основную для него.

Перед жизнью и ее задачей, любой человек виновен в той степени, в которой он несет в себе "разложенную" вину, ложную мотивацию. Неважно каким образом он ее приобрел, каким образом он был извращенно окружен. Задача остается за пределами извращенного окружения, которое связывает поколения, а следовательно и вина остается. Так как задача заключается именно в освобождении от окружения поколений, в искуплении вины предков путем индивидуальной спиритуализации и сублимации. Вина передается через поколения только по причине конституционального соблазна человеческой психики, то есть потому что она полностью включена в каждую индивидуальную психику. Вовсе не из-за ошибки поколений жизнь делает человека ответственным, а вследствие его собственного конституционального соблазна. Этот конституциональный соблазн (колея ложной мотивации, которая возникает с сознательным существом) является эволюционной необходимостью; но преодолеть его - это еще более настоятельная эволюционная необходимость. Жизненная задача полностью включена в каждого индивидуума и индивидуум трагически, героически находится один перед задачей. *Эта идеальная задача трагически сложна, но любой идеализм, который героически не хочет взять на*

себя задачу, насколько бы сложна она ни была, является лишь тщеславием. Если человек отказывается взять на себя задачу, если он противопоставит сублимационному искуплению конституциональной вины любой человеческой жизни, то жизнь заставит его искупить вину при помощи экзальтированного страдания, при помощи нервной тревоги перед жизнью или посредством разрушения качеств, посредством банализации.

Это наказание, совершенно справедливое, не является фактом метафизического суждения, добавленного к жизненной задаче или к витальной вине; оно представляет собой закон, присущий жизни. Понимание этого закона, этой загадочной и одновременно понятной справедливости, - единственная метафизика, не являющаяся суеверной. Подавленная вина, подавленное чувство невыполненной задачи, является признаком совершенной ошибки, которая одновременно и мучение, наказание за ошибку.

Психологическая вина не имеет ничего общего с юридической виной. Она не ошибка, совершенная другими, средой, которую переносит индивидуум, и она не ошибка, совершенная индивидуумом и перенесенная другими, средой. Она не принадлежит взаимным реакциям, а внутренней мотивации. ВИТАЛЬНАЯ ВИНА - ЭТО ОШИБКА, СОВЕРШЕННАЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕБЕ САМОМУ, И ИСПЫТАННАЯ СОБОЙ: разложение собственной персональной единицы. Витальная вина перед самим собой становится моральной виной к по отношению к другим, потому что человек способен понимать и обращаться с другими как с персональной единицей только в той степени, в которой он выполнил жизненную задачу, в той степени, в которой он сам стал персональной единицей.

Психическая деформация не только передается будущим поколениям при помощи неправильного воспитания, но также и наследственно. Но болезненная наследственность сама по себе частично вызвана ложной мотивацией. Ложная мотивация может превращаться в органические симптомы, передаваемые потомству. Однако передается не видимый симптом, определенный травматическими обстоятельствами, а органическая тенденция создавать симптомы, чередование нервной субстанции и железистого функционирования. Однако можно допустить, что эта тенденция содержит предпочтение к некоторым симптомам, и именно эти предпочитаемые наследственной тенденцией симптомы, которые действуя у

родителей, будут экзальтироваться в ребенке при помощи травмирующего воспитания. Таким образом, что будет очень сложно различить до какой степени деформация потомства вызвана наследственностью или воспитанием. Кроме того, не нужно забывать, что к ложной мотивации, первичной причине болезненной наследственности, добавляется случайная причина, которая также вызвана ложной мотивацией. Жизнь, испорченная ложной мотивацией, подвергается интоксикациям (венерическим болезням, алкоголизму, наркотикам), которые еще более опасным образом могут ухудшать нервную субстанцию и определять болезненную наследственность, которая передает не только характерологические тенденции, но и органические пороки.

Психическая терапия, искореняя ложную мотивацию, даже зафиксированную в симптоме, способна даже атаковать характерологические тенденции, вызванные наследственностью. Она должна уметь искоренять болезнь до ее органического логовища, иначе она осталась бы недейственной. Она не могла бы этого делать без бесспорного влияния психики на тело. Однако, это влияние ограничено, и терапия останется бессильной перед органическими пороками.

Есть испорченные существа, которые с самого рождения помещаются за пределами ответственности, а следовательно за пределами человеческого достоинства; идиоты и кретины. С каждым человеком в любой момент может произойти, что он попадет за пределы ответственности из-за поражения церебральной субстанции, разрушающей из-за происшествия сознательную жизнь. Происшествие может быть пренатальным, даже до зачатия (то есть его причиной может быть наследственность). Происшествие может также произойти в момент рождения из-за органической травмы, которая кстати может случиться в любой другой жизненный момент. Эта возможность ничего не доказывает против легального отношения между виной и экзальтированным страданием, отношением, которое составляет имманентную справедливость. Вина затрагивает только нехватку развития переданных способностей, а следовательно индивидуальное разрушение способностей, а не их случайное разрушение самой жизнью. При помощи этого последнего разрушения внутренних способностей, способность глубоко страдать также разрушается, и справедливость восстановлена. Можно также обвинять жизнь, потому что дар способностей неравен. Действительно, энергетический потенциал, сила сублимации и спиритуализации по разному лимитирована в каждом человеке. Но и здесь справедливость восстановлена, потому

что более сильные способности требуют более сильного усилия, чтобы их развить и приводят к более экзальтированному страданию, если эта более трудная задача не реализована. Даже самый чрезмерный травматизм, шок от испуга представляют собой только один специальный случай. Или фундаментальные способности остаются нетронутыми и ответственность продолжается; или способности разрушены и шок - это происшествие, которое помещает человека за пределы ответственности.

Ни наследственность, ни воспитание, ни среда, ни травма не могут оправдать человека. Витальное оправдание не может заключаться в воображаемом извинении, в обвинении жизни. Оно может заключаться только в эволюционном и персональном выполнении витальной задачи в соответствии с силой каждого.

Все, что было изложено, можно резюмировать как следующее: Среда полностью виновна и человек полностью виновен. Среда виновна, потому что она состоит из виновных людей, из людей, действия которых более или менее ложно мотивированы. Вина среды сводится к ложной мотивации каждого человека.

Ложная мотивация - это единственная существующая вина, вина в принципе. Идеальной средой для каждого человека был бы, очевидно, мир, в котором ложная мотивация не существовала бы. Но никакой человек не имеет права выступать в качестве идеальной модели, которой должен соответствовать идеальный мир, требовать от других, чтобы они сформировали вокруг него идеальную среду. Никакой человек не вправе обвинять среду, пока он несет в себе принцип вины, ложную мотивацию. Если человек выступает в качестве идеальной модели, он наказывает себя, становясь нервным; или, воображает, что вина мира оправдывает любое виновное действие, он банализируется.

Определить как причину психической деформации не индивидуальную вину, а среду, отделить окружающий мир радикально от каждого индивидуального сознания, разделить жизнь на невинного индивидуума и виновную среду, это означает ложно оправдать индивидуума, это сам принцип подавления правды, скрытый в псевдо-объективную теорему: это самая полная противоположность любой терапии.

Так как витальная вина, ложная мотивация, присутствует в любом человеке, и так как все люди стараются оправдаться в воображении, ложные самооправдания всех людей объединяются в общую ложную идею причины их страдания, и которое, потому что является общей, налагается, не как воображаемая концепция, а объективная идея. Она

является самым субъективным аффектом, аффективным мышлением каждого, умноженная количеством людей. Эта абсурдная идея, единственная, с которой согласны все люди, и делают вид, что договорились, эта идея в действительности является самой окончательной их разъединения. Так как это общее для всех оправдание позволяет каждому оправдаться и обвинить других. Идея, на вид объективная и общая, персонально и по-разному интерпретируется каждым: она меняет вид с каждым человеком, так как каждый я, считающий себя невиновным, становится для другого частью его виновной среды. Эта абсурдная идея ставит людей против людей и позволяет каждому думать, что причиной его недомогания является совокупность других. Поскольку у каждого человека есть способ самооправдаться при помощи этой идеи, то мир объявленный единственным виновным, состоял бы только из индивидуумов воображаемо оправданных и невиновных. *Но воображаемое оправдание и является витальной виной, причиной страдания.* Эта идея фикс, на вид объективная и общая, которой дорожат все люди, потому что она позволяет им оправдываться в воображении, связывает извращенное и магическое окружение вокруг всех людей, так как эта идея является всего лишь проекцией и репроекцией тщеславной виновности, ложной мотивации, ставшей постоянным и всеобщим движением. Эта конценция, самая ошибочная из всех, делает так, что все люди реально объединяются в общую вину и в общем страдании. **ВИНА ИСЧЕЗЛА В ВООБРАЖЕНИИ В КАЖДОМ ЧЕЛОВЕКЕ, НО ОНА СТАЛА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ.**

Идея травмирующей среды, которая предполагается как единственная причина недомогания и царит в душах, лежит в основе всех сентиментальных жалоб, всех обвинительных упреков, всех тщеславных триумфов. Она является ложно концептуальным и ложно идеальным средством, употребляемым всеми для подавления и проекции вины. Она - витальная вина, скрытая в идею и идеал. В этой ложной идее сосредоточена вся ложная мотивация, гипостазированная, увековеченная. Пока господствует эта идея, ложная мотивация, основная причина витального недомогания, единственная причина, делающая жизнь нездоровой, остается неприступной. *Идея травмирующей среды является фундаментальной ошибкой.* Все данные в этой книге определения витальной вины достигают высшей точки в критике этой идеи. Она является истинной витальной виной, ослеплением рассудка, желаемым самим рассудком. Она - соблазн рассудка тщеславно защищаться против собственной

проницательности, нарушать свое собственное видение, чтобы не видеть свою собственную вину. Она - это оптическая иллюзия тщеславного рассудка, который, подобно любому тщеславному ослеплению, навязывается рассудку с ложным чувством очевидности. Она заставляет тщеславный рассудок вращаться в порочном круге, не находя выхода. Она является возражением тщеславного рассудка против правды, объективацией самой витальной ошибки. ОНА - НЕОЖИДАННАЯ ПРИЧИНА ПСЕВДО-ОБЪЕКТИВНОСТИ, ВОЗВЕДЕННАЯ В ГОСПОДСТВУЮЩУЮ ИДЕОЛОГИЮ, КОТОРАЯ, СРАЗУ ОТБРАСЫВАЯ ИНТРОСПЕКТИВНЫЙ МЕТОД, СТАРАЕТСЯ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ПРИЧИНА ПСИХИЧЕСКОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ НЕ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВО ВНУТРЕННИХ МОТИВАХ КАЖДОГО, А ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В НЕДОСТАТОЧНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.

После всего изложенного, можно резюмировать задачу терапии в одну единственную формулу: эта задача заключается в искоренении идеи травмирующей среды и в концентрации интроспективного внимания на ослаблении психики. Вылечить больного означает излечить тщеславное и обвинительное ослабление, чтобы дать ему силы взять на себя полную ответственность за свою жизнь. Беря на себя эту ответственность, больной излечивается от своего экзальтированного воображения, от бешенства бессилия, которое заставляло его тревожно опережать будущее, и от своей озлобленности по отношению к прошлой жизни. Основное не в освобождении от прошлых травм; а в освобождении от витальной вины, всегда актуальной. Анализ подсознания находит в психике больного прошлые травмы и настоящую ложную мотивацию. Внешние признаки являются симптомами этого. Можно проследить прошлые травмы вплоть до самого раннего детства, можно их восстановить. Но больной не выздоравливает, узнавая историю своей болезни; он выздоравливает, узнавая основные причины, свои ложные мотивы. Если бы восстановили все прошлые травмы, то все равно нужно было бы их детравмировать, то есть устранить в них экзальтированный аффект и показать больному, почему эти события стали для него травмирующими. Основная причина этого заключается в слабости сопротивления событиям, и эта прошлая причина еще присутствует в настоящее время в раненой психике больного. Она в основном заключается в ложно интерпретируемой игре оправданий -обвинений. Следует иссушить сам источник травм, как прошлых, как и настоящих, что можно сделать только атакуя ложные мотивации, которые не

прекращают подпитывать этот источник. Именно в этом заключается основная работа каждого психотерапевта. Пренебрегая этой основной работой анализа, слишком занимаясь прошлыми травмами, рискуют делать непрекращаемый обход. К тому же, не зная закон, который управляет связыванием мотивов, могли бы довольствоваться объяснением, основанным на угадывании, на психологическом таланте, более или менее случайном и таким случайным был бы результат.

Можно вылечить больного, совершенно пренебрегая прошлыми травмами; но нельзя его излечить, пренебрегая психологическим объяснением. Оно одно является средством. Речь идет о том, что это основное средство было самым сконцентрированным, самым эффективным.

Лечение, следовательно, заключается в том, чтобы объяснить больному все время в новых аспектах, здоровое функционирование и испорченное функционирование психики при помощи психологического расчета. Все больные понимают, даже менее умные и менее образованные, если находят выражение, которое им соответствует. Они понимают не только при помощи интеллекта, но и всем сердцем, со всей аффективностью. Даже спорщики, оппозиционеры прекращают бороться. Речь не идет о том, чтобы давать им смутные советы, что немедленно разрушило бы их доверие, а чтобы оказать им витальную помощь, призывая их думать до конца их желаний, их экзальтированного воображения, единственное средство успокоить их. Нужно обдумывать свои желания с одной стороны до такой степени, что они становятся работой разрядки или принятия, а следовательно освобождения, радости; и с другой стороны до такой степени, что они становятся тревогой, ложным мотивом, страданием и симптоматической конвульсией. Это объяснение - является основной частью терапии и индивидуального анализа, потому что оно не случайное, потому что оно основано на общем анализе психики.

Но больной не всегда между рук терапевта; жизнь продолжается, наполненная плохо ассимилированными событиями, травматическими, провоцированными ложной мотивацией и провоцируя ее в свою очередь. Нужно, следовательно, детравматизировать эти повседневные события по мере их появления, выделяя основную причину, ложную мотивацию, при свете дня, который она не переносит, который заставляет ее пропасть и исчезнуть.

Благодаря этой постоянной работе больной в конечном итоге понимает полную бессмыслицу своего ложного отношения к жизни, и все ошибки, которые он себе

сделал. Извращенный круг, который болезненно сжимает его психику, деконвульсируется.

По мере того, как больной начинает понимать живую причину своего состояния, события его жизни перестают быть травматическими. Он больше не нуждается в извинении перед жизнью. Таким же образом прошлые извинения, прошлые травмы и замаскированные извинения, симптомы сами исчезают. Больной пробуждается от своего самогипноза. Символические и органические симптомы пропадают.

По мере того, как воображаемая виновность успокаивается, ее контр-полюс ложно оправдатель, тщеславие уменьшается. Конвульсивное и болезненное напряжение между подавленной виновностью и экзальтированным тщеславием уменьшается. Виновность поднятая подавлением и уменьшенное тщеславие объединяются на сознательном уровне в усиленное чувство, точная противоположность этих двух подсознательных чувств. Только из этого осознания собственной значимости может родиться чувство витального удовлетворения: доверие в себя самого, которое также является точной противоположностью чувства воображаемой неполноценности, которой является виновность и чувства воображаемого превосходства, которым является тщеславие. Вместо того, чтобы быть виновным и тщеславным, человек становится скромным и гордым. Скромная гордость - это противоположность виновному тщеславию. Последнее является ложью о себе самом, а то - выражение реальности, правдивое выражение уравновешенного человека. Гордая скромность избавлена от болезненной тревоги, которая косо поглядывает и подкарауливает уважение. В ней больше нет ни превосходства, ни неполноценности, ни достаточности, ни недостаточности. Она - скромное выражение человека, который гордо удовлетворяет себя самого и справляется с жизнью, потому что он старается динамично выполнить задачу, которую ему навязывает жизнь по мере его сил. Между виновностью и тщеславием существует сверхумышленная и болезненная амбивалентность. Между скромностью и гордостью больше нет противоречивого напряжения. Они обе являются только выражением одного и того же чувства, чувства, ни экзальтированного, ни уменьшенного в своей собственной витальной силе в действии, чувства доверия, веры в себя самого и в жизнь.

Уменьшение тщеславного и псевдо-морализаторского самообвинения свидетельствует о деконвульсии экзальтированной задачи. Даже если последняя полностью не исчезает, она уже не в центре всех озабоченностей. Став периферичной, она

прекращает быть стержнем патологии. По мере того, как больной в стадии выздоровления достигает реальности о себе самом, окружающий мир прекращает быть призрачным и ужасным. С уменьшением тщеславного оправдания, способом подавления, успокаиваются также и обе формы проекции: обвинение и сентиментальность. Прогрессивное распадение категориальной рамки ложных самооправданий и их тщеславных бегств к псевдо-духовной задаче, предполагает успокоение воображаемых бегств сексуального и материального порядка, рамки которых являются расширенными побуждениями.

Извращенный круг разрушается. Ранее конвульсивные психические силы становятся продуктивными. Они разворачиваются в свободную и радостную игру, игру равновесия, которая заключается в умении сконцентрировать силы, ставшие свободными на желаниях одного или другого побуждения, и убрать их в соответствии с каждым моментом или каждой ситуацией.

Основная эмоциональность, жизненная энергия (которая пока она была рассредоточена на множественные аффекты и тщеславные аффектации мучала виновного человека) наполняет своей созидательной мощью по мере подавления психику в стадии восстановления. Именно созидательная мощь этого витального аффекта, жизненная энергия эмоциональности, которая пока она подавляется создает все болезненные симптомы, является истинной фундаментальной причиной любой деформации. Освобожденная от подавления, созидательная мощь аффекта вновь концентрируется в глубокую эмоциональность, способную глубоко волноваться и становится причиной психической деформации. Подавленный аффект, виновность, бесплодные угрызения и их тщеславная конвульсия трансформируются в динамичное сожаление по отношению к рассудку, реализатору смысла жизни. Стагнация *подсознательных угрызений (амбивалентно состоящая из экзальтирующего бунта и парализирующего смирения)* трансформируется в *жизненный порыв*, в эволюционную боеспособность. Основной деконвульсированный аффект проявляется в своей истинной форме, в форме эволюционного побуждения, иначе говоря: в форме основного желания, движущего жизнь.

Признанная вина, которая вновь стала глубокой эмоцией по отношению к жизни и к ее смыслу, больше не стремится извиняться в воображении, ни при помощи внешних событий, ни при помощи внутренней ложной мотивации: ее трансформация в виновное тщеславие и в обвиняющую сентиментальность. Найдя свое реальное

выражение посредством признания, вина не может больше выражаться ни нелогично, ни символически, ни симптоматически. Поскольку путь всех этих деформирующих выражений, путь подавления в достаточной степени прегорожен, вина, несмотря на свое признание, остается непереносимым чувством, у которого есть только один открытый путь, который она не может не выбрать: путь реального оправдания. Это реальное и активное оправдание, противоположность ложному воображаемому оправданию, сопровождаемому чувством вины, заключается в примирении с реальностью как внешней, так и внутренней. Оно стимулирует работу, направляемую интеллектом с целью адаптировать внешнюю реальность не экзальтированным потребностям индивидуума; или же в случае, когда реальность оказывается неизменной, примирение поддерживает внутреннюю работу разумной адаптации: принятие, сублимацию неосуществимых желаний. При помощи этого примирения с жизнью, индивидуум становится способным делать то, что природа - при помощи введения вины - хотела получить от него: он господствует над своими возбуждениями. Так же изменено, не только тот или иной симптом тносительно легко поддающийся улучшению, но патогенная площадь, которая позволила симптомам зародиться. Больной начинает выздоравливать. И это выздоровление длительно, так как оно навсегда несет в себе способ контроля.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагмент анализируемого случая

Комментарии и заключение

М.Д... 18; 7 года рождения, не работающий. В прошлом году не сдал экзамен на степень бакалавра. В настоящее время ведет праздный образ жизни в семье. Отец, алкоголик, помещен под юридическую опеку своей жены. Последняя, авторитарная, навязывает свою волю пятерым детям. Она одна управляет торговой фирмой. У пациента есть старшие брат и сестра, а также две младшие сестры. Брат и сестры более или менее нервные, но не имеют невротических симптомов. По меньшей мере в той форме, которая вынудила бы мать искать для них лечебной помощи. Старший брат, став священником, оставил монашескую жизнь. Несмотря на разочарование,

вызванное этой религиозной неудачей, его мать, ревностная католичка, не отказала ему в доверии и продолжает оказывать ему предпочтение. Отец занимается мелкой ручной деятельностью. Он имеет привычку насмехаться над М..., дефективным ребенком, семейным разочарованием. По словам родителей, он непроницаемый и "скандалист".

Психастения. Психическая слабость особенно проявляется в абуличной форме. Мальчик видимо перегружен чувством вины. Он чувствует себя неспособным на любое усилие. Он даже не осмеливается ничего предпринять, поскольку заранее уверен в неудаче. Он полон чувства неполноценности и ложной покорности. Корни этого чувства находятся глубоко, и только анализ может их обнаружить. Можно только слегка затронуть причину (-следствие) легче всего устанавливаемую, если сказать, что его без сомнения часто ругали перед его братом и сестрами (мальчика перед девочками), и что он из-за этого чувствовал себя униженным. Ему часто повторяли, что он ни на что неспособен, и в конечном итоге он сам в это поверил, он смирился с ролью ни на что негодного человека. Он чувствует себя недостойным, но в то же время он переполнен возмущением. Малейший упрек - даже оправданный - пробуждает его гиперчувствительность и толкуется как невыносимое унижение. Его возмущение одновременно проявляется в форме обвинения других и в виде очень выраженной сентиментальности, принимающей форму чрезмерной жалости к самому себе. Но в противоположность этому возмущению, он привык чувствовать себя недостойным, делать себе экзальтированные упреки, даже принимая во внимание свою ущербность. Он унижает себя еще сильнее, чем это делают другие, наказывает себя, мучает себя, заставляя себя испытывать то отношение, которого он боится, и от которого он больше всего страдает, которое он считает самым невыносимым, и от которого, в силу своей гиперчувствительности, он наименее защищен: не защищаясь от унижения, он смиряется с ним до такой степени, что применяет его к себе. Но однако, этот недостаток защиты от других и от самого себя становится его любимым средством болезненной и абуличной защиты от жизни и ее требований: его извинением. Раз и навсегда названный "неспособным", он считает обоснованным уклонение от любой обязанности. Он занимается женской работой, которая скорее должна возлагаться на его сестер: он ходит за покупками, занимается хозяйством и вяжет. Он предпочел бы быть девушкой (черта, имеющая много значений, которые нельзя все перечислить в кратком изложении, и которые начатое лечение еще не

успело проанализировать). Избегая заниматься четкой деятельностью, он живет в кругу семьи, погруженный в свои фантазии, которые вращаются вокруг его унижения и его горечи, и которые также экзальтируются вокруг его желаний более яркой жизни, более богатой событиями, желаний, которые являются одной из составляющих его сексуального самоудовлетворения. Мастурбация, которой он занимается уже год, также является у него абуличной (по его собственному признанию, два или три раза в неделю). Но его экзальтированное воображение не вращается только вокруг упреков и жалоб на унижение или онанического утешения. Его ложное смирение представляет собой не что иное как маску чрезмерного тщеславия. Он скромн только внешне, и он чувствует себя неполноценным или виновным потому, что он разочарован, и его разочарование доходит до отчаяния, в своей бессодержательности. Он отчаянно разочарован быть тем, кем он является, потому что он мечтает о задаче, превосходящей его силы. Он ставит себе целью невозможное и немислимое: он хочет превзойти всех остальных. Конкретная форма этой задачи будет указана дальше. Прежде всего из-за своего тщеславия, из-за характера этой воображаемой и чрезмерной задачи, он стал под нормальный уровень, он стал неспособен на любое реальное усилие. При помощи этой чрезмерной задачи, он хочет доказать самому себе, и он мечтает доказать миру, что он не заслуживает презрения, которым он окружен, мучения, от которого он страдает. Несправедливость унижения преследует его. Именно потому что его чувство унижения, его тенденция к самоунижению, его чувство вины очень велики, поэтому секретная задача, с помощью которой он хотел бы оправдаться и проявить себя миру, с помощью которой он оправдывает себя в воображении, чрезмерна. (На самом деле, он обладает реальными качествами, несмотря на то, что они помрачены его постоянной мечтательностью. Он обладает достаточно живым, но децентрализованным интеллектом; но его внимание может сосредотачиваться только тогда, когда пробуждается его интерес, что позволяет ему правильно следить за объяснениями). Он чувствует более или менее подсознательно всю нелепость своей воображаемой задачи, но он тщательно это скрывает от посторонних глаз. Именно эта экзальтированная задача отличать от остальных отделяет его от мира, мешает ему выйти из своего абуличного состояния, делающего его аутистом, застенчивым и скрытным человеком. Можно выделить символический жест: когда он пишет, он закрывает своей рукой написанное, чтобы защитить от несведущей любозытности все богатство своей внутренней жизни. (Это одновременно

чувство неполноценности лентяя за которым слишком присматривают и критикуют в его домашних заданиях. Но это также и обвинение, направленное против этого чрезмерного контроля, подобно ребяческому тщеславию приготовить удивление от геройства, в свою очередь контрастируемое с чувством вины от того, что подвиг будет расценен как нелепость. Все тенденции ложной мотивации - здесь как и в остальных случаях - символизируются нелогичным жестом). Но поскольку у нервного человека двойственность распространяется на все направления поведения, он одинаково способен на внезапное признание, на навязчивую исповедь, на многочисленные жалобы на свое мучение, на свое унижение: до лечения, он написал целую серию признаний. Но они не содержат ни признания в его тщеславии, ни в его чрезмерной задаче.

В настоящее время он отвечает на насмешки своего отца и на материнские упреки некоторой агрессивностью, гневливым возмущением от невыносимого унижения, но возмущением безвольным, поскольку оно не приводит к открытому бунту.

Следует указать, что то, что было сказано о психике больного (причина-следствие вероятного эндокринного нарушения) имеет до настоящего момента гипотетическое значение. Этот прогноз частично основан на сведениях из его дела, интерпретированных при помощи теории, предполагающей в каждом нервном человеке существование чрезмерной задачи, поддерживаемой и скрытой ложной мотивацией и ее четырьмя тенденциями: тщетностью, виновностью, сентиментальностью и обвинением. Нужно, следовательно, проверить до какой степени прямое наблюдение подтвердит этот прогноз.

Последующее изложение - это резюме первых четырех сеансов этого анализа. Прогноз позволил - после опроса, целью которого было зафиксировать и расширить сведения о больном - объяснить мальчику его ошибку, его ложную мотивацию, при помощи которой он хотел защищаться от оскорблений, а достигал лишь их провокации и усиления. После третьего сеанса установился достаточный контакт. Молодой человек больше не отказывается принять, что именно такой могла быть его внутренняя ситуация; он чувствует, что его разгадали вплоть до самых секретных намерений; он доверяет, и разрешает собой руководить. Но это не мешает проявлению во время лечения его сопротивлений, открытых и символически замаскированных. Лечение и заключается в том, чтобы постепенно разрушить сопротивления при помощи выявления ложной мотивации, причины сопротивлений. (Означало бы пойти

окольным путем, если направить исследование только к сексуальным признакам: мастурбация, желание быть девочкой, и сосредоточиться на обнаружении других сексуальных аномалий, чтобы установить комплексы. Вкус к выполнению женских работ, заставляет очевидно думать о гомосексуальной тенденции, что в действительности обнаружилось впоследствии. Но гомосексуальность сама является симптомом, требующим анализа и разъяснения. Она, конечно, предполагает тенденцию субъекта к идентификации с матерью или отцом, чтобы утолить экзальтированную потребность в нежности. В симптоме гомосексуальности, неудовлетворенная потребность приняла сексуальный нюанс. Но ничто не позволяет заключить, что уже маленький ребенок хотел совокупиться с матерью. Подобные псевдо-символические формулировки не содержат основную правду, и даже то правдивое, что они содержат, можно сформулировать - вне псевдо-мифического измышления - более точным образом - как впоследствии будет показано на примере сновидения пациента.)

У мальчика наличествуют два тика, на которых следует обратить внимание. Он щелкает пальцами и хрустит костями. Как будто он хочет вытащить что-то из себя, символически вытянуться, увеличиться и одновременно сделать усилие, из-за которого "хрустят кости". Тик - если более детальные исследования подтвердят такую интерпретацию - находится, вероятно в отношении с экзальтированной задачей и с абулией; он выражает ожидаемое состояние больного: его бессильное и безвольное желание реализовать экзальтированную задачу. Второй тик еще более значимый: лицо время от времени конвульсируется в гримасу, которая кажется бессвязной, но если посмотреть вблизи, то понятно, что она состоит из двух противоположных движений: глаза очень широко открываются, как у ясновидца и уголок рта подергивается кверху, что может выражать как горестную улыбку, так и гримасу презрения. Презрение к кому? К самому себе? К другим людям? И то и другое одновременно. Это и горечь и презрение к миру, обвинение, и выражение жалости к самому себе. Но это особенно проявление пренебрежительной горечи по отношению к самому себе: чувство вины, связанное с тщеславием. Так как это горестная улыбка, эта гримаса презрения противоречит, противится озаренному выражению его взгляда, мимике ясновидца, которым он бы хотел быть. Это новый признак тщетно экзальтированной задачи, связанный с горечью от чувства вины, что он не может ее осуществить.

Восторженному выражению тщеславия некогда проявиться на его лице, так чтобы не быть в противоречии с выражением виновности. (Тик исчез после второго сеанса. Лицо стало спокойным и внимательным. Но может так случиться, что тик остается вне терапевтических сенсов.)

Какова же форма этого тщеславного озарения? Какое содержимое экзальтированной задачи? Поскольку опрос не выявляет никакого чрезмерного притязания на искусства и на интеллектуальные занятия, поскольку больной верующий и ходящий в церковь человек, поскольку его чрезмерное чувство вины привязывается к малейшему ложному шагу (настолько, что чтобы избежать неверного решения, он приостанавливает реакцию), то следует думать, что чрезмерно экзальтированная задача затрагивает моральный императив. Хочет ли он превзойти других своей нравственностью? Хочет ли он быть совершенно непорочным? А может быть его секретным идеалом, даже самым экзальтированным является святость? Когда ему был задан вопрос, то он немедленно признался с видимой готовностью. И наивно добавил: "Каждый человек должен хотеть быть святым". Эта экзальтированная задача находится в прямой связи с абулией. Чрезмерная доброта, которую она предполагает, возможно включает покорность без ощущения унижения, отказ от бунта без осадка требования: без сентиментального обвинения и без чувства вины, вызванной тщеславием. Однако, молодой человек понимает возражения, которые отсюда следуют, а именно, что святость может быть директивным идеалом, но не нужно конвульсивно стремиться к этой неосуществимой задаче и пренебрегать срочными и ежедневными задачами под предлогом этой неосуществимой задачи; что неразумно считать себя из-за воображаемого стремления, тщеславно избранным, превосходящим всех остальных (и особенно своего старшего брата). Не лишним будет напомнить об этом больному. Но ни это возражение, ни какое-либо другое, как бы убедительны они не звучали, не могли бы отделить его от его позы ясновидца, которая подсознательно навязчива. Так как эта экзальтированная задача - мы это увидим- подсознательными путями связана с другим проектом, не менее экзальтированным но внешне более конкретным. Эта второстепенная задача оказывается окончательным средством, соединяющим в нем стремление к чистоте, с реальной порочностью: с мастурбацией, с крайним чувством вины, с абулией, с его тиками, со всей совокупностью его болезненного состояния. Только обнаружение этих подсознательных связей могут в конечном итоге вызвать у него облегчение. Второстепенная задача, выражая в более конкретной форме, чем

первоначальная задача, слишком абстрактная и отдаленная, стремится к желанию очищения: но это не очищение человека, а очищение мира. Замещенная задача рассматривает социальную рану, которая особенно заставляет его содрогаться от ужаса. Больной переполнен жалости к проституткам, он хотел бы уничтожить проституцию. И он - как он сам в этом признается - исполнен чувством вины потому, что он ничего не делает, чтобы помочь этим человеческим существам, с которыми так недостойно обошлась жизнь. Сентиментальная жалость к проституткам позволяет ему обвинять тех, кто их посещает, а также позволяет ему тщеславно считать себя выше мира, допускающего проституцию. Он охотится прямо в извращенном кругу ложной мотивации. Поставить себе задачей искоренить проституцию - это очевидно нелогичная задача, которая лежит над его возможностями. Нелогизм заставляет искать в ней подавленный смысл. Молодой человек настолько погружен в свой воображаемый мир, что он наивно спрашивает, в чем заключается нелогичность его задачи. Следует запомнить, что из всей его ложно мотивированной аффективности, он придает проблеме проституции чрезмерный интерес. Можно предположить, что мастурбирующий молодой человек, который до такой степени экзальтируется на проститутках, что у него есть секретное желание их посетить. Когда его об этом спросили, он признался в этом. Именно по отношению к этому желанию он чувствует себя виновным, и его чувство вины становится парализующим ужасом из-за контраста с его идеалом совершенной чистоты, его святости. Парез в конечном итоге распространяется на всю жизнь и ее реальные задачи. Но поскольку путь к проституткам закрыт, он обвиняет других, порочных, реализующих без угрызения совести свои желания. Когда его обвинительное вожеление подавлено, то оно трансформируется в сентиментальность, в беспредельную псевдо-благородную жалость к этим существам, к которым он испытывал желание, и которыми пользуются другие, нечеловечно порча их, унижая их. Подавленное желание могло бы трансформироваться в бесконечное количество других нелогичных проявлений: оно маскируется в жалость и превращается в нелогичную задачу искоренить проституцию потому, что проститутки в его воображении становятся символом униженных как и он существ, которыми пользуется мир. Он проецирует на проститутку бесконечную жалость к себе самому и к своей судьбе. Но он не прибегал бы к этой проекции, если бы не видел еще другой аналогии между ним и проститутками: если бы он сам не торговал бы собой, если бы он не деградировал, не использовал бы себя, не

мастурбировал бы. Он отождествляет себя с униженными проститутками из-за самого секретного унижения, которое он сам к себе применяет из-за своего одинокого порока. Он претендует в воображении изменить судьбу проституток и недостаток тех, кто их посещает, потому что он хотел бы изменить свою собственную судьбу и избавиться от собственного порока. - Велико искушение видеть в экзальтированных задачах совершенной чистоты и улучшения только словесное хвастовство, вызванное желанием произвести хорошее впечатление. Это желание, действительно, включено в основу искаженных мотиваций. Но выбор между многочисленными возможностями хвастовства подсознательно и навязчиво определяется истинной потребностью в очищении, которая - так как она экзальтирована и ингибирована - остается неудовлетворенной и проявляется только в негативной форме напрасного чувства вины. Хвастовство и его социальный коррелят - обвинительная сентиментальность являются только способами замаскировать угрызения совести. Именно поэтому всегда возможно найти за маской истинное лицо; за ложными мотивациями - истинные действующие мотивы. Если пренебречь связью ложной мотивации с экзальтированным стремлением к чистоте, то можно недооценить истинное значение всех этих подсознательных и навязчивых причин, недооценить природу обостренного чувства вины и превращенного в парализующий ужас перед мастурбацией и посещением проституток - пороку, которому большинство людей предаются без особенных угрызений совести. Данный пример, ясно показывающий подсознательное сплетение сексуальности и духовности, мог бы навести на размышление, что оправдано сказать, что конвульсивная духовность есть следствие испорченной сексуальности, чем сказать, что испорченная сексуальность является причиной конвульсивной духовности. Но следует понимать подсознательное и патологическое сплетение духовности и сексуальности, еще более важно четко их разграничивать в соответствии с их истинной биологической функцией: так как здоровая духовность не сводится, в форме сверх-я, к здоровой сексуальности, также как и здоровая сексуальность не сводится к духовности. Подобное сведение кажется упрощением; но оно в действительности приводит к усложнению, которое уже в достаточной степени проявляется в лечебном усилии, и которое - что еще более важно - делает невозможным последовательное объяснение психического функционирования, и здорового и патологического.

Конечно, было бы возможно, заставить исчезнуть один или другой симптом у больного, сводя "его запрещение сверх-я" к нормальному уровню, то есть толкая его пойти к проститутке. Но таким образом мы бы не излечили его нервозность, и его чувство вины появилось бы вновь, производя новые симптомы. Так как стремление к спиритуализации и запрет происходящий из этой тенденции являются естественными, а болезненной является только экзальтация. Чтобы излечить больного, нужно привести его к удовлетворению его естественной тенденции и к разложению его конвульсивной экзальтации, ложно мотивированной; таким образом речь идет об отказе от чувства вины, вызванного тщеславием и от обвиняющей сентиментальности. Молодой человек не прекратит мастурбировать пока маструбация сохранит для него нелогичное и символическое значение (самоутешение и растормаживающее неистовство), которое делает его неконтролируемым и навязчивым. И пока он не прекратит мастурбировать, он будет переполнен чувством вины, парализующим ужасом, экзальтирующим его абулию. Ситуация главным образом изменится не тогда, когда заменить маструбацию на посещение проституток. Больной излечится только тогда, когда он откажется от своей чрезмерной задачи, так как именно она наполняет его чрезмерным чувством неспособности, она лежит в основе его болезни; он вылечится по мере развития его истинных качеств, тогда, когда он найдет для себя задачу, соответствующую его качествам. Экзальтированная задача делает его абуличным, и в конечном итоге толкает его на маструбацию, единственную деятельность, единственное удовлетворение, единственное утешение, которое ему остается, и которое перегружено мучением. Экзальтированная задача, стремление к совершенной чистоте, толкает его к нечистоте маструбации, так как в сравнении с экзальтированной воображением задачей святости, любая другая задача кажется ему незначительной и неинтересной. Он становится абуличным по отношению к реальным задачам и конвульсивно стремится к экзальтированной задаче. Из-за этой конвульсии, поглощающей все его силы, и которая в конце концов становится невыносимой, он вынужден снова искать сексуальной испорченности, то есть абсолютной противоположности идеала, испорченности ставшей символом освободительной деконвульсии, способом неизбежного расслабления, противоположным идеалом тягостной и гнетущей задачи. Таким образом, в результате подсознательного сплетения, маструбация навязчиво преследует его также как и его экзальтированная задача. К сексуальному значению маструбации добавляется символическое значение в амбивалентной форме:

навязчивый соблазн избежать псевдо-духовной задачи и парализующий ужас от этой уловки; символическое значение, которое имеет определяющее значение для болезни. Это символическое значение, противоположное конвульсивному стремлению к чистоте, в свою очередь становится причиной другой конвульсии, уже не тщеславной, а вызванной чувством вины, конвульсии сексуальности, перегруженной стыдом. Раздираемый между этими двумя альтернативами, единственными которые ему остаются (экзальтированный подъем и стыдливое падение, одно неосуществимое, а другое неприемлимое для него), болезненно перенапряженный между тщеславной конвульсией и стремлением к чистоте и конвульсией, вызванной чувством вины от ошибочного расслабления (символически разыскиваемой в мастурбации, в действительности от которой он испытывает ужас) молодой человек, сбитый с толку, во власти психического головокружения живет только от взлета к падению и от падения к подъему. Любая другая задача кажется ему незначительной и непривлекательной не только по отношению к псевдо-духовной задаче, но и к тому же из-за его неизбежных падений в унижительный порок, он постепенно теряет доверие к себе самому, а вместе с доверием и всякую способность, всякое желание предпринять реальное усилие. Он укрывается из-за ложного подсчета удовлетворения в радостях лени. Пока он останется напряженным из-за своей экзальтированной задачи, попытка подъема, также как и падения только усилят его абулию. Он будет только озабочен тем, чтобы спрятать от посторонних глаз свою экзальтированную задачу, и ее пару - порок. Он все больше и больше будет уходить от мира и станет еще сильнее аутистом. Отсеченный от мира, как из-за своей экзальтированной задачи, так и от ее амбивалентного следствия, воспринимая свой порок экзальтированным образом и испытывая от этого чувство вины, он предается своим болезненным фантазиям. Он станет жертвой обвиняющей сентиментальности, и в конечном итоге придет к отчаянию по отношению к миру и к себе самому.

В подобном безнадежном положении, - которое встречается и у других субъектов - лечебным может быть только одно вмешательство, оно может заставить исчезнуть не только тот или другой симптом, но и причину деформации: открыть больному ложную мотивацию, при помощи которой он постоянно оправдывает и усиливает "демона, которым он одержим", его сильнейшего врага, экзальтированную задачу, источник его мучения, но которым он дорожит сильнее всего из-за тщеславного удовлетворения, которое он извлекает. Посредством сконцентрированной атаки на неделимый

комплекс, которым является болезнь, избегая искать подробные комплексы можно достигнуть того, что больной после третьего сеанса сам будет рассматривать реальную и строчную задачу, которую ему надлежит выполнить: подготовиться к экзамену на степень бакалавра; и что он в ответил на терапевтическое вмешательство криком пробуженной надежды, который выдает его истинное мучение, а не сексуальную озабоченность: "Вы считаете, что я могу вновь ощутить интерес и цель в жизни?" - Да, если он пробудится от экзальтации своего воображения; если он откажется от экзальтированной задачи, и прекратит защищать ее от требований реальной посредством ложной мотивации.

Этот краткий анализ начального лечения вовсе не раскрывает все богатство подсознательных связей при помощи которых ложная мотивация "плетет свою паутину", чтобы поработить психику. Но он может показать, что при помощи осознания этой основной причины, которой является ложная мотивация, законная причина каждой психической деформации и при помощи некоторых указаний к изучаемому случаю, становится возможным наметить основные рамки индивидуальной деформации, рамки, облегчающие установление контакта и определяющие терапевтический путь, по которому надлежит следовать.

Само собой разумеется, что не нужно довольствоваться только некоторыми указаниями при каждом специальном случае. В ходе лечения, необходимо изучить второстепенные детали из жизни больного, и толкование сновидений предоставит для этого лучшее средство. Отношения субъекта с его тремя сестрами и с его старшим братом, насмешки отца, авторитарность матери, постоянные травмы, вызванные семейными обстоятельствами, все то, что называется "комплексами" (кроме их сексуальной интерпретации) без сомнения является кодeterminирующим, и второстепенной причиной абулии. Именно травмы вызвали болезнь. Но невозможно понять природу болезни, если предугадывать только случайные причины, вызвавшие болезнь. (Если привести другой пример, то электричество возникает за счет случайных причин, из которых одна - это трение хорошего проводника. Однако, наука об электричестве не заключается в знании случайных причин, которые его вызывают, а в изучении законных отношений между производимыми явлениями. Очевидно, это свойственно каждой науке - искать случайные причины, но также и прежде всего изучать основные и законные причины. Именно это изучение делает науку

теоретически верной и практически плодотворной.) Следовательно, необходимо заниматься внешними причинами, которые привели к деформации психики. Но еще более важно изучать законные отношения, возникающие между этими явлениями. Констатация внешних причин важна, но только потому, что они указывают на исходную точку интрапсихической и деформирующей работы. Именно исходя из внешних раздражений, ослабленная психика создает подсознательно законные связи, переходящие в психопатические симптомы. Эти связи вызваны амбивалентным разложением чувств в озлобленные ощущения. Какова бы ни была природа и сложность случайных травм, интрапсихическая работа, подчиняющаяся закону дисгармоний объединяет их все в одну и единственную структуру, образованную категориями ложной мотивации. Эта структурная организация, которой является психическая болезнь "подпитывается" травмами, но травмы не являются ее основной причиной. *Травмы определяют только форму проявления болезни.* Но определяет ее существование, организует комплексы болезни - синдромы - поддерживает и решает их увеличение именно закон о ложных мотивациях, действенные не только для той или иной психики, но и для человеческой природы. Ложная мотивация составляет основную причину болезни и ее формирования, потому что она является прямой противоположностью верной мотивации, которая должна организовывать всю психическую жизнь здоровым образом. И следовательно, именно из-за трансформации искаженной мотивации в верную мотивацию, исчезает не только тот или иной симптом, но больная психика может выздороветь.

Для понимания данного случая необходимо по меньшей мере добавить рассказ о четвертом сеансе. Так как именно на этом сеансе в первый раз молодой человек принес сновидения и записи, что позволяет документально проверить изложенную точку зрения.

Прежде всего, следует заметить, что было бы наивно считать, что пробуждение интереса к срочному усилию, к экзамену на степень бакалавра - усилия, подсказанного со всей осторожностью -, уже окончательное. Это была бы недооценка тяжести абулии, поражающая субъекты, желающие выйти из этого состояния. М.Д. задал вопрос: "Имеет ли какой-нибудь смысл делать усилие?" С помощью анализа сновидения мы увидим, какая именно тревога - добавленная к его болезненному состоянию - заставляет его задать этот вопрос.

Вопрос можно понять двумя способами: Можно добавить к нему: "принимая во внимание положение вещей", в таком случае вопрос выражает обвинительную сентиментальность; но также можно добавить: "учитывая ничтожество, каким я являюсь", и в таком случае вопрос выражает чувство вины, вызванное тщеславием, ложного унижения больного. Нужно ответить на оба значения, так как и одно и другое подразумевается. Что касается первого, то ответ может быть не очень простой. Так как у молодежи есть основания быть разочарованными условиями жизни, подготовленными предыдущими поколениями; она более, чем когда-либо недоверчива по отношению к взрослым. Это тщеславно чрезмерное недоверие в данном случае является составляющей абулии (как впрочем и в каждом юношеском неврозе), и если возразить, что актуальный мир не заслуживает недоверия, то рискуешь пробудить опасное сопротивление, желая основывать терапию на воображаемой точке зрения, а не на реальности. Следовательно, нужно стараться найти нейтральную и самую общую базу, показывая больному, что каждое поколение должно передавать последующим поколениями культурное наследие, которое оно получило, и что в поколении взрослых, которое он обвиняет имеется большое количество заслуженных людей, способных выполнить эту социальную задачу. Что основная задача каждого человека - это быть звеном цепи в этом усилии, переходящем из поколения в поколение, и что имеет смысл выйти из того состояния, в котором он сейчас находится, при помощи которого он сам делает из себя один из определяющих факторов состояния того общества, которое он порицает. Это наблюдение не взято из индивидуального анализа, это прием - общего убеждения, и следовательно не следует слишком рассчитывать на его эффективность. Однако, следует подчеркнуть, что эти процессы общего убеждения являются необходимым инструментом терапевтического вмешательства. Они дополняют анализ и образуют в данном случае синтетический элемент. Но для того, чтобы они образовали терапевтически действенный элемент, в первую очередь нужно, чтобы они не представляли ничего случайного; чтобы они не основывались на более или менее условных и непоследовательных мнениях, а чтобы любые формы убеждения, употребляемая в процессе лечения дополнялись, и в конечном итоге поддерживали и взаимно усиливали друг друга, образовывали аналогическую целостность, способную ответить на все замечания, подсказанные больному его угрызениями и его мучениями. Если эта целостность действительно аналогична, то она может представлять собой только истинный смысл жизни. Чтобы психология была по-

настоящему терапевтической, она обязательно должна искать решение этой самой широкой проблемы, а решение можно найти только анализируя человеческую психику, не только ее больное функционирование, но и ее здоровое функционирование. Так как убеждение должно противопоставить возражениям больного, возражениям, с помощью которых он старается защитить свою болезнь, именно предложение здорового функционирования психики. При этом условии убеждение в конечном итоге становится убеждающей силой, способной произвести впечатление на больного в той мере, в которой при помощи анализа подсознательного, он пробудится от своего аффективного самогипноза. Настоящее убеждение, *синтез сверхсознательного*, в конечном итоге становится - даже еще больше, чем анализ подсознания - окончательным оружием терапии.

Что касается второго значения заданного вопроса - ничтожность, которая делает усилие ненужным - она выражает ложную покорность больного, употребляемую как извинение. Она дает возможность показать ему, чего стоит это извинение: он привык побеждать все усилия при помощи воображаемых прыжков. Считать себя святым, или по меньшей мере признанным им стать, стоит ему только одного прыжка. В действительности, когда речь идет о преодолении препятствий, противостоящих даже самой скромной цели, он находится в полной растерянности. Сталкиваясь с реальными требованиями, невозможно преуспеть прыжками: нужно продвигаться шаг за шагом. Это усилие скромной и действенной реализации наполняет его ужасом. Пока энергия захвачена тщетно экзальтированной задачей, малейшее предпринимаемое шаг за шагом усилие предстанет перед ним в отталкивающем свете обязанности, также бесполезной, как и невозможной для выполнения. Эта работа недостойна его, она рассматривает еще более возвышенную задачу; но также и потому, что в соответствии с его воображаемой привычкой, он должен - в данном случае - преуспеть одним махом; и обязанность возникает непреодолимой стеной. Первый шаг для него самый сложный, так как он должен поломать привычку. Превый шаг пробуждает тревожное чувство непривычной и непреодолимой трудности. Это слишком сложно для него; он ничтожен. Обязанность показывает ему только свое пугающее лицо. Но правда заключается в том, что сделав превый шаг, нужно будет делать второй, и так далее. Только в конце этого решительного и спасительного прыжка, который ведет от фантазий к реальности, задача показывает свое благодушное лицо. Так как реальная работа в конечном итоге абсорбирует извращенные удовлетворения игры воображения

и реальную тревогу, которую вызывает эта игра. Она растворяет ее, овладевая вниманием, отделяя ее от воображаемого и от ее тревоги, которая сама по себе только в воображении. Задача налагает освободительную работу и в конечном итоге может стать реальной игрой, от которой можно получать удовольствие. Все те непреодолимые трудности, которые предвидит тревога больного, в действительности не существуют; тревога их преувеличивает, а реальные сложности являются условием реальной радости, так как они вызывают у больного чувство, противоположное тщетному чувству его ничтожества. Осознание его ограниченной силы именно из-за этого определяемо, реально; однако, радость - это нечто иное, как это чувство реальной силы в плодотворном действии, силы, которая, преодолевая трудности, обнаруживается и развивается. Эта тревога перед трудностями, чувство ничтожества приводит кстати к перевороту сверхчеловеческой задачи святости, в одиночный порок. Подобно проекту совершенной чистоты, мастурбация также представляет собой необработанную и бедную игру, попытку преодолеть сложность воображаемым прыжком. Ничего не стоит победить в воображении болезненную ингибицию и подчинить женщину, любую желаемую женщину своему болезненно экзальтированному желанию, ставшему чрезмерным. Но эти воображаемые победы подготавливают реальное поражение. Они пробуждают тревогу перед партнером и его сопротивлением, они делают застенчивым с первого шага приближения, они приглашают к воображаемому прыжку, который желает только конечного действия, они наполняют чувством сексуальной неполноценности, вызывают извращенную ингибицию и готовят функциональное бессилие, опасность мастурбации сильнее, чем органическое злоупотребление. Сложность этого структурного механизма, которым является психическая болезнь делает так, что все проявления связаны аналогично, и следуя аналогиям в соответствии с их законами, можно прибыть из каждого пункта пересечений аналогий, из каждого психического проявления к какому другому. Такова роль психологического подсчета. Сложность заключается в поиске "элегантного решения", экономной дороги через многочисленные предлагаемые пути.

Изменчивая тревога его ощущения ничтожества, всегда готовая прикрепиться к любой реальной трудности, принимает - как это покажут принесенные записи - очень четкую форму: тревогу перед мнением других. Эта случайная форма выдает одну из конкретных причин (может быть самую важную), которые делают первый шаг

больного столь сложным. Его репутация никчемного человека настолько установилась, что все удивились бы, если бы он захотел прекратить играть эту роль. Он раз и навсегда смирился с этим, и роль стала навязчивой. Он больше не может прекратить ее играть: ему стыдно ее прекратить. Новая детерминанта абулии. Он предвидит опасности, боится удивленной реакции своего окружения, боится показаться смешным, боится даже показаться отвратительным, прекращая играть свою роль, боится нарушить болезненное "равновесие" своей среды, и даже опасается - как мы это увидим - реакцией атаки. Его предвидение настолько же проницательно, как мог бы быть психологический подсчет. Его подсознание психологически подсчитывает. Его предвидение затрагивает реальные возможности, но преувеличенные его тревогой. Вот сновидение, которое приводит к самой сути семейного комплекса:

"Я играл с моей матерью, двумя сестрами и подругой моей мамы в карточную игру, называемую "тук-тук". Это был примерно в воскресенье после обеда. На столе было уже 20 или 25 карт, но однако никто не сыграл. Эти карты лежали обособлено друг от друга, беспорядочно. Я начал их соединять по правилам игры. Я уже почти закончил, когда против меня поднялся диспут. Я только что собрал 8, 9 и 10 бубен, и начинал присоединять бубнового вальта к 10, когда моя сестра Ф... обвинила меня в *жульничестве*, что я украл вальта мамы, я не знаю каким образом, потому что валет был уже сброшен. Моя мать и моя сестра Р... подтвердили эту ложь, а подруга матери была нейтральна. Как и каждый раз, когда они меня оговаривали, моя мать и сестры были искренни. В тот день я защитился. (1)."³

Речь не идет о детальном толковании этого сна; поскольку у больного присутствует выраженная тенденция скрывать свои семейные отношения, он не предоставил никакой ассоциации. Общее толкование будет поучительно.

Игра символизирует семейную жизнь. Этот символ предполагает его роль подчиненного, которую он играет, но также его желание актуализированное анализом, что семейная жизнь должна быть игрой, становится веселой игрой. Воскресенье: то есть - для верующего человека, каким он является - день, указанный для примирения. Игра называется "тук-тук", так как по правилам нужно два раза постучать по столу, когда осталась только одна карта; нужно предупредить остальных, когда уже почти выиграл. (Может быть также потому, что "тук" употребляется, чтобы подчеркнуть неожиданную, поразительную реплику.) Он уже часто пробовал, но

тщетно, примириться; в этот раз он прибегает к методическому усилию, он надеется выиграть дело, выиграть игру. Тук-тук: внимание; тук: сейчас произойдет что-то неожиданное. Поскольку игра символизирует семейную жизнь и примирение, уже сброшенные карты символизируют прошлую жизнь. Она прошла в беспорядке; и карты беспорядочно разложены на столе. Он хочет привести их в порядок: он хочет упорядочить свою прошлую жизнь; он хочет освободиться от злобы, мешающей примирению. Карты обособлены друг от друга: он хорошо помнит о перенесенных оскорблениях, каждый факт изолирован в его памяти, он записан в нем. Он валет (слуга) семьи (слово валет во французском языке обозначает и карточный валет и слугу) и он на земле: на *полу* (слово *saigeau* обозначает и бубны и пол, плитку). Семья сделала из него слугу, она сделала так, что он на полу. Желая примириться, его злоба снова пробуждается (указано выбором символа валет-бубен, содержит обвинение). Желая привести в порядок сброшенные карты (прошлую жизнь), желая уступить упрекам семьи о его болезненном состоянии, стараясь делать то, что требует от него семья, отказываясь от своего секретного триумфа (триумфа быть при помощи своего болезненного состояния сильнее, чем все упреки), быть самым сильным, отказываясь от тщеславия взять реванш, не делает ли он - другое значение "слуги на полу" - слугой семьи, не подчиняется ли он семье не присмыкается ли он на земле, *на полу*? Пол : четыре категории ложной мотивации, он боится, что принимая их, он лишится от своего стремления к возвышению - от своего тщеславного идеала - и будет вынужден жить только низменными чувствами. Пробужденная злоба представляла ему примирение как недопустимое подчинение. Однако его желание к примирению сильно: он кладет вальта, найденного среди беспорядочных карт (воспоминание о его унижениях) на уже упорядоченные карты, обозначая таким образом внутренне наметившееся примирение: он хочет сам положить вальта на пол; он готов сделать то, что предлагает ему анализ: отказаться от реванша (который слишком часто оборачивается губительно против него). Но именно в этот момент начинается недостойное и мятежное обращение. (Есть ли смысл делать усилие?) Чем тщетнее намерение к примирению пациента, тем сильнее воображение тревожно предвидит это происшествие, эту атаку: отказ в заранее рассчитанном восхищении. Боязнь в отказе амбивалентно связана с боязнью показаться нелепым и даже отвратительным. Своей попыткой примирения он вызывает отвращение у своей сестры Ф.. (скоро мы увидим

---

³ Неисправленный текст сновидения, принесенный пациентом.

насколько ясно, но преувеличивая, его подсознание видит ситуацию). Его сестра думает, что он стащил бубнового вальта у матери; она думает, что изменить его роль в семье означает неправильно сыграть. Эта роль его матери класть слугу на пол: это авторитарная жесткость его матери является причиной того, что он побежден и на земле; именно она отдает приказы "быть на полу", это роль матери наводить порядок в доме, что он хотел сделать своей попыткой примирения. Что с ним случилось, что он больше не хочет играть свою роль, а выступить с инициативой, захотеть подняться, захотеть стать другим, тем, кто не нуждается в упреках, над которым нельзя будет одержать победу, тем, кто больше не будет абуличным, обиженным существом, презируемым своей семьей, рядом с которым остальные производят такое хорошее впечатление? Самому лечь на пол, как слуге, захотеть стать послушным и терпимым, это тоже жульничество. Это невыносимо (для его сестры Ф...) Для него, непонятно каким образом он мог "стащить" карту у своей матери, как он мог присвоить себе право, предназначенное для его матери, становясь послушным, самому ложась "вальтом бубен"; для него его мать уже больше не имеет права сокрушать его своей авторитарностью. Карта в игре: это прошлая жизнь. Он уже достаточно большой, чтобы самому принимать решения, даже то, привести в порядок карты, которые его мать сбросила, и которые беспорядочны. Только, как обычно, его мать и сестра Р... принимают сторону его сестры Ф... Он изолирован в семье, подвергается нападкам со всех сторон, и только чужая женщина остается нейтральной.

О его сестре Ф... он уточняет: его мать ему рассказала, что когда он был маленький (он на полтора года старше своей сестры), то ему часто случалось плакать, когда мать прекращала его кормить грудью. Это типичная ситуация, хорошо знакомая в психологии. Ребенок, чувствуя себя лишенный ласки, отвечает экзальтированными реакциями: ревность выражается гневным обвинением или сентиментальной жалобой в соответствии с тенденциями его природы. Каждый ребенок поставлен в похожие ситуации, которые могут стать травмирующими. Для ребенка с нервным предрасположением, они могут стать решающими. Если эта сцена кормления, и похожие ситуации стали для него детерминирующими, то это свойственно его природе, но однако остается его собственной ошибкой. Больной, в соответствии с его природой, преимущественно выбирал плач, и ошибкой его природы является то, что плач был на протяжении его жизни орудием защиты. (Если бы он выбрал гнев, то он также стал бы нервным, но с другими симптомами.) Его младшая сестра выбрала

другое орудие защиты в сражении за ласку (теплота в семейном гнезде) в соответствии с тенденциями ее натуры и судя по ситуации. Чувствуя себя объектом нежных забот (по необходимости, которая объясняется ее возрастом, но которую она приняла за предпочтение) она сделалась ласковой, и видя, как плачет ее брат, она торжествует над ним. Постепенно, эти реакции, вначале инстинктивные, стали привычкой и расчетом. Этот подсознательный расчет трансформирует ложные реакции, вначале вызванные только инстинктивной природой в ложные реакции, носящие другой характер: в ложные реакции неправильно мотивированные, из-за ложного подсознательного расчета. (Инстинктивные реакции начала жизни были только ложной мотивацией, которая настолько проникла в человеческую природу, что стала наследственной). Маленькая девочка, чтобы полностью завладеть вниманием и нежностью своей матери не только стала чрезмерно ласковой, но она также умеет стать исключительно послушной. Чтобы добиться матери, она прибавит к своим уловкам оружие атаки на брата, чтобы отдалить от него мать: она, например, будет стараться постоянно сделать его виновным, даже и за счет клеветы. (Позже она добавит к триумфу младшей над старшим, торжество девочки над мальчиком.) Мальчик, не желая отвечать с помощью лжи, будет еще больше плакать; но его гнев от бессилия станет злопамятным, он упрямится, становится непослушным. Выбор матери между ласковой и послушной дочерью и упрямым и непослушным сыном больше не вызывает сомнений. Ее власть, угрожающая и давящая направляется против мальчика. Чувствуя, что он еще больше лишен ласки, мальчик в конечном итоге оставляет сражение. Он еще сильнее замыкается в своем упрямстве, в пассивном сопротивлении, которое становится его реваншем; триумф его сестры и ее обвинений в действительности становятся более оправданными. Мать в конце концов вторит дочери, чтобы обвинить сына. Они стали союзницами сражаясь - но настолько неэффективно - против неэффективности мальчика. Его мать пускает в ход свою авторитарную волю, чтобы вырвать его из упорного оцепенения. Но чем больше она употребляет свою властность, тем сильнее она увеличивает упорное оцепенение мальчика, который становится абуличным. Он ненавидит навязанную обязанность, он смертельно ненавидит ее путем переноса; он ненавидит ее на месте своей матери, которая ему ее навязывает, и которую он хочет любить несмотря ни на что; но, однако, именно от его матери исходит смертельное ранение его души: отказ в душевной пище, необходимой для жизни: ласка. Жажущий нежности, он полон обвиняющей сентиментальности. Уйдя глубоко в себя, он

захлебывается в своем еще сильнее экзальтированном воображении, единственном источнике обманчивых удовлетворений, которые трансформируются в тревогу. Переполненный тревогой, ужасом о том, что с ним происходит, не отдавая себе отчет почему и как, обвиняемый со всех сторон, бессильный на всех линиях, он в конце концов обвиняет себя сам и считает себя посторонним существом, недостойным и подлым, самым недостойным и самым подлым. Но никто не может выносить такой давящий груз такого собственного мнения. Он его подавляет. Его экзальтированное, обостренное воображение берет реванш. Но этот реванш не заключается только в упорном оцепенении, мучении и наказании, навязанными его матери, которые в конечном итоге обрушиваются на него самого; он заключается, к тому же в секретном желании доказать всему миру, что он не самый недостойный и самый подлый из всех, а что, напротив, он существо самым несправедливым образом преследуемое, самое совершенное из всех. Его мечта о реванше, нашептанная ему его невыносимым страданием, превращается в безмерное тщеславие. Образуются четыре тенденции ложной мотивации.

Анализ не смог еще полностью выявить всю семейную драму. Он дополнит ее изучением отношений больного с отцом, другими сестрами, и особенно со старшим братом. (Последнее очень важно. Это отношение слишком глубоко вытеснено, чтобы проявиться с первых сеансов.) Может быть некоторые подробности этого предварительного наброска не соответствуют реальности этого случая. Анализ это проверит. Правдивая сущность от этого не испортится. Можно позволить эту предварительную конструкцию, так как ее намерением является проиллюстрировать возникновение и разрастание ложной мотивации, исходя из происшествий, вызванных семейным положением. Терапия не будет основываться на этой предварительной конструкции, а также на проверенной реконструкции этой внешней причины, которой является семейная драма; она будет основана исключительно на внешней и законной причине: ложной мотивации (двигателе семейной интриги.)

Эти констатации заставляют нас прервать повествование об этом специальном случае, чтобы перейти к замечаниям общего порядка. Несмотря на усилие избежать полемики, это оказывается невозможным. Поскольку все терапии основываются на семейном положении больных, то терапия, которая придает этому второстепенное значение, можно упрекнуть в совершении серьезной ошибки. Вместо того, чтобы касаться

полемики, как это было неизбежно до этого, лучше ее начать. Нужно постараться определить точку зрения употребляемой терапии, стараясь ясно показать - насколько это позволяет ограниченное место - отношение между семейной ситуацией и ложной мотивацией.

Семейная драма - это сложная ситуация, которую можно разделить на различные комплексы.

Для *Психоанализа Фрейда*, комплексами являются подсознательные воспоминания о типичной семейной ситуации, способные травмировать. Он принимает за типично травмирующие ситуации только те, которые можно истолковать с сексуальной точки зрения: отнятие от груди, воспитание чистоплотности, новорожденный как посторонний, новорожденный как загадка (откуда он происходит?), разницу полов и любопытство, которое к этому привязывается, любопытство, распространяющееся на отношения между родителями.

Индивидуальная Психология Адлера не принимает подсознание. Поэтому она не употребляет терми "комплекс". Для Адлера причиной психических болезней не является подсознательное воспоминание (подавленный аффект), а сама по себе травма: неблагоприятная среда и защита субъекта. Неадаптированные реакции, увеличиваясь и превращаясь в привычку, сгущаются в "жизненном плане", плохо приспособленном к требованиям действительности. Адлер настаивает на том факте, что ситуации, способные травмировать, выходят за рамки семейной жизни. Он добавляет школу, отношения с учителями и товарищами, профессию, и в конечном итоге, целое общество. "Комплексы" таким образом совершенно справедливо путаются со сложной жизненной ситуацией. (Существуют травмирующие ситуации, которыми пренебрегают обе доктрины, например: забота о ребенке, сексуальные возбуждения - в смысле, который придает этому термину психоанализ - из-за постоянного ласкания чувствительных зон. Ничто не является столь удивительным, как это опускание. Но есть особенно одна ситуация, которая самым серьезным образом способна травмировать: отношение с Мифическим Отцом. Представленный не в своем глубоком символическом значении, а в догматическом антропоморфном аспекте, он становится причиной сомнений, угрызений совести, чувств вины, специфическое мучение которых чрезвычайно травмирующе. Именно это основное отношение, рассматривая мистически глубинный смысл жизни, из-за догматизации рискует стать причиной полной дезориентации, которая - в последнем анализе - находится в корне всех форм

психических болезней. На самом деле, психоанализ не пренебрегает полностью врожденной тенденцией психики обращаться к последнему смыслу жизни. Бог-Отец, символ смысла жизни, разъясняется психоанализом как иллюзия, вызванная лицемерно подавляемой сексуальностью. (1)⁴ *Индивидуальная психология* в противоположность этому псевдо-мифическому методу, полностью пренебрегает глубоким смыслом жизни и заменяет его "общим смыслом". Она заменяет основное сознание условным сознанием и несмотря на важное обогащение, которое она принесла в психологию, не будет преувеличением сказать, что она старается лечить нервные симптомы, банализируя больного.)

Для любой психологии, принимающей подсознательное, причины заболевания не заключаются только в окружающей ситуации, сложной и комплексной, а в *воспоминаниях об этих ситуациях: способ, с помощью которого психика их "переварила"*. Таким образом, травмирование становится интрапсихическим явлением. Однако, травмирующие воспоминания отличаются от любого другого единственным фактом: подсознательным и неконтролируемым аффектом. Главное понять природу дисгармонирующего подсознательного аффекта. Может ли он быть другим, чем мотивирующей аффективностью, общей для всех желаний а не только для сексуальных желаний?

Понятое как психическое явление, как подсознательное воспоминание, комплексы разлагаются на ложную мотивацию, секретно действуя по своему собственному закону. Так же как и пища разлагается и трансформируется в кровь, так же как различные удары, которым предоставлены неодушевленные тела теряют всю важность, как только речь заходит о понимании законной причины их движения, психические потрясения также разлагаются в законе, изложенном в формуле. Шоки являются только внешними и случайными причинами. Так и ситуации, способные травмировать, представляют собой только внешние и случайные причины.

Ребенок рождается с четырьмя тенденциями ложной мотивации; но они выражаются еще автоматически, следуя за предпочтением, которое побуждает их реагировать скорее в соответствии с одной или другой тенденцией. Он будет отвечать на травмирующую ситуацию скорее при помощи плача или гнева (скорее при помощи сентиментальности или обвинения). Тщеславие, еще инстинктивно наивное, в раннем детстве, представляет собой единственное значение, которое младенец, центр забот,

---

⁴З. Фрейд, "Будущее иллюзии".

придает себе самому. Эти тенденции, еще автоматические и наивные, уже составляют врожденную вину, еще совсем невинную, зарождающегося человеческого существа: латентная возможность ложно реагировать. Эта латенция становится явной по мере того, как ребенок предоставлен травмирующим ситуациям. Рефлексы ребенка теряют свою наивность и автоматический характер. Ребенок начинает их использовать: они становятся расчетом. Врожденная ложная мотивация, которая проявлялась только при помощи ложных реакций, начатых рефлексом, начинает раскалываться на ложную мотивацию подсознательно рассчитанную и на ложную реактивность, подсознательно навязывую. Ложная мотивация становится ясно выраженной причиной ложной реакции: основной и законной причины. Однако, верно, что ложное действие, следствие ложной мотивации, в свою очередь становится усиливающей причиной из-за своей провокационной власти. Именно взаимная провокация, вызванная ложной мотивацией-оправданием каждого, кто - играя уже в кругу семьи между родителями и детьми - в конечном итоге создает травмирующую ситуацию. Все деформированные жизненные деятельности определены ложной мотивацией и ее законом. Воспоминания о внешних ситуациях, комплексы имеют одну и ту же причину для существования: экзальтированный аффект, создающий ложные мотивы. Воспоминания воспроизведенные ассоциативно во время лечения являются только отображением. Насколько изменчивыми или типичными были бы эти воспоминания, эта типичная изменчивость не имеет основного значения и ее раскрытие не имеет терапевтического смысла. Больной человек выздоравливает только тогда, когда ему известно в каких обстоятельствах он приобрел свои ложные символические реакции, симптомы; даже опасно открывать перед ним только внешние обстоятельства (как будет показано позже посредством растолкованного сновидения). Больной вылечивается только тогда, когда его ложные реакции связываются с их истинной единственной причиной, общей и законной : если ему раскрыть его ложную мотивацию, всегда актуальную, ошибку, которую он совершил и продолжает совершать: так как только осознавая ее, он сможет ее исправить. Привлекать основное внимание не к травмирующим ситуациям и комплексам, а к ложной мотивации не является терапевтической ошибкой. Это наоборот единственный плодотворный принцип лечения.

После того, что было сказано, полезно снова перейти к изучению предыдущего сновидения, чтобы дополнить его понимание и сделать из понятого сна

терапевтическое средство. Сновидение - как мы уже видели - резюмирует, в решительный момент предложенного примирения, всю аккумулированную горечь по отношению к травмирующей семейной ситуации.

Анализ обязан раскрыть семейную драму. Необходимо осознать болезненную ненависть, направленную против семьи, чтобы она больше не могла действовать из глубины подсознания навязчивым и неконтролируемым образом. Но по мере того, как больной понимает и осмеливается признаться в ошибке, совершенной семьей по отношению к нему, и которую она продолжает совершать, основное значение приобретает умение разложить ненависть, чтобы помешать ей открыто разыграться. Никакое случайное убеждение не сможет убедить больного. Даже если оно достигнет того, что он задушит свою возросшую ненависть и перестанет представлять настоящие симптомы, он вскоре будет производить другие. Единственное средство помешать этому - глубоко анализировать и не останавливаться на активных и случайных проявлениях взаимной провокации, существующей в прошлом и ставшей привычкой, которая не перестает осуществляться. Только осознание основного значения ложной мотивации дает возможность дозировать и определять отношение к семье, которое должен принять молодой человек. (Неконтролируемое раскрытие комплексов, напротив, обнаруживая внешнюю причину его несчастий, вины семьи, приглашает больного к проекции и к подавлению своей собственной вины. Ложная мотивация представляет собой вину, которую каждый делает себе сам; она составляет виновность, вину каждого человека и значит его ответственность. Члены семьи действуют неправильно потому, что они ложно мотивируют, а больной действует неправильно потому, что он ложно мотивирует. Обе ошибки четко отделены.) Больной не может изменить ошибку семьи; если он хочет выздороветь, то ему не остается никакой другой возможности, как изменить свою собственную ошибку: его сентиментальность (его гиперчувствительность), его обвинение (его ненависть и его желание отомстить), его тщеславие (его экзальтированную задачу), его виновность (его ложное смирение, делающее его неспособным на любое усилие, слабеющим при любом случае, и которое вызывает реакции других, от которых страдает его сентиментальность, его гиперчувствительность.). Например: больной даже не способен сделать хозяйственные покупки, которые его обязанность; погруженный в свои фантазии, он забывает, что он должен купить, он теряет деньги (или крадет их). Оскорбленный быть слугой, его подсознательный бунт навязчиво побуждает его к

саботированию функции слуги и освободиться от этого в дефицитной манере; что приводит его к новым унижающим упрекам.

Что же делать, если не перестать быть невыносимым, чтобы семья перестала быть такой же по отношению к нему. Но он не сможет перестать быть невыносимым, то есть производить свои ложные реакции, пока он не перестанет ложно мотивировать. Настоящее усилие к примирению должно заключаться в пересмотре мотивов, а не в слепом послушании и полном подчинении капризам семьи. Растолкованный сон показывает, что больной плохо понял истинное значение предложенного примирения. Расшифровка сна дает возможность во время вмешаться. Сновидение доказывает, что пробудилось хорошее намерение больного, но оно рискует трансформироваться в возросшую ненависть. Молодой человек хочет принудить себя к ложному послушанию, к подчинению, но он ужасается этого, и его тревога предвидит ложные реакции семьи, которые он вызвал бы, если бы продолжал в этом направлении. У него появилось желание примириться, он считает себя готовым подчиниться капризам, стать самому "вальтом на полу", раздражается ссора, и вместо того, чтобы примириться, он возмущен еще больше чем когда-либо. ("В этот день я защитился.") Легко вообразить реакции семьи, если бы реализовались его намерения, выраженные в сновидении. Семья незамедлительно подавила бы его робкие поползновения к примирению, превращенные в открытый бунт. И также можно преставить реакции больного в присутствии этого ухудшения семейного положения. Если бы толкование сновидения не предвидело бы угрозу обострения, то ухудшение ситуации усилило бы его абумичный ужас, и терапевтическое усилие, которое он взял на себя, находилось бы под угрозой. Неконтролируемое сопротивление проявилось бы и нельзя исключить, что целительный контакт, еще слабый, мог бы прерваться. Мальчик еще слишком сосредоточен на внешних обстоятельствах, на сложной ситуации его семейной жизни. Он еще не в достаточной мере ищет свои ошибки, свои ложные мотивы. Привязанный к внешней ситуации, он считает, что терапия требует от него внешнего подчинения, тогда как речь идет о внутреннем исправлении. В таком порядке идей можно изложить другой факт, который заставил сформулировать основное правило, которым руководствуется исправление.

Молодой человек считает, что он готов подготовиться к экзамену на степень бакалавра, но не хочет доставить это удовольствие матери. Это извинение, которое

содержит ложный мотив, приемлимый для него (даже если точная формулировка мотива - это приобретение терапевтических бесед.) Чтобы отвлечь его от губительной идеи, что терапия требует подчинения, которая может привести только к бунту, потребовалось попытаться объяснить примерно в подобных терминах: "Не действуйте ни чтобы огорчить, ни чтобы доставить удовольствие вашей маме. В вашем теперешнем состоянии вы не чувствуете в достаточной мере, что могло бы огорчить ее, а что доставить удовольствие. Вы ложно интерпретируете ваши мотивы. Вы несете в себе правило, что следует сделать: искать ваше истинное удовлетворение. Действуйте, сдайте экзамен, чтобы доставить удовольствие самому себе. Сделайте это, потому что нет истинного удовольствия вне последовательного усилия, сделайте это, чтобы выйти из вашего мечтательного состояния посредством последовательного усилия, сделайте это, потому что выбудете терзаться пока будете пренебрегать этой настоятельной задачей, и сделайте это, потому что это решительный шаг к вашему выздоровлению. И поскольку необходимо подойти к вопросу об экзамене - как возможность которая представляется - сделайте это без озлобленности, которая только исказит ваши мотивы и сделает шатким ваше решение. Под предлогом, что вы не хотите доставить удовольствие вашей матери, вы ищете уловку, чтобы избежать экзамена. Не хмурьте брови. Вы не единственный, кто использует искушение подобных оправданий. Но лучше не быть ими обманутым, так как они приводят к реакциям "короткого замыкания", часто решающими для всей жизни. Для вас сейчас под вопросом, знать будете ли вы деклассированным или нет. Что касается меня, то я думаю, что вашего ума будет достаточно, чтобы не бояться школьного испытания, при условии, что он не помрачится аффективностью, которая призывает вас к лени из-за боязни поражения. Ваш предлог "не хочу доставлять удовольствие моей матери" - это всего лишь подсознательная конструкция, которая без вашего ведома и для вашего несчастья, старается привести вас к саботажу. Не сложно различить здесь обманные мотивы: задетое тщеславие, которое старается восторжествовать над матерью, злобное обвинение, сентиментальность, под видом жалости. Все это составляет подавленную вину. Эта вина - это ваше неопределенное отношение, которое производит хитрости и довольствуется любым предлогом, чтобы оправдать бегство от реальной задачи. Это теория то, что я вам говорю? Нет! Это практика, и не существует другого эффективного способа вам помочь, только чтобы вы осознали ущерб от воображения бегства и оправдания. Прекратите ложно себя оправдывать. Сдайте экзамен не степень

бакалавра, даже если это и доставит удовольствие вашей матери. Только таким образом вы сможете выйти из эгоцентрического огружения и действовать так "потому что" это доставит удовольствие вашей матери и даже "чтобы" доставить ей удовольствие, признак внутреннего и истинного примирения, которое единственное сможет подготовить выздоровление".

Вот пример другого сновидения, которое характеризует больного, также как и отношение с матерью, который не нуждается в толковании. Это старый сон, который приснился ему еще в детстве - и как это бывает у детей - он отражает реальную ситуацию без символической деформации. Кстати может речь идти только об одном воспоминании детства, которое приобрело форму сна. Может быть речь идет о воспоминании-экране, резюмирующем семейную ситуацию и строит - по меньшей мере частично - при помощи ретроспективного воображения, частый факт у видящих сны, где реальность и сновидение объединяются в смутную магму.

"Я всегда вспоминаю о сне, который мне приснился в нашем загородном доме, когда мне было 8 или 9 лет.

"Однажды вечером, незадолго до сна, я пошел к маме к ней в комнату и поговорил с ней один на один, чтобы доверить ей уже не помню какое моральное конкретное и точное сомнение. Я уже не помню каким образом моя мама попыталась меня успокоить, но моя совесть успокоилась только наполовину. В тот вечер я не смог заснуть, терзаемый моим сомнением. Через некоторое время после того, как я лег спать, я больше не мог терпеть, вышел из комнаты и пошел к маме, чтобы облегчить мою совесть. Я делал так несколько раз (два или три раза ночью), не мог заснуть. Никогда маме не удавалось полностью успокоить мою совесть, и в кровати я продолжал спорить с моей совестью. Я вновь четко вижу (этот образ навсегда остался со мной, я в этом уверен), как я продвигаюсь по коридору к двери матери, моя дверь за метр позади меня: у меня измученное лицо, я заплакан, с опечаленным сердцем; я думаю, что я в третий раз шел к маме, так как я боялся, что она будет меня сильно бранить. Начиная со второго или третьего раза, если мама может быть пыталась меня утешить, то во всяком случае очень быстро, потом она со мной заговорила строго и уверенно, чтобы я немедленно лег спать. Я послушался, отчаянный и измученный, чем когда-либо; но все таки я еще вернулся. Всего, я приходил четыре или пять раз, потом мой сон прервался. "

Он добавляет: "На самом деле, я очень редко осмеливался быть кому-то в тягость, даже когда я открывал маме какое-либо сомнение, я не всегда мог объяснить все возражения, которые приходили мне на ум. Моя застенчивость всегда парализовывала развитие всех тенденций, какими бы они ни были. И моральная пытка - это одна из моих доминирующих тенденций. Именно поэтому этот сон экзальтировал эту склонность."

Этот сон (или это воспоминание) врезалось в память мальчика, и он останется в памяти мужчины - больше чем другие прошлые или будущие сны - потому что он резюмирует основное в жизни детей: потребность в ласке и в объяснении, которые предполагают со стороны родителей терпение при ответе на вопросы. Дети становятся нервными, когда они не находят то, что они ищут от всего сердца, от всей души. Чрезмерная настойчивость мальчика, который беспокоит свою мать несколько раз ночью может расцениваться как элемент нелогичности, призывающий искать скрытые мотивы. Ревность к старшему брату, для которого мать была всегда доступна. Необходимость доказать матери, что он тоже - а не только его брат - обладает интенсивной внутренней жизнью, которой его мать должна интересоваться? (Я признаю, что если в момент анализа я бы использовал эти показатели, то они могли бы дать мне случай очень полезного исследования, чтобы ускорить лечение.) Кто мог бы заявить, что это Эдипов комплекс привлекает этого ребенка к своей матери; что эти сомнения только предлог для скрытого желания сексуально приблизить свою мать? Даже не привлекая моральное негодование, всегда измененное, это было бы ужасно. Достаточно сказать: это ошибка. Правда именно инверсирована. Конечно, у нервного больного, который стал взрослым, могут возникнуть подобные ассоциации - навязанные сексуальным методом. Они не будут выражать сексуальное желание разочарованное матерью; они будут символическим сокращением, сентиментализмом, проецирующим неудовлетворенную нежность на своего будущего сексуального партнера. (Также как и другое "желание" "Эдипова комплекса", касающегося смерти родителей является всего лишь символическим выражением любви-ненависти: ненависти принуждения. Идея смерти не является реальным желанием, а подавленной тревогой, символически навязчивой.) Этот ребенок, как и любой другой ищет в своей матери нежность и объяснение: одно питающее душу, другое - пищу рассудка. Психоанализ скажет, что этот ребенок в момент сновидения находится в периоде сексуальной латенции, когда формируется сверх-я. Это правда. И это ложно. Это

верно, потому что сверх-я, как духовная функция, нуждается в образовании; и это ложно, потому что формирование духовной функции не происходит в ограниченный период сексуальной латенции: оно распространяется от рождения до подросткового возраста как основной признак зрелости. Духовность вовсе не является эпифеноменом детской сексуальности, подавленной и латентной. Между духовной и сексуальной функцией, когда они разлашаются в ходе зрелости при помощи ложного воспитания образуются запутанные связи. Но эти связи (переценка и недооценка сексуальности) вовсе не являются реальным выражением психического функционирования. В здоровом функционировании психики сексуальность и духовность - каждая имея свой собственный орган - должны развиваться параллельно, а не во взаимном запутанном влиянии, введенном в созревающую психику условными оценками взрослых. Половая зрелость еще не представляет собой зрелую сексуальность, а применение сексуальных органов, защищенных от преждевременного злоупотребления, именно духовной функцией в форме естественной стыдливости. Усиление сексуальности в пубертатный период и в подростковом возрасте является признаком того, что духовная функция не смогла установить свое гармонирующее преобладание, и что сексуальная функция вместо того, чтобы быть зрелой, осталась инфантильной, дезориентированной воображаемой экзальтацией. Без преобладания духовной функции над сексуальностью и материальностью, не будет возможным никакое воспитание. Без нее, запреты родителей не смогут даже пробудить чувство вины, поскольку это чувство становится возможным только в соотношении с духовной функцией. Экзальтированная виновность и ее средство подавления, тщеславие, обвинительная критика и экзальтированная нежность, сентиментальность являются проявлениями, пусть и деформированными духовной функцией; поскольку любая ложная мотивация представляет собой ложную оценку, основанную на функции суждения, столь примитивной, столь аффективной какой это суждение является в начале. Если бы оно не было в прямой связи с духовной функцией, то ложная мотивация не могла бы быть законной. Без прообраза духовной функции в психике, воспитание (которое должно победить свою деформацию, врожденную тенденцию к ложной мотивации) могло бы быть только дрессировкой как у животных, которая не знает виновности, а только страх перед наказанием. (Выражение страха перед наказанием, у высоко организованного животного, действительно напоминает выражение человеческой виновности, так как виновность - это развитая форма примитивного страха перед

наказанием, существующая уже у домашних животных. Она является спиритуализированным страхом, тревогой перед требованиями рассудка.) Следовательно, ничто не является столь важным для психологии, как изучение автономного развития духовной функции и ее деформации: ложной мотивации. Только это изучение может сделать возможной настоящую теорию автономной зрелости сексуальной функции и всех психических функций; только оно может раскрыть этапы здорового созревания ребенка и его цели, направленной к смыслу жизни, принципу психического здоровья, и следовательно, к последнему принципу психической терапии. (1)⁵

Будет интересно отметить еще несколько мыслей, которые записал больной, свидетельствующие о некоторой бодрости, о порыве, об энтузиазме по отношению к жизни, о потребности в объяснении, которые поскольку не нашли опоры, превратились в абстрактный ужас. Однако здесь можно найти первоначальную ошибку больного, так как поддержку, которую он ищет, ответ на вопрос, который он задает жизни, более или менее ясно выражены в произведениях великих людей прошлого времени, даже если в них часто вкрадываются ошибки. По меньшей мере эти произведения могут служить каждому новому поколению вырабатывать способность к критике и собственной ориентации. Но психастеники мало-помалу довольствуются и в конечном итоге избегают черпать из источника, пугаясь усилия. Они упорствуют из презрения к другим, из тщеславия, из страха, что на них могут повлиять и исказить в их точной эссенции найти решение только при помощи себя самих и в конечном итоге иссякают слишком быстро перед этой экзальтированной задачей, теряются и разочаровываются в любом духовном усилии. Кстати, не нужно забывать, что из-за экзальтации аффективной и воображаемой жизни, которая погружает рассудок в состояние полусна, привычного помрачения, больные часто не способны ни заниматься, ни читать с пользой. Память, способность концентрироваться, интеллектуальное проникновение поражаются и они избегают доказательства их дефективности. Часто они наполнены паретическим и тщеславным чувством, который заставляет их думать, что они уже все знают, по меньшей мере поверхностно, и что детали не представляют больше никакого интереса. Их объединенная мышление

---

⁵П. Дьель, *Принципы воспитания и перевоспитания*, Neuchatel, Delachaux & Niestlé, 1961, 2e издание, 1969 год.

вращается впустую. Навязчиво определенные субъективными, аффективными и подсознательными беспокойствами, мышление потеряло всю объективную значимость и сохраняет теперь только индивидуальное значение подкармливания тщеславия посредством уловок. Это духовное бессилие более или менее выраженное, которое добавляется к социальному и сексуальному бессилию, состояние, которое дополняется абуличным бессилием воли и бессилием жизни чувств, которые перенапряжены между экзальтацией и ингибцией теряют все измерение и силу. Преобладание одной или другой формы бессилия создает различные болезненные состояния, как в данном случае, абулию. (Она может в других случаях замещаться сверхвозбуждением мышления, сверхпроизводительностью уловок, обеспечивая блеск в бесплодных дискуссиях). Но однако все эти состояния психастении не доказывают врожденную нехватку реальной психической силы. Психическая сила из-за амбивалентности тенденций ложной мотивации конвульсивно, разрываемо в противоположных направлениях, создается "мертвая сила." Но никогда нельзя сказать заранее какая интенсивность врожденной силы парализована в мертвую силу. Она может быть очень большая. Так как мертвая сила, нулевая сила, чувство никчемности создается независимо от величины или малости силы в действии противоположном, которые взаимно уничтожаются. Тщеславие, которое противопоставляется чувству никчемности часто имеет основание реальных качеств. Субъект чувствует свою врожденную силу, но он ингибирует ее, экзальтируясь и разочаровываясь в невозможности сделать ее плодотворной. Таким образом следует с самого начала объяснить больному эту ситуацию, чтобы пробудить его надежду, его уверенность в самого себя, противоположность чувства никчемности и противоположность тщеславия, чтобы стимулировать рвение больного по отношению к лечебному усилию. Нервный человек часто не является неполноценным в том, что касается его врожденной силы, последняя может, напротив, часто превышать норму. Он всегда неполноценный в том, что касается развития. (Следует не путать основную силу со специфическими талантами, которые могут быть сверх-развитыми.)

Вот запись больного: "Одно из многочисленных условий современной жизни, которое я ненавижу, это то, что при помощи работы некоторые индивидуумы тренируют тело в ущерб рассудку, а другие индивидуумы тренируют рассудок во вред телу. Что хуже всего, так это то, что именно те, кто наиболее лишен ума, выбирают мускульную работу, а лишенные телесной силы - интеллектуальную. Таким образом, что

распределение работы толкает людей развивать те качества, которые сильнее всего развиты."

Этот дебют заслуживает более пристального изучения. Это под предлогом мышления, аффективное выражение подсознательно определенное, символическое выражение подсознательных опасений субъекта. Больной - этот тот человек, который не развивается, он в полной абуличной стагнации, он этим мучается и чувствует себя от этого виноватым, он проецирует свою виновность на других, он обвиняет их в том, что они не эволюционируют разумным образом. Он строит обвинение, поворачивая достаточно банальную мысль в нелепость, чтобы придать ей видимость духовности. (Распространенная склонность, которая употребленная более ловко, можно найти у некоторых ложных литературных талантов.) Конечно желательно, чтобы тело и рассудок развивались одновременно, но нелогично думать, что интеллектуалы должны заниматься мускульной работой и наоборот.

Но его мышление способно на более искренний поворот. Он продолжает: "Незнание тела и человеческой души таково, что мы не можем знать настоящую гигиену и физиологическую дисциплину, интеллектуальную, моральную, эстетическую и мистическую. Даже если наука о человеке сможет найти это, что может быть невозможно, мы еще не узнаем, как развивать в полной мере, гармонично и оптимально все способности. Нужно будет углубить и уточнить понятие индивидуальности. Не существует ли только два типа идеально человеческих, один для каждого пола, к которым нужно свести все человеческие существа, цивилизованные или дикие? Напротив, каждое человеческое существо реализовало ли оно идеал более или менее отличный от себе подобных? В этом случае, пропорции в которых объединяются человеческие способности в каждом человеческом существе немного отличаются друг от друга. Разница часто незаметна невооруженным невежественным глазом, но она всегда существует. Эта проблема индивидуальности тесно связана с проблемой наследственности. Действительно, Бог создал Адама и Еву совершенно нормальными, из-за человеческой свободы, все потомки Адама и Евы рождаются более или менее нормальными. Одни в течение жизни приближаются к идеалу человека, не претендуя на это, другие отдаляются от него. Таким образом должен ли человек стремиться развиваться в плане своего врожденного темперамента, или стремиться приблизиться к человеческому идеалу? Забавно то, что эти и многие другие отвлеченные понятия кажутся мне необходимыми, чтобы начать жить, тогда как

несметное число поколений жили до нас, намного менее просвещенные, чем мы. К какому выводу прийти?"

Вся выраженная мысль вращается вокруг проблемы развития способностей. Не случайно больной выбрал эту проблему. Выбор является навязчивым. Проблема навязчиво преследует его подсознательно, но также и сверхсознательно. Это проблема его жизни, его больной жизни, проблема его болезни. Проблема не находит решения. "К какому выводу прийти?" Он не может действовать до того, как не найдет решения проблемы всей его жизни, и он удивляется, что другие могут жить, не находя решения и даже не ища его. "Одни в течение жизни приближаются к идеалу человека, не претендуя на это, другие (как он) отдаляются от него (несмотря на то, что претендуют на это)." Ему нужна полная теоретическая уверенность прежде, чем действовать и он ее нигде не ищет; нужно, чтобы он один ее нашел. Он никогда ее не найдет и не начнет действовать. Он навсегда замкнется в своей абулии, и самая глубокая причина этому - это экзальтированная задача, его тщеславная вина. Его экзальтированная задача не только является самой чрезмерной моральной чистотой, святостью. Он воображает, что может решить, без усилия, без помощи, только посредством врожденного превосходства, духовную задачу, которую навязывает жизнь (и которая может приблизить его решение только в бесконечность, как асимптота кривой.) Основная причина его абулической ингибиции, его болезни - это его моральная и духовная экзальтация. При констатации этой новой экзальтированной задачи, которую навязывает ему его воображение, духовная задача, больной отвечает лстивой улыбкой, которую ему не удастся сдерживать; признаком того, что его тщеславие задето до подсознания: признаком признания.

Намеченное признание расширилось неожиданным образом. Поучительно отметить этот факт, несмотря на то, что он произошел после четырех первых сеансов, о которых уже говорилось. Мальчик продолжал приносить свои записи, свидетельствующие о его потребности в достаточно откровенной, но очень беспорядочной ориентации. Амбивалентность между наигранной покорностью и чрезмерными стремлениями, которые выдают его записи, слишком выражена, чтобы не быть обязанным заключить, что он должен секретно принимать себя за рассудок первого порядка, которому обстоятельства мешают проявиться. Поставленный перед явным фактом своих чрезмерно противоречивых отношений, он, который в начале сеансов, отказывался признать свое чрезмерное тщеславие слишком тщательно спрятанное за чувством

ничтожности, восклицает: "Не только первый среди живущих, но и среди тех, кто жил в прошлом и кто будет жить в будущем!" Искреннее признание в безграничном тщеславии? Гротескное хвастовство? И то и другое!

Из этого примера следует не только метод, но и техника лечебного вмешательства.

Она заключается в дружеской беседе, аналита с анализируемым.

Слово предоставляется и тому, и другому.

Важно, чтобы анализируемый не имел чувства, что с ним обращаются как с низшим, что не может достигаться позой любезности аналита, амбивалентно противоположной слишком часто встречающейся позой авторитарности. Пример дружеской откровенности, данный аналитом - это лучший способ устранить игру и контр-игру задетого тщеславия и триумфального тщеславия, которые вредят контакту.

Он также лучший способ помочь анализируемому не упасть в позу подчинения и в ошибку произвести таким образом хорошее впечатление. Для чего служила бы аналитическая ситуация, лишенная самой элементарной предосторожности сделать ее здоровой и объективной? Именно аналит должен лучше всего приводить конкретный пример, вне объяснительного обучения. Наконец - это единственный способ сделать анализируемого восприимчивым к обучению и достигнуть того, что он признает превосходство аналита, по меньшей мере в том, что касается общего исследования внутренних причин болезней рассудка.

Самой серьезной ошибкой было бы не осмеливаться приступить к совместному исследованию, основать все лечение на ассоциациях больного, даже не прибавляя к ним малейшего объяснения, из опасения, что оно может быть субъективной ошибкой. Если аналит не вооружен объективной наукой, основанной на законах, лучше будет, если он признает свою некомпетентность. Что можно сказать о докторе, который не осмеливается вмешаться из-за опасения допустить ошибки?

В итоге, в ситуации психического анализа, аналит анализирует себя в присутствии анализируемого. Чтобы быть объективным, он может учить только тому, что он сам открыл раньше в себе самом, и что позволяет ему понять недостатки другого, таким образом что его обучение не опирается только на субъективные советы, а основывается на самонаблюдении и личном опыте. Такой ценой - и только такой - аналит научится от анализируемого столь же, сколько и анализируемый от аналита. Анализ другого человека расширяет и углубляет самоанализ. Он позволяет понять

лучше всего разнообразность психических созвездий и их общее укоренение в законах гармонии и дисгармонии.

В соответствии с этой техникой сеансы обязательно должны быть длительными из-за богатства материалов (анамнез, анализ ежедневных происшествий, толкование сновидений, ответ на вопросы).

Есть сеансы, когда говорит только один аналитист; необходимые объяснения обязательно долгие и сложные вследствие того, что аналогии, которые следует развивать образуют непрерывность, охватывающую все функции психики. Объяснение таким образом находится в возможности обновления в новых аспектах "перестановки, вариации комбинаций" психологического расчета, который не затрагивая легальность, можно назвать "теорией вероятности" вследствие бесчисленных возможностей амбивалентных и антитетических связей и их неистощимых тонкостей.

Полюсом притяжения, вокруг которого вращаются воображаемые беспокойства больных является экзальтированная задача, центр болезней рассудка: болезни оценивающего рассудка. Ложная оценка не вращается в пустоте: она затрагивает активное содержание жизни, образованное материальными и сексуальными желаниями. Задача, экзальтированная воображением ингибирует ясность рассудка и экзальтация-ингибция распространяется при помощи ложно мотивированной оценки на материальную и сексуальную деятельности. Насколько зрелищными бы ни были их психопатические проявления, могущие доходить до симптоматиологии неврозов и психозов - или до коллективных делириев банализирующих идеологий, принятых за норму жизни - они являются все только следствием скрытых экзальтированных задач и их оценивающей власти с суггестивной и навязчивой силой. *Первой заботой терапии будет найти специфические экзальтированные задачи анализируемого.* Единственным способом преодолеть их ложные оценки, застывшие в принципы-гиды может заключаться только в противопоставлении им оценок с оздоровительной силой. Они встретят все формы сопротивления, но которые можно прогнозировать, потому что стереотивной бедностью, присущей всем формам болезни рассудка и всем больным, вследствие того, что - основанные на стереотипии царящих идеологий - их самым общим и глубоким мотивом является тревога отказаться от царящих мнений - морализующих и аморальных - в пользу предложения, которое - чтобы быть оздоровляющим - должно противопоставляться всем условным предложениям.

Снова и снова больной приходит к мысли, что должно существовать какое-нибудь другое средство выздоровления. Очень возможно, что он предпочитает слышать о сексуальности; что псевдо-мифические и фантастические истории его бы больше позабавили, несомненно, что он предпочел бы, чтобы его ложные реакции объясняли при помощи ложных реакций других людей, его родителей и при помощи детских травм и комплексов; но также несомненно, что его жизненный интерес в конечном итоге не будет завоеван этими методами. "Что я должен делать?", спрашивает он (чтобы избежать этого сдавливания) - Реализовать задачу, которую вы берете на себя. - Но я не могу это сделать. - Откажитесь от нее, так как она экзальтирована. - У меня не получается. Это сильнее меня. Как я должен поступить? - Атакуйте ее в ее подсознательном корне, именно она абсорбирует все ваши силы и делает вас бессильным до малейших жизненных деталей. Не старайтесь оправдать эти незначительные с виду детали, так как оправдывая вы оправдываете причину всех ваших недомоганий, причину вашей болезни, экзальтированную задачу. Искорените ложную мотивацию, которую вы употребляете тысячу раз в день без вашего ведома. Искоренить в данном случае является синонимом признать: речь идет о том, чтобы понять, что каждое активное бессилие является признаком скрытой вины. Причиной каждого бессилия в данный момент является ложное оправдание, непризнание предыдущего бессилия, всех предыдущих бессилий. Потому что вы оправдали вашу ошибку вместо того, чтобы признать ее и освободиться от нее, вы ее постоянно повторяете и она только увеличивается от этого. Настоящая ошибка, которую вы совершаете, это не случайная и второстепенная слабость, а основная и внутренняя слабость, общая и законная причина всех ваших случайных слабостей: ложная мотивация. Вы жалуетесь на ваши страдания. Страдать - это переносить неохотно. И постоянно воображая, что жизнь заставляет вас постоянно переносить незаслуженные обиды, вы экзальтируете реальное страдание. Ваше страдание, нервное страдание - это страдание, присущее жизни, которому подвержен каждый человек, и которое он должен быть в состоянии преодолеть или вынести, и которое вы экзальтируете воображением до такой степени, что оно кажется вам невыносимым. Ваше экзальтированное страдание - становится таким образом наказанием вашей основной ошибки, вашей внутренней слабости, вашей вины; оно - следствие экзальтированного воображения, которое заставляет вас думать при каждой возможности, что вы не делаете ошибок. Даже принимая, что вы такой, и во всей ошибке виноваты другие,

ваше нервное состояние это признак того, что - так как вы не можете изменить других - вы продолжаете совершать еще основную ошибку не принимая их. Отказываясь принимать несправедливости часто неизбежные, которые вас заставляют испытывать другие люди из-за их собственных ложных мотиваций, вы неизбежно жалеете себя (так как не желая принять, это означает жалеть себя). И поскольку жалея себя, вы возмущаетесь несправедливостями, которые вам навязывают другие, вы их чрезмерно обвиняете. Чем больше вы будете стараться вытеснить при каждой новой возможности ответственность за вашу начальную ошибку, тем больше вы будете переполняться тщеславием, сентиментальностью, обвинением, то есть виной. Именно в этом заключается вина, и она не была бы виной, если бы не являлась жизненной ошибкой, причиной экзальтированного страдания. Это магическое окружение. Вы не выйдете из него пока - вместо того, чтобы признать вашу ошибку - будете подавлять каждое чувство вины. Вы добьетесь только увеличения вашего тщеславия. Круг вновь завязывается на уровне тщеславия еще больше перенапряженного, на плане более подсознательной вины. И пока вы будете считать, что вы без вины и без ошибок, вы не сможете прекратить вращение этого магического и порочного круга. Это просто и точно, как машина, которая следует движению, предписанному законом; но это адская машина; и поскольку вы сами предоставляете этой машине, ее движению, энергию, вашу витальную энергию, то вы подвергаетесь и одновременно навязываете себе inferнальную и магическую махинацию. Но из-за того, что все, что с вами происходит - это наказание вашей вины, наказание, которое вы обязаны на себя налагать, эта адская машина, эта подсознательно рассчитанная махинация является самым правильным выражением жизненного закона, смысла жизни. Ваше недомогание, ваше экзальтированное страдание, ваша болезнь - это признак, что вы вращаетесь в противоположном жизни направлении. Прекратите противостоять смыслу жизни; так как несомненно, жизнь и ее смысл сильнее вас, и чем больше вы ей противостоите, тем больше вы рискуете быть уничтоженным. Повернитесь в обратном направлении, в направлении жизни, в разумном направлении. И с той же присущей закону необходимостью, которая заставляет вас страдать, вы выйдете из вашего экзальтированного страдания, вы излечитесь от вашей болезни. Именно ваше чувство вины, вызванное тщеславием заставляет вас противостоять жизни. Оно слишком сильно, чтобы его можно было атаковать в центре, и вы поймете величину его силы только по мере того, как она будет уменьшаться. Так как именно оно мешает вам ясно

видеть, вас ослепляет. Чем сильнее тщеславие, тем меньше вы можете его видеть. Это даже определение тщеславного обмана. Вы предполагаете, что он не существует. Но вы имеете четкое измерение широты его силы: величину необходимого усилия, чтобы преодолеть его. Несмотря на то, что вам нравится думать, что он не существует, вы хорошо знаете, что это не так, и вы чувствуете в этот момент, что у вас нет сил для ее атаки, что вы предпочитаете оставаться ее жертвой. Вы боитесь, что терапия навязывает вам слишком большое усилие. Она не предлагает вам полностью и моментально избавиться от тщеславия; речь идет только о том, чтобы постепенно его сократить, чтобы меньше от него страдать. Единственное, что терапия не может сделать за вас, так это первый шаг. Эту проблему можете решить только вы сами, так как она составлена отношением между величиной вашего страдания и вашего жизненного порыва насколько он остался невредимым. Прекратите обвинять экзальтированным образом других людей и оправдывать себя; и что то же самое, перестаньте чрезмерно обвинять себя и сентиментально оправдывать других. Прекратите чувствовать свое превосходство и вы прекратите чувствовать себя неполноценным. Перестаньте быть сентиментальным по отношению к другим, подчиняясь их капризам или их мнениям, так как только тщеславие вас к этому обязывает, думая, что вы произведете хорошее впечатление. В действительности, вы производите на других только ужасное впечатление и вы просто пробуждаете их тенденцию к обвинению, их презрение и их агрессивность. Сопровитвляйтесь другим, но не с помощью вашей агрессии, или вашей девалоризации; сопротивляйтесь, практикуя противоположность игры, которую в большей или меньшей степени практикуют все и забавляется этим: тщетную игру обвинений и оправданий. Прекратите обвинять экзальтированным образом других людей, чтобы не быть обязанным восстанавливать с помощью подсознательного расчета нарушенное равновесие, обвиняя себя экзальтированным образом. Перестаньте чувствовать себя виноватым, мучать себя, экзальтированно страдать. Ищите в каждой из ваших слабостей, насколько незначительной она бы ни была, вашу мотивирующую ошибку, и вы найдете ваши реальные качества. Ошибка заключается в вашей накопленной озлобленности, во всех чувствах неполноценности и превосходства, которые выражаются, так что вы этого не знаете в вашем взгляде, в ваших "намекх". Так как ложные мотивы, которые движут вами являются конвульсивными чувствами. И поскольку любое чувство вызывает иннервацию, конвульсивные чувства

конвульсируют тело. Ваша ложная мотивация всех человеческих отношений очевидна для других в вашем поведении, даже до того, как она превратилась в ложную реакцию; оно провоцирует при первой встрече, при первом контакте, недоверие, ложные реакции других людей, вызванные их собственными ложными мотивациями. Следовательно, именно ваша ложная мотивация в конечном итоге является не только причиной вашего внутреннего мучения, но и ваших неудач на социальном уровне. То что другой вам не простит, так это то, что при первом контакте он схвачен и овладевает вашим магическим кругом, заражен вашим беспокойством или вашим высокомерием, вынужден мотивировать и поступать неправильно, сильнее, чем он этого хотел. Встречая таким образом только ложные реакции других людей, с вами происходит то, что до того, как вы действуете, вы уже убеждены в несправедливости мира, в котором только вы один справедливый и невиновный. Люди избегают вас или изводят вас. Вы в конечном итоге избегаете их. Каждая новая встреча, которую вы предчувствуете как нежелательную и мучительную, делает вас более застенчивым или агрессивным, еще более бессильным, чем когда-либо и непременно предоставляет вам новое доказательство, еще более яркое враждебности, "крайней несправедливости" мира. Ищите вашу ошибку в этом порочном окружении, которое завязывается между вашей ложной мотивацией, сопровождаемой вашими ложными реакциями и ложной мотивацией других людей которая проявляется при помощи их ложных реакций. Ища для каждой из ваших бессилий ответственность, лучше понимая вашу скрытую ошибку, вы трансформируете каждое ваше внешнее бессилие во внутреннюю удачу, в объяснение, которое в конечном итоге справиться в вашей подсознательной ложной мотивацией. Таким образом вы сможете создать, мало-помалу в себе самом правильную мотивацию, которая приведет вас к правильным реакциям, которые в конечном итоге справятся в вашей болезни и со всеми симптоматическими выражениями. Именно ложная мотивация определяет подсознательное поведение: болезнь и ее симптомы нервозности и банализации; и именно правильная мотивация определяет правильные реакции: психическое здоровье, равновесие и гармония. По мере того, как ваша мотивация станет правильной, она будет действовать для вас и вы выйдете из вашего магического окружения, преодолете экзальтацию вашего воображения. Вы поймете реальность о вас и реальность о других. Нет другого способа преодолеть нервозность и ее страдание или банализацию и ее оцепенение; ни для вас, ни для никого другого."

Терапия заключается в том, чтобы объяснить больному его основную ошибку, или, что тоже самое, объяснить ему смысл жизни, который заключается в том, чтобы избежать основной ошибки человеческой натуры; и терапия заключается в том, чтобы показать больному его основную ошибку в каждой из его слабостей, вплоть до того, что он сможет ее найти сам. *Терапия заключается в синтезе, основанном на анализе.* Больного, сломавшего ногу, не лечат с помощью восстановления обстоятельств его происхождения, рассказывая ему, что другие его толкнули. Это внешние причины, которые могут иметь юридический интерес, но разоблачение которых не имеет никакого лечебного эффекта. Каждая психическая болезнь - это упорный реванш против семьи, против общества, против целого мира, против жизни и ее смысла. Больной разочаровывается в жизни и отказывается жить разумно; он ищет только своего реванша. Он упорно разрушает самого себя, думая, что наказывает жизнь, и это разрушительное упорство является последним выражением его сентиментального обвинения и его виновного тщеславия. Есть только одно достаточно сильное средство, чтобы вырвать его из сетей упорства, его навязчивой идеи: это *конфронтация его неразумного поведения с последним смыслом жизни.* Но эта конфронтация должна постоянно обновляться; имманентный смысл жизни должен постоянно представляться больному в новых аспектах и с новыми формулировками. Так как психическая болезнь - это жизненная деформация, жизненная ошибка "Антитеус", Антей, гигантский монстр, который каждый раз снова обретает силу, как касается земли; она - гидра, отрезанные головы которой вырастают в два раза многочисленнее, если рана не прижигается огнем, постоянным символом очищения с помощью духовного понимания. Две головы, которые вновь отрастают, можно понять как амбивалентность в которой заключается каждая реакция больного, каждый ложный мотив его реакций разлагается и разделяется. Очистительный огонь: доступное объяснение ложных мотивов и ложных реакций, психологический расчет заключается, следовательно, в поиске для каждого ложного мотива и для каждой ложной реакции его амбивалентного дополнения, и направления, в котором следует искать задается категориями ложной мотивации. *Сознательное и исправляющее употребление подсознательно искаженного расчета в конечном итоге делает человеческий рассудок способным составить уравнение по условиям жизненных задач.* Но эта реконструкция, пока она будет оперантной только при помощи автоматической привычки, не будет

достаточной для решения всех психических проблем и их бесконечных комбинаций. Жизненные проблемы становятся понятными только при оживлении автоматизма, что требует поднятия к источнику оживляющего порыва и спуску в пропасти, где осуществляется подсознательный расчет, пропасти, которые любой человек несет в себе, так как этот легальный расчет с ложными мотивами является ошибкой человеческой природы. Только постоянно оживляя расчет, еще более проникательно понимая свой рассудок, раскрывается бесконечная и калейдоскопичная изменчивость, богатство здоровых и разумных оценок, новых и удивительных, позволяющих обходить жизненные проблемы, чтобы освободиться от навязчивой болезни и ее хитростей. Однако, эта форма объяснения затрагивает только отношения человека к самому себе.

Эффективность терапии может объясняться еще и другим образом, откуда еще более четко выйдет **СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННИХ МОТИВОВ.**

Вполне понятно, что психология базируется на отношении между "я" и "другой". Но чтобы основать ее в соответствии с реальными данными об этом межперсональном и социальном отношении, следует различать, с одной стороны, *истинное я и его реальное видение другого, а с другой стороны деформированный образ я и другого, произведенный экзальтированным воображением.*

Я, поолностью ставшее аутентичной реальностью, освобожденной личностью от деформирующих озлоблений по отношению к другому, гармоничной единицей, закрытой в себе самой, таким образом является объективно открытой для окружающего мира, открытие , которое является любовью. Аутентичное я - это структурированный организм, все энергетические проявления, все мысли, все поползновения, все чувства которого образуют аналогическое соединение, в котором никакая другая порция энергии не находится в противоречии с другой, в котором нет мертвой силы, а следовательно ни экзальтации, ни ингибиции. Аутентифицирование я (устранение тщеславной лжи), являясь никогда не осуществляемым идеалом, основным и сверхсознательным желанием каждого человека, старается сформировать это идеальное я. Говоря другими словами: основное сознание рассматривает формирование аутентичного я, последнего смысла жизни (следует отличать от социальной задачи каждой индивидуальной жизни), эволюционного усилия к идеалу в

лимите располагаемой силы. Человек, который бы полностью реализовал свое идеальное я, который стал бы идеальной реальностью, воспринимал бы других как реальности, какими они в действительности являются, со всеми их реальными качествами и реальными недостатками, и он смог бы их полностью принять как реалии. Именно потому что он бы полностью от этого освободился, потому что он их бы совершенно объективировал, потому что он идеальным образом от этого бы отделился, он идеально мог бы с этим соединиться, и это идеальное соединение является активной любовью, добротой. По мере того, следовательно, как аутентичное я реализуется "другой" становится реальностью, воспринимается как осязаемая реальность.

Но идеальное я никогда совершенно не реализуется и "другой" следовательно никогда не воспринимается реальным я во всей своей реальности. Я и другой никогда совершенно не отделены. Не являясь независимыми реалиями, они частично являются фантазиями; они путаются в воображении. Идеальное я было бы сознательным я всех мотивов. "Существующее" я никогда полностью не является сознательным; его мотивы частично подсознательные, деформированные воображением. Эта подсознательная часть: воображение "я" и "другого", частично искаженная интерпретация намерений я и намерений других людей, может экзальтироваться, и отсюда следует болезненная или явная деформация психики. Более или менее экзальтированное воображение, "содержимое" подсознательного разлагается, следовательно, на более или менее экзальтированное воображение я, на деформированный образ себя самого (и своих мотивов), и на деформированный образ другого (и его мотивов). Поскольку эти два образа более или менее перепутаны в подсознании, то образ другого, следовательно, подсознательно и неотделимо сопровождает образ себя самого. Именно этот образ другого человека, подсознательная пара своего образа названа психологией "*социус*" (Бальдвин, Жане).

Очевидно, что эта концепция *социума*, освещенная не интроспективной психологией не могла быть разработана путем клинического наблюдения, ни каким-либо другим внешним наблюдением. Психологи могли сделать это открытие только путем секретной интроспекции. Таким образом, *социум* должен остаться гипотезой, сохраняющей спекулятивный характер пока она не найдет своего подтверждения. Только методическая интроспекция в состоянии подтвердить эту гипотезу, и если этот способ проверки был бы неэффективным, то любое заключение основанное на

концепции социума осталось бы спекуляцией. Однако, это слишком большой триумф для всей психологии, что интроспекция оправдывает именно эту предварительную концепцию : образ другого, подсознательно сопровождающий и влияющий на все поползновения существующего я. Поскольку идеальное я никогда полностью не является реальностью, поскольку деформированный образ другого чередуется всегда более или менее с я (делая из самого я фантазию, образ самого себя более или менее деформированный), то полностью оправдано то, что сказать, что я не становится существующим, может формироваться только в отношении с другим. Но важно не забывать, что этот другой , являясь только образом, который эго подсознательно делает из альтер, однако остается частью этого "целого", которым является я, частью психики: социумом.

Интроспекция открывает правильную и ложную мотивацию и ее легальный расчет. Однако, мотивация в своей правильной форме не что иное как аналогическое соединение идеального я как реализованного; другими словами: она является отношением между идеализированным я (спиритуализированным и сублимированным) и "другим", воспринимаемым как реальность. Ложная мотивация, напротив, - это отношение между более или менее экзальтированным воображением о себе самом и более или менее экзальтированным воображением о другом. Подсознательный образ я колеблется между двумя полюсами: тщеславием и виновностью; а подсознательный образ другого - между сентиментальностью и обвинением. Поскольку эти два подсознательных образа неотделимы, обе части ложной подсознательной мотивации, чувство вины, вызванное тщеславием и сентиментальное обвинение также неразрывно связаны. ЭТО СКАЗАТЬ, ЧТО НЕЛЬЗЯ К ЭТОМУ ДОБАВИТЬ НИКАКОЙ ДРУГОЙ ФОРМЫ ЛОЖНОЙ МОТИВАЦИИ.

Воображение о себе самом, деформированный образ я формируется в связь с воображением о другом, в связи с деформированным образом другого, потому что человек не реализовал идеальное я и его аналогическое соединение (полноту, личность, которая заключается в себе самом, которая находит в себе оправдание и уверенность.) Таким образом, его подсознательное я, неуверенное, тщеславное и виновное испытывает потребность играть роль перед образом другого, своим собственным созданием, чтобы в воображение завоевать одобрение другого, чтобы оправдаться перед ним. Обман этого внутреннего спектакля, который преподносит себе воображение, порождает тем, чтобы образ другого сформировался - то есть

деформировался - таким образом, чтобы другой, или скорее его образ не мог в конце концов отказать в своем одобрении, даже в самых деформированных деятельности "я" подсознательно ослепленным; так как деформированный образ другого в сумме не что иное как подсознательное я, проявление этого деформированного и патогенного я. Подсознательное я раскалывается на две части (и кстати оно может распадаться на несколько частей): действующее я и я зритель-защитник воображаемый как другой, другой. Неудивительно, что чем дольше длится этот внутренний спектакль, эта воображаемая игра, эта болезненная интроспекция, тем больше подсознательное я становится тщеславным, наполненным чувством своей непогрешимости. Также неудивительно, что это чувство тщеславной непогрешимости сопровождается виновной тревогой перед реальностью другого, перед другим не только воображаемым, но реально живущим. Дополнительная часть ложной мотивации, которая формируется таким образом, сентиментальное обвинение, направленное к реальности другого, других, всего лишь упрек и жалоба на то, что этот другой, реально существующий, не соответствует образу, воображению, которое хотело свести его к роли защитника.

Однако нужно различать многочисленные формы, в которых может проявляться подсознательный образ другого: он может быть более или менее абстрактным или конкретным.

Самый абстрактный образ не касается того или иного другого человека, он касается всех других людей и не относится к их конкретному представлению, а к их мышлению, их мнению. Он является *тревогой перед мнением другого, условным сознанием*. Поскольку этот абстрактный образ, тревога перед мнением более или менее акцентуирована в подсознании каждого человека, то он проецированный каждым наружу и сжатый в воображаемую общую идею того, что нужно делать, чтобы понравиться другим и чтобы завоевать их одобрение: *публичное мнение*. Оно меняется со временем, но однако оно имеет более или менее неизменные формы, которые постоянно возрождаются в подсознании, составляя банальную и условную мораль: идею, что прежде всего нужно навязывать другим с помощью денег или положения; детская идея, свойственная менталитету взбунтовавшегося ребенка - что не нужно "позволить на себя давить", а защищаться при помощи любого средства, что никогда не нужно принимать несправедливость, а отвечать на нее такой же несправедливостью;

идея, что никогда не нужно признавать ошибку, а всегда иметь готовый ответ, чтобы отрицать любую ошибку и т.д. Эти обычные мнения видимо являются вредом, причиняемым банализацией.

Но зависимость от образа другого не только имеет этот банально условный аспект.

Чем больше человек нервный, а его воображение будучи экзальтированным и ингибированным, его подсознательное я взяло за привычку поставиться на сцену перед внутренним зрителем-защитником, тем сильнее образ другого, деформированный в соответствии с потребностями, свойственными сюжету, становится почти конкретной персонификацией. Нервный человек подсознательно привык оправдываться не только перед общественным мнением, но и перед тем или другим, деформированный образ которого он несет в себе, что побуждает его к постоянным обдумываниям самооправданий, которые принимают форму диалогированного монолога. Каждое чувство сопровождается идеей: я ему это скажу; он поймет, что был неправ. Этот другой, идет ли речь впечатлить кого-нибудь, к кому нервный человек аффективно привязан или к которому экзальтировалась его категория "превосходства-неполноценности". Правда заключается в том, что воображаемое намерение впечатлить никогда не осуществляется. Это всего лишь скрытый образ другого, ставшего внутренним зрителем-защитником, который впечатлительный. Реальная личность ответит на эти внешние пережевывания, на эти желания впечаталить, при помощи экстериоризации своих собственных озлобленностей. Отсюда будет следовать только взаимная проекция и репроекция обдумываемой ошибки каждого. Ошибочное воображение каждого о другом оттачивает собранные озлобленности до производства взрыва: ссоры. Нервный человек, более или менее находящийся в состоянии озлобленного раздражения, в конечном итоге совершает по отношению к любому человеку при каждом контакте эту ошибку о впечатлительности реального партнера, ошибку, которая обостряет каждую ситуацию и делает ее травмирующей. Он несет в себе клише отношений, при помощи которых он думает внушить уважение, скрытые интонации голоса, выдающие его застенчивость или агрессивность, осуществляемые в немых и воображаемых диалогах с зрителем-защитником, и которые неизбежно проявляются по отношению к реальной личности, создавая у собеседника впечатление, что он имеет дело с буйным человеком за пределами ситуации. Нервный человек, действительно, за пределами ситуации и "вне себя", именно потому что он повторяет громким голосом привычный диалогированный монолог со своим зрителем-

защитником, выполняющим роль суфлера, постоянно внушающего ему ложно мотивированные мнения, которые субъект привык находить эффективными и занятыми. Вместо того, чтобы говорить в состоянии присутствия духа с собеседником, все внимание нервного человека занято необходимостью слушать "внутреннего суфлера", его внутреннего защитника и его советы: "Ты скажешь то или это и ты произведешь прекрасное впечатление" - или "Сейчас ты допустил промах, нужно постараться исправиться". - Внутренний зритель постоянно нашептывает и навязывает, а реальный собеседник, ложно интерпретированный, замененный его деформированным образом, постоянно удивляется и находится под впечатлением. Только его настоящее впечатление всегда совершенно противоположно тому, что думает нервный человек. Оно ужасно. Нервный человек чувствует это, и думает только о своем внутреннем убожестве. Правда заключается в том, что нервный человек, амбивалентный во всем, боится этого ужасного впечатления, которое он производит. Он тревожно его предвидит до разговора. Тревога делает его застенчивым и отсутствующим во время контакта и преследует после беседы, что определяет "дух лестницы": внутренний диалог возобновляется с экзальтированным порывом после каждого неудачного контакта. Диалогированный монолог повторяет детали прошедшей беседы. Монолог начинается с самоупреков, засыпающих ложного внутреннего советчика (обученного подсознательным я стать советчиком-суфлером, приглашающим деформированное я неосторожно выставляться) и приводит финальному примирению между подсознательным я и его зрителем (ложным интроспектором), то есть к проекции ошибки за пределы психики, к оправданию обоих внутренних персонажей и к обвинению - по обоюдному согласию - и впоследствии считающемуся справедливым - реального собеседника.

Следовательно, можно видеть, что тщеславие можно определить как согласие между наделенным богатым воображением я и его воображаемым зрителем; виновность - это разногласие, ссора между двумя. Сентиментальность (жалость к себе самому) затрагивает внутреннюю нищету: неспособность концентрации на реальной ситуации; обвинение - это отказ от внутренней нищеты недостаточно объясненной в соответствии со своими мотивами, проекция ошибки на реального зрителя. Этот цикл секретных реакций и его результат - установление ложного внутреннего согласия приводящего к увеличению тщеславия - повторяется после каждой шокирующей и травмирующей ситуации; он составляет реальную травму, саму являющуюся чистым

воображением, потому что коварно спровоцированная, но которой остается пропитана психика. Цикл внутренне искаженных ситуаций - является законной сущностью каждой случайной и травмирующей ситуации, какова бы она ни была. (Следует отличать от этой ложной мотивации витальную вину и основное тщеславие: витальная вина не является ссорой между наделенным воображением я и образом другого; она заключается в том, что два подсознательных персонажа существуют в больной психике, что психика не является персональной единицей, имеющей свою точку тяготения в себе самой, персональность; витальная вина затрагивает основное сознание. Что касается основного тщеславия, то оно заключается в том, что человек думает, что он реализатор идеала, персональной единицы, несмотря на то, что оба подсознательных персонажа существуют в нем, несмотря на то, что он подсознательно разделен, дислоцирован. Он принимает тщеславное согласие, маску деперсонализации за персональную единицу.)

При помощи расширенных примеров - где реальный собеседник в конечном итоге обвиняется - можно увидеть, что это привычное обвинение - следствие последовательных трансформаций реальных собеседников в искаженное воображение, которое в свою очередь деформирует все сильнее я и еще больше побуждает его к ложным мотивациям-реакциям. Эти постоянные трансформации реальности себя и другого служат для усиления подсознательного клише образа другого, абстрактного клише при помощи которого все другие в конечном итоге предвосхищают как злобных и виноватых. Каким бы ни был собеседник, он введен в психику, поглощен клише и трансформирован в соответствии с потребностями тщеславного я. Образ другого, рассматриваемый как неполноценный всего лишь является зрителем-защитником, перед которым выставляется тщеславное я, и дань восхищения которого он ждет. При помощи этого подсознательного поглощения другого, нервный человек в конечном итоге добивается того, в чем реальность ему отказывала: предполагаемого восхищения других, которое однако является самовосхищением, удовлетворением персонального тщеславия. Но тщеславие не способно быть постоянно удовлетворено, и именно потому что тщеславное я страстно желает одобрения, другой, когда он введен, всегда присутствующий зритель, легко становится навязчивым наблюдателем, высшим судьей тщеславному я: самообвинителем.

Эти констатации, позволяющие понять каким образом клише "образа другого" образуется первоначально, помогут постичь третий аспект - самый конкретный и самый подсознательный - что "образ другого" может приобретать третью функцию, который он выполняет в психике. (Первым аспектом была тревожная зависимость от абстрактного мнения других, то есть от публичного мнения; вторым - тревожная зависимость от конкретного мнения каждого последующего собеседника).

Существуют межчеловеческие отношения, которые больше не являются временными, а постоянными (родители, супруги, дети). Эти отношения больше не оказывают временной травмы, а постоянную. Они пропитывают психику очень конкретными, но полностью подсознательными образами, личностями, которые больше в общем не являются ближними, а самыми близкими, "интимными", причинами постоянных травм. Деформированный образ этих интимных существ навсегда введен и постоянно влияет на психику. Целая часть психической энергии поглощена и постоянно употребляется напрасно, чтобы организовывать и поддерживать эти постоянные образы, то есть чтобы трансформировать - при случае каждого нового раздражения - реальность другого в деформированный образ. Целью - напрасно рассчитанную - является нейтрализовать последовательные травмы, вызванные взаимной провокацией неразлучных партнеров. В этом случае также - как и в предыдущем случае постороннего собеседника - воображаемая трансформация используется, чтобы ругать при помощи диалогированного монолога другого, представляемого как виновного врага и постараться восторжествовать над ним, сводя его к роли подчиненного защитника. Но из-за того, что один и тот же реальный человек подвергается этой воображаемой трансформации, образ постоянно усиленный новыми деформирующими введениями, становится гипостазом, фетишом, "сверх-я", которое нервный человек рассматривает как примитивный своего идола: он умоляет его, и когда он не поддается на умаление, он его бичует.

Эти ложно интерпретативные отношения завязываются - между нервными субъектами - в любой ситуации труднорастворимой ситуации, как например профессиональные отношения. Нервный человек, даже если он находится в привилегированном положении иерархического начальника, не избегает мучения от своей секретной зависимости от мнения подчиненных. Правда, что нервный человек, находящийся в положении подчиненного будет мучаться еще сильнее, потому что его тревога перед мнением начальника может привести его к тому, что он будет считать свое

материальное положение в опасности. Попытки найти решение к проблемам ложно поставленным, создадут - как у подчиненного, так и у начальника - многочисленные искаженные отношения, которые будут варьироваться между подчиненным запугиванием и доминирующей надменностью.

Но эти аффективно навязчивые связи, приводящие к настоящему злобному разладу преимущественно завязываются между родителями и детьми или между супругами. Партнеры несут в себе гипостазированный образ другого. Подсознательно, аффективно, навязчиво привязанные друг к другу при помощи деформированного образа, они остаются в конкретной жизни, реально отделенные друг от друга из-за воображаемой ошибки. Они могут продолжать жить вместе, погруженные в их взаимный кошмар, но в действительности не осознавая друг друга, не чувствуя истинные потребности партнера. Сентиментальная любовь и обвинительный реванш даже не направлены на реального партнера, а на его образ; реальный партнер рассматривается только через призму деформированного и навязчивого образа. Но поскольку этот образ другого, эта фантазия о другом являются только частью разъединенного я, я и другой перепутаны, идентифицированы. Мольба, адресованная к другому прекратить мучение травмирования, так же как и реванш, вновь провоцирующий мучение, приобретают значение мольбы, направленной к себе самому с целью прекращения провокации другого и значение реванша, направленного против себя самого, самонаказания. Это любовь-ненависть. Эта любовь-ненависть подпитывается самыми незначительными ежедневными событиями, привычками партнера, ставшими невыносимыми, малейшими трениями, но которые всегда действуя в одном и том же психическом "месте", открывают "гнойную язву". Не события являются травмирующими; а их интерпретация. У людей живущих в постоянной близости, часто именно некоторые "телесные" функции и способ их удовлетворения, которые имея тенденцию приниматься взаимно за невыносимые привычки, пробуждают обесценивающую и ненавистную интерпретацию: например, манера есть. (Также, в том что касается детей - особенно когда они лишены нежности или когда их боготворят - , их обвинительная интерпретация, подпитываемая неудовлетворенным любопытством, может зафиксироваться на отношении родителей, подозреваемых нечистыми и необъяснимыми). Но экзальтация сексуального любопытства является только способом удовлетворения основной тенденции раненой психики, жаждущей ласки, тенденцию ввести в себя другого, чтобы иметь его в своем

распоряжении, чтобы в каждый желаемый момент мочь восторжествовать над ним при поомощи виновного тщеславия, считая себя лучшим (более чистым) и постоянно преследовать его при помощи обвиняющей сентиментальности. В этой тенденции к *введению* можно найти всю теерминологию психоанализа: *идентификация* (образ другого, гипостазированный в идол, сентименально любимый и бичуемый); *ригидное сверх-я*, которое не является продуктом сублимации, а подавления. (Именно подавление чувства вины по отношению к гипостазированному образу отца ложного воспитателя одновременно пере- и недооцененного, производит ригидность морализаторской конвульсии, ложную сублимацию в конечном итоге сжаатую в экзальтированную компенаторскую задачу. Так называемые сексуальные комплексы, вызваны комплексности воспоминаний травм, которые спровоцировали последовательные идентификации: введение образа-отца, который навязывает обязанности. Может быть велико искушение сексуально интерпретировать эту любовь-ненависть. Но, в действительности, она вызвана смертью истинного чувства. Причина этого заключается в энергетической и законной работе подсознательной психики, которая отвечает на любую травму при помощи разделения психики на деформированный образ себя самого и на деформированный образ другого и при помощи тщеславного усилия, чтобы установить согласие между двумя деформированными образами. Основная причина этого процесса образована подавленной виновностью, то есть тщетностью воображаемо деформированного я, и ее обвиняющей сентиментальностью, направленной против деформированного образа отца.) Но самая главная причина, причина ложной мотивации заключается в поиске в *витальной вине*, в факте, что смысл жизни, жизненная задача - *формирование персональной единицы, истинного я - не реализована*, и в поиске *основном тщеславии*, в факте, что *реализация - в лимитах персональной силы - основной задачи, замещена конвульсивным усилием тщеславного я, направленного к неразумной задаче, превосходящей все силы: экзальтированной задаче.*

То, что было сказано о деформированном образе я и деформированном образе другого самым ясным образом показывает в чем заключается эффективность терапии. Пока присутствует тщеславное я, деформированный образ другого также будет присутствовать и все социальные отношения от этого будут нарушены. Первый результат, который лечебное вмешательство должно стараться получить, является разложение подсознательно навязчивой фиксации на деформированном образе

конкретных лиц (особенно близких). Вся эффективность лечебной работы заключается в объяснительном разложении искаженных образов я и другого, постоянном источнике озлобленностей; она заключается в восстановлении оценивающей ясности рассудка и его способности самоконтроля. Пока скрытое, основное, общее и законное значение фиксации на искаженных образах - ложная мотивация - остается неузнанным, объяснения аналита также остаются смутными и схематичными. Чтобы устранить ложные реакции, он сводится к даче случайных советов, более или менее основанных на текущих и условных мнениях. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ОБРАЗОМ Я И ОБРАЗОМ ДРУГОГО - ПЕРВЫЙ ПРИЗНАК СИМВОЛИЗАЦИИ. По мере разложения, или уменьшения символических фиксаций, больной, еще далекий от выздоровления, имеет тенденцию подсознательно фиксироваться на актуальной ситуации, на анализе. Аналитист начинает все больше и больше выполнять клише "образа другого", который еще остается. Больной подсознательно чувствует себя преследуемым и наблюдаемым аналитистом в свою очередь введенным". Анализируемый идентифицируется с аналитистом, его действия остаются зависимыми от "образа другого", он не умеет действовать, не спрашивая себя, что сказал бы об этом терапевт. Любовь-ненависть, по мере того, как она отделяется от родителей, концентрируется на аналитисте. Врач стал внутренним зрителем, виновным и обвиняющим врагом и сентиментальным и защитником другом. Пока продолжается это состояние, анализируемый частично остается в сопротивлении. *Состояние в первой степени улучшения, но только если терапевт, ставший "образом другого", смог дать больному правильные директивы, основанные на смысле жизни.* Однако нужно заботиться о разложении еще этого образа, отделении анализируемого от образа аналитиста, сделать его независимым, так, чтобы уже больше не конкретный и подсознательный образ терапевта был директивным, *а сверхсознательное видение, и в конечном итоге сознательное понимание терапевтической правды.* Очевидно, что не всегда возможно достигнуть этой степени выздоровления, аутентичности. Но можно добавить, что аналитист "обрабатывает" психику больного и сеет в ней духовные и сублимационные семена, которые если почва плодотворная и обстоятельства благотворные, продолжают развиваться и приносят плоды, часто уже намного после конца лечения.

Социум, допускаемый вот уже долгое время психологией как анонимно сопровождающий - то есть подсознательно - каждого человека, является деформированным образом "другого". Так как где найти человека, осуществляющего

идеал, освобожденного от аффективного расстройства, ясного зеркала, которое умеет формировать и сохранять объективный образ другого человека? Но я - как это было видно - не могло бы формировать и поддерживать деформированный образ другого, если бы не было само деформированным.

Концепция социума предполагает, с одной стороны, КОНСТАТАЦИЮ ПОСТЕПЕННОЙ ДЕФОРМАЦИИ КАЖДОЙ ПСИХИКИ; и требует с другой стороны, различия между "образом я" и "образом другого". Развитие концепции социума, и поясняющее различие, которого оно требует, доказывают, что психологические правды, принесенные при помощи исследования на вид очень различного, могут найти точку соединения. Что позволяет надеяться, что когда-нибудь пути исследования могут объединиться в одну большую концепцию: правду о психике и ее практическом применении, воспитательного и перевоспитательного порядка.

В настоящее время методы и техники психологии являются противоречивыми, потому что им не хватает общего основания. Это объединяющее основание может быть только знание внутреннего мотивирующего функционирования. Интроспективная психология должна предоставлять клинической психологии и психологии поведения общую методику, обеспечивающую научную интерпретацию полученных данных при помощи различных форм наблюдения и опыта.

БУДУЩЕЕ ПСИХОЛОГИИ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ СОЕДИНЕНИИ ЕЕ ДИСЦИПЛИН, КАЖДАЯ ИЗ КОТОРЫХ ОСНОВАНА НА СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ ТЕХНИКЕ ИЗУЧЕНИЯ. Только таким образом психология станет наукой о жизни, необходимым дополнением так называемых точных наук. Условием для этого является снятие анафемы против интроспекции.

Приложения расширенного знания о психике, интроспективно установленное, превосходит терапевтический проект (как исключительно рассматриваемый в аспекте медицинского лечения). Теоретическое знание принимает в данном случае практическую функцию, которая касается эволюционного будущего.

За пределами всего того, что было сказано ранее по отношению к этому имеющему первоочередное значение факту, мудрость языка подтверждает его: знание - это дополнительное рождение (рождению тела). Знать (знать): родиться в рассудке и

рассудком. Это рождение основному - это рождение эволюционного порыва индивидуумов, а следовательно и рода. Воз-рождение порыва благодаря сознанию: знание себя, пронизательное сознание делающее способным управлять средой не только технически и механически, но и духовно благодаря предварительному господству над желаниями при помощи разумной оценки, создающей мотивы разумных действий. Именно к этому можно свести все проблему человеческой жизни и проблему науки о жизни. Рассудок должен стать способным оценивать, устанвливать иерархию обещаний мотивов, распределять действенные удовлетворения и создавать таким образом, сознательно и умышленно шкалу био-генетически имманентных ценностей, и действующих на всех этапах будущей эволюции. Какая бы ни была загадочная глубина жизни и психики, человеческий рассудок наделен всем необходимым, чтобы сознательно знать условия разумного жизненного удовлетворения. Стараясь узнать их лучше, он сам создаст условия своей эволюции. Исследования психических глубин позволяет различать разумное от неразумного. Только психически здоровая жизнь является разумной. Имманентный удовлетворительный смысл - освобождение от духа воображаемой экзальтации и от ее форм тщеславного ослепления (болезни рассудка). Эволюционное освобождение заключается в знании *превентивных условий ментального оздоровления*, открывающих путь не только к аналитическому перевоспитанию, но и к *профилактическому синтезу* : способу здорового воспитания рождающихся поколений.

Руководство порывов с рождения, воспитательная профилактика является конечно лучшим если не единственным средством эволюционного прогресса. Когда путь открыт, то может так произойти, что эволюционные эпохи сократятся по отношению к длине прошлых эволюций, потому что не только основанные на бессознательном эволюционном толчке, но и ясно мотивированные при помощи сверхсознательного стремления.

Последний смысл объяснительной интроспекции будет ли он трансформацией сверхсознательной имманенции идеала-гида в идею-гид сознательно мотивирующую, основную задачу биогенетически глубокую думающего вида?